Aus der

Büchersammlung des Capitäns

Th. Dempster Gordon.

Geschenk des k. Forstrathes G. Dürig
an die k. Bibliothek.

L. russ.

o.

60

11

//

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА И К°.

MDCCCXLI.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Апрѣля 29 дня 1840 года.

Цензоръ Никитенко.

ОГЛАВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.

СМѢСЬ.

стран.

Шоссе. 5

Москва 13

Ломоносовъ 21

О Цензурѣ 41

Русская изба. 47

О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ Потерянаго рая 63

Лордъ Байронъ 81

Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны д'Аркъ . . . 91

Рославлевъ. 107

Неконченныя повѣсти. 123

Анекдоты 151

Отрывки: литературныя, критическія, грамматическія замѣчанія 193

Записки бригадира Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года, съ предисловіемъ и примѣчаніями Пушкина 251

СМѢСЬ.

С Ш Р С Р

I.

ШОССЕ.

PROCÈS

ШОССЕ.

Узнавъ, что новая Московская дорога совсѣмъ окончена, я вздумалъ съѣздить въ Петербургъ, гдѣ не бывалъ болѣе пятнадцати лѣтъ. Я записался въ конторѣ поспѣшныхъ дилижансовъ (которые показались мнѣ спокойнѣе прежнихъ почтовыхъ каретъ) и 15 октября, въ десять часовъ утра, выѣхалъ изъ Тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, въ спокойномъ экипажѣ, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонахъ, ни о лошадяхъ, я вспомнилъ о послѣднемъ своемъ путешествіи въ Петербургъ по старой дорогѣ. Не рѣшившись скакать на перекидныхъ, я купилъ тогда дешевую коляску и съ однимъ слугою отправился въ дорогу. Путешествіе наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Ку-

знецы меня припѣсняли, рыпвины и, мѣспами, деревянная мосповая совершенно измучили. Цѣлые шесть дней пащился я по несносной дорогѣ и пріѣхалъ въ Пепербургъ полумерпвый. Мои пріяпели смѣялись надъ моей изнѣженноспію, но я не имѣю и припязаній на фельдъ-егерское геройспво — и, по зимнему пупи возвращясвъ Москву, съ пой поры уже никуда не выѣзжалъ.

Вообще дороги въ Россіи (благодаря пространспву) хороши, и были бы еще лучше, если бы менѣе объ нихъ забопились. Напримѣръ: дернъ еспь уже природная мосповая; зачѣмъ его сдирапь и замѣняпь наносной землею, копорая, при первомъ дождикѣ, обращаепся въ слякопь? Возьмипе перваго мужика, хопя крошечку смышленаго, и заспавьпе его провеспи новую дорогу: онъ начнепъ, вѣроятно, съ пого, чпо прорoепъ два паралельные рва для спеченія дождевой воды.

Лѣпъ сорокъ пому назадъ, гдѣ-по вмѣспо рвовъ, подѣланы были парапепы, пакъ-чпо дороги сдѣлались ящиками для грязи. Лѣпомъ дороги прекрасны; но весной и осенью пупешеспвенники принуждены ѣздипь по пашнямъ и полямъ, попому-чпо экипажи вязнупъ и попупъ на большой дорогѣ, между-пѣмъ, какъ пѣшеходы, гуляя по парапепамъ, благоденспвуюпъ.

Великолѣпное Московское шоссе начато по повелѣнію Императора Александра; дилижансы учреждены обществомъ частныхъ людей. Такъ должно быть и во всемъ; правительство открываетъ дорогу, частные люди находятъ удобнѣйшіе способы ею пользоваться.

Не могу не замѣтить, что, со временъ восшествія на престолъ Дома Романовыхъ, у насъ правительство всегда впереди на поприще образованности и просвѣщенія.

Собравшись въ дорогу, вмѣсто пироговъ и холодной телятины, я хотѣлъ запастись книгою, понадѣясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоровъ съ почтовыми товарищами. Въ тюрьмѣ и въ путешествіи всякая книга есть Божій даръ, и та, которую не рѣшитесь вы и раскрыть, возвращаясь изъ Англійскаго клоба или собираясь на балъ, покажется вамъ занимательна, какъ Арабская сказка, если попадется вамъ въ казематѣ, или въ поспѣшномъ дилижансѣ. Скажу болѣе, въ такихъ случаяхъ чѣмъ книга скучнѣе, тѣмъ она предпочтительнѣе. Книгу занимательную вы проглотите слишкомъ скоро, она слишкомъ врѣжется въ вашу память и воображеніе; перечесть ее уже не возможно. Кни-

га скучная, напропивъ, чипаепся съ разспановкою, съ опдохновеніемъ; оспавляепъ вамъ способноспь позабыпься, мечпапь; опомнивпись, вы опяпь за нее принимаепесь, перечипываепе мѣспа, вами пропущенныя безъ вниманія и проч. Книга скучная предспавляепъ болѣе развлеченія. Поняпіе о скукѣ весьма опносипельное. Книга скучная можепъ быпь очень хоропа; не говорю объ книгахъ ученыхъ, но и объ книгахъ писанныхъ съ цѣлію проспо липерапурною. Многіе чипапели согласяпся со мною, чпо Клариса очень упомипельна и скучна, но совсѣмъ пѣмъ романъ Ричардсоновъ имѣепъ необыкновенное досполнспво.

Вопъ на чпо хороши пупешесптвія.

И пакъ, собравшись въ дорогу, зашелъ я къ спарому моему пріяпелю * *, коего библіопекой привыкъ пользоваться. Я просилъ у него книгу скучную, но любопыпную, въ какомъ бы по ни было опношеніи. Пріяпель мой хопѣлъ-было мнѣ дапь нравспвенно-сапирическій романъ, упверждая, чпо скучнѣе ничего быпь не можепъ, а чпо книга очень любопыпна въ опношеніи участи ея въ публикѣ; но я его благодарилъ, зная уже по опыпу непрсодолимоспь нравспвен-

но-сатирическихъ романовъ. «Постой, сказалъ мнѣ * *, есть у меня для тебя книжка.» Съ этимъ словомъ вынулъ онъ изъ-за полнаго собранія сочиненій Александра Сумарокова и Михайлы Хераскова книгу, повидимому изданную въ концѣ прошлаго столѣтія. «Прошу беречь ее, сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ. Надѣюсь, что ты вполнѣ оцѣнишь и оправдаешь мою довѣренность.» Я раскрылъ ее и прочелъ заглавіе: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву;* съ эпиграфомъ:

Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй.

Телемахида. Книга XVIII, стр. 514.

II.

МОСКВА.

II

MOSCHUS.

МОСКВА.

—

Москва! Москва!... Покидая смиренную Москву и гоповясь увидѣпь блесшящій Пешербургъ, я заранѣе вспревоженъ при мысли перемѣнишь мой пихій образъ жизни на вихрь и шумъ, ожидающій меня; голова моя заранѣе кружится.....

Fuit Troja, fuimus Trojani. Нѣкогда соперничесшво между Москвой и Пешербургомъ дѣйсшвительно сущесшвовало. Нѣкогда въ Москвѣ пребывало богашое неслужащее боярсшво, вельможи, осшавившіе Дворъ, люди независимые, безпечные, спрасшные къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольсшву. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣсшомъ для всего Русскаго дворянсшва, которое изо всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на-зиму. Блесшящая гвардейская молодежъ налешала шуда жъ изъ Пешербурга. Во

всѣхъ концахъ древней сполицы гремѣла музыка и вездѣ была толпа. Въ залѣ Благороднаго Собранія, два раза въ недѣлю, было до пяпи пысячъ народу. Тупъ молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невѣспами, какъ Вязьма пряниками. Московскіе обѣды (пакъ оригинально описанные княземъ Долгорукимъ), вошли въ пословицу. Невинныя спранноспи Москвичей были признакомъ ихъ независимоспи. Они жили по-своему, забавлялись какъ хопѣли, мало забопясь о мнѣніи ближняго. Бывало, богапый чудакъ выспроипъ себѣ на одной изъ главныхъ улицъ Кипайскій домъ съ зелеными драконами, съ деревянными мандаринами, подъ золоченными зонпиками. Другой выѣдепъ въ Марьину рощу въ каретѣ изъ кованаго серебра 84-й пробы. Трепій на запяпки чепверомѣспныхъ саней поспавипъ человѣкъ пять араповъ, егерей и скороходовъ — и цугомъ пащипся по лѣтней мосповой. Щеголихи, перенимая Петербургскія моды, налагали и на наряды неизгладимую печапь. Надменный Петербургъ издали смѣялся и не вмѣшивался въ запѣи спарушки-Москвы. Куда дѣвалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда дѣвались балы, пиры, чудаки и проказники?—все исчезло! Оспались однѣ невѣспы, къ которымъ нельзя по-

крайней - мѣрѣ примѣнить грубую пословицу: Vieilles comme les rues. Московскія улицы, благодаря 1812 году, моложе Московскихъ красавицъ, все еще цвѣтущихъ розами! Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально, между широкимъ дворомъ, заросшимъ травою и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ гербомъ торчитъ вывѣска портнаго, который платитъ хозяину 30 рублей въ мѣсяцъ за квартиру; великолѣпный бель-этажъ наняпъ мадамой для пансіона — и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ-наймы — и никто его не покупаетъ, и никто его не нанимаетъ. Улицы мертвы; рѣдко по мостовой раздается стукъ кареты; барышни бѣгутъ къ окошкамъ, когда ѣдетъ одинъ изъ полицмейстеровъ со своими казаками. Подмосковныя деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремитъ въ рощахъ Свирлова и Останкина; плошки и цвѣтные фонари не освѣщаютъ англійскихъ дорожекъ, нынѣ заросшихъ травою, а бывало уставленныхъ миртовыми и померанцовыми деревьями. Пыльныя кулисы домашняго театра тлѣютъ въ залѣ, оставленной послѣ послѣдняго представленія Французской комедіи. Барскій домъ дряхлѣетъ. Во флигелѣ живетъ Нѣмецъ управитель

и хлопочетъ о проволочномъ заводѣ. Обѣды даются уже не хлѣбосолами спаринаго покроя, въ день хозяйскихъ имянинъ, или въ угоду веселыхъ обжоръ, въ честь вельможи, удалившагося опъ Двора, но обществомъ игроковъ, задумавшихъ обобрать на-вѣрное юношу, вышедшаго изъ-подъ опеки, или Сараповскаго откупщика. Московскіе балы... Увы! Посмотрите на эти домашнія прически, на эти бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ.... Кавалеры набраны кое-гдѣ — и что за-кавалеры! *Горе отъ ума* есть уже картина обветшалая, печальный анахронизмъ. Вы въ Москвѣ уже не найдете ни Фамусова, котораго, *всякому, ты знаешь, радъ* и князю Петру Ильичу, Французу изъ Бордо, и Загорѣцкому, и Скалозубу, и Чацкому — ни Татьяны Юрьевны, которая *балы даетъ нельзя богаче, отъ Рождества и до поста, а лѣтомъ праздники на дачѣ.* Хлестова въ могилѣ; Репетиловъ въ деревнѣ. Бѣдная Москва!...

Петръ I-й не любилъ Москвы, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ воспоминанія мятежей и казней, закоренѣлую старину и упрямое сопротивленіе суевѣрія и предразсудковъ. Онъ оставилъ Кремль, гдѣ ему было не душно, но тѣсно, и на дальномъ берегу Балтійскаго моря искалъ

досуга, простора и свободы для своей мощной дѣятельности. Послѣ этого, Долгорукіе чуть-было не возвратили Москвѣ своихъ Государей; но смерть молодаго Петра II-го снова упвердила за Петербургомъ его недавнія права.

Упадокъ Москвы есть неминуемое слѣдствіе возвышенія Петербурга. Двѣ столицы не могутъ въ равной степени процвѣтать въ одномъ и томъ же государствѣ, какъ два сердца не существуютъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Но обѣдненіе Москвы доказываетъ и другое—обѣдненіе Русскаго дворянства, происшедшее *частію* отъ раздробленія имѣній, исчезающихъ съ ужасной быстротою, *частію* отъ другихъ причинъ, о которыхъ успѣемъ еще потолковать.

Но Москва, утративши свой блескъ аристократическій, процвѣтаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленость, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенною силою. Купечество богатѣетъ, и начинаетъ селиться въ палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ. Съ другой стороны просвѣщеніе любитъ городъ, гдѣ Шуваловъ основалъ университетъ по предначертанію Ломоносова.

Императоры Петербургскіе, по большой ча-

спи, не литераторы, но предпріимчивые и смышленные литературные откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты неоспоримо на сторонѣ Москвы.

Московскій журнализмъ убьетъ Петербургскій. Московская критика съ честью отличается отъ Петербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе написали нѣсколько опытовъ, достойныхъ стать на-ряду съ лучшими статьями Англійскихъ Reviews. Между-тѣмъ, какъ Петербургскіе журналы судятъ о литературѣ какъ о музыкѣ, какъ о политической экономіи, т. е. наобумъ и какъ-нибудь, иногда впопадъ и остроумно, но большею частію неосновательно и поверхностно.

Философія Нѣмецкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому. Тѣмъ не менѣе вліяніе ея было благотворно: она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма Французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія.

III.

ЛОМОНОСОВЪ.

III

ДВОСОНОМОЛ.

ЛОМОНОСОВЪ.

Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I-мъ и Екатериною II-ю онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзіи и элоквенціи не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои оплывалъ онъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость полу-Славянская, полу-Латинская, сдѣлалась-было необходимостію; къ счастію, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига, и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова.

Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу погдашнихъ Нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надутыя. Его вліяніе на словесность было вредное, и до-сихъ-поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности — вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокоторжественный день тезоименитства и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству, *объ этомъ человѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ рифмотворствѣ, не думаетъ*.... За то съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи. Смотрите письма его къ Шувалову, къ Воронцову и проч.

Ничто не можетъ дать лучшаго понятія о Ломоносовѣ, какъ слѣдующій рапортъ, поданный имъ Шувалову о своихъ упражненіяхъ съ 1751 года по 1757.

«По ордеру вашего сіятельства велѣно всѣмъ академическимъ профессорамъ и адъюнктамъ, чтобы рапортовали вашему сіятельству о своихъ трудахъ и упражненіяхъ въ наукахъ съ 1751 года по-нынѣ. Въ силу онаго рапортую, что съ того времени до нынѣшняго числа по моей профессіи и въ другихъ наукахъ я учинилъ по-годно.

Въ 1751 году.

Въ Химіи. 1.) Произведены многіе опыты химическіе, по большой части огнемъ, для изслѣдованія натуры цвѣтовъ, что значитъ того жъ году журналъ лабораторіи на 12 листахъ и другія записки. 2.) Говорилъ сочиненную свою рѣчь о пользѣ химіи на Россійскомъ языкѣ. 3.) Вымыслилъ нѣкоторые новые инструменты для физической химіи.

Въ Физикѣ. 1.) Дѣлалъ опыты въ большіе морозы, для изысканія, какою пропорціею воздухъ сжимается и расширяется по всѣмъ градусамъ термометра. 2.) Лѣтомъ дѣланы опыты зажигательнымъ стекломъ и термометромъ, коль высоко вбекаетъ ртуть въ разныхъ разстояніяхъ отъ зажигательной точки. 3.) Сдѣланы опыты, какъ раздѣлять олово отъ свинца однимъ

плавленіемъ безъ всякихъ постороннихъ матерій, простою механикою, что изрядной успѣхъ имѣетъ, и весьма дешево спановится.

Въ Исторіи. Читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію Россійской Исторіи: Нестора, за нимъ Большой лѣтописецъ, Татищева первой томъ, Крамера, Вейселя, Гельмолда, Арсолда и другія, изъ которыхъ бралъ нужныя ексцеппы или выписки и примѣчанія, всѣхъ числомъ 653 спатьи, на 15 листахъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1.) Сочинилъ трагедію, Демофонтъ называемую. 2.) Сочинялъ стихи на иллюминаціи. 3.) Собранныя прежде сего матеріи къ сочиненію граммапики зачалъ приводить въ порядокъ. Давалъ приватныя лекціи студентамъ въ Россійскомъ стихотворствѣ, и особливо Поповскому, который нынѣ профессоромъ. 4.) Диктовалъ студентамъ сочиненное мною начало третьей книги краснорѣчія о стихотворствѣ вообще.

Въ 1752 году.

Въ Химіи. 1.) Дѣланы многіе химическіе опыты для теоріи цвѣтовъ, о чемъ явствуетъ въ

журналѣ сего года, на 25 листахъ. 2.) Показывалъ студентамъ химическіе опыты шѣмъ курсомъ, какъ самъ учился у Геккеля. 3.) Для яснаго понятія и краткаго познанія всей химіи дикповалъ студентамъ и полковалъ сочиненные мною къ физической химіи пролегомены на Латинскомъ языкѣ, которые содержатся на 13-ти листахъ въ 150 параграфахъ, со многими фигурами, на шести полулистахъ. 4.) Изыскалъ способы и практикою доказалъ, какъ составлять мусію. 5.) По канцелярскому указу обучалъ составленію разноцвѣтныхъ стеколъ присланнаго изъ канцеляріи строеній ученика Дружинина для здѣшнихъ стеклянныхъ заводовъ.

Въ Физикѣ. 1.) Чинилъ электрическія воздушныя наблюденія съ немалою опасностію. 2.) Зимою повторялъ опыты о разномъ протяженіи воздуха по градусамъ термометра.

Въ Исторіи. Для собранія матеріаловъ къ Россійской Исторіи читалъ Кранца, Препорія, Муратторія, Іорнанда, Прокопія, Павла дьякона, Зонару, Ѳеофана исповѣдника, Леона грамматика и иныхъ ексцерптовъ нужныхъ, на 5-ти листахъ въ 161 статьѣ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1.) Сочинилъ оду на

воспесшвіе на пресполъ Ея Имперапорскаго Величесшва. 2.) Письмо о пользѣ спекла. 3.) Изобрѣпалъ иллюминаціи и сочинялъ къ нимъ спихи: на 25-е апрѣля, на 5-е сенпября, на 25-е ноября. 4.) Орапоріи впорой часпи краснорѣчія сочинилъ 10 лисповъ.

Въ 1753 году.

Въ Химіи. 1.) Продолжались опыпы для изслѣдованія напуры цвѣповъ, чпо показываепъ журналъ пого же году, на 56 лисшахъ. 2.) По окончаніи лекцій дѣлалъ новые химико-физическіе опыпы, дабы привесши химію, сколько можно, къ философскому познанію и сдѣлапь часпью основапельной физики; изъ оныхъ многочисленныхъ опыповъ, гдѣ мѣра, вѣсъ и ихъ пропорція показаны, сочинены многія цыфирныя шаблицы, на 24-хъ полулисповыхъ спраницахъ, гдѣ каждая спрока цѣлый опыпъ содержипъ.

Въ Физикѣ. 1.) Съ покойнымъ профессоромъ Рихманомъ дѣлалъ химико-физическіе опыпы въ лабораторіи для изслѣдованія градуса пеплопы, копорый на себя вода принимаепъ опъ пога-шенныхъ въ ней минераловъ, прежде раскаленныхъ. 2.) Чинилъ наблюденія электрической си-

лы на воздухѣ, съ великою опасностію. 3.) Говорилъ въ публичномъ собраніи рѣчь о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ, съ исполкованіемъ многихъ другихъ свойствъ натуры. 4.) Дѣлалъ опыты, коими оказалось, что цвѣты, а особливо красный, на морозѣ ярче, нежели въ теплотѣ.

Въ Исторіи. 1.) Записки изъ упомянутыхъ прежде авторовъ приводилъ подъ спатьи числами. 2.) Читалъ Россійскіе академическіе лѣтописцы, безъ записокъ, чтобы общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ Россійскихъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. Для Россійской Грамматики привелъ глаголы въ порядокъ. 2.) Пять проектовъ со стихами на иллюминаціи и фейерверки: на 1-е января, на 25 апрѣля, на 5-е сентября, на 25 ноября и на 18 декабря.

Въ 1754 году.

Въ Химіи. 1.) Сдѣланы разные опыты химическіе, которые содержатся въ журналѣ сего года, на 46 листахъ. 2.) Повтореніемъ повѣрены физико-химическія таблицы, прошлаго года сочиненныя.

Въ Физикѣ. 1.) Изобрѣтены нѣкоторые способы къ сысканію долготы и ширины на морѣ при мрачномъ небѣ. Въ практикѣ изслѣдованіе сего безъ Адмиралтейства не возможно. 2.) Дѣланы опыты метеорологическіе надъ водою, изъ Сѣвернаго океана привезенною, въ какомъ градусѣ мороза она замерзнуть можетъ. Притомъ были разные химическіе растворы морожены, для сравненія. 3.) Дѣланы опыты при пильной мельницѣ въ деревнѣ: какъ текущая по наклоненію вода теченіе свое ускоряетъ, и какою силою бьетъ. 4.) Дѣлалъ опытъ машины, которая бы, подымаясь къ верху сама, могла поднять съ собою маленькой термометръ, дабы знать градусъ теплоты на вышинѣ, которая хотя слишкомъ на два золотника облегчалась, однако къ желаемому концу не приведена.

Въ Исторіи. Сочиненъ опытъ Исторіи Славянскаго народа до Рурика: дедикація, вступленіе; глава 1, о старобытныхъ жителяхъ въ Россіи; глава 2, о величествѣ и поколѣніяхъ Славянскаго народа; глава 3, о древности Славянскаго народа, всего 8 листовъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1.) Сочинилъ оду на

рожденіе Государя Великаго Князя Павла Петровича. 2.) Изобрѣлъ фейерверкъ, копорый былъ предспавленъ на новый 1754 годъ, и спихи сдѣлалъ. Также дѣлалъ проекпы на иллюминацію и фейерверкъ къ 25 апрѣля, къ 5-му сенпября, къ 25 ноября.

Въ 1755 году.

Въ Химіи. Дѣланы разные физико-химическіе опыпы, чпо явспвуепъ въ журналѣ пого жъ года, на 14 лисшахъ.

Въ Физикѣ. 1.) Сочинилъ диссерпацію о должносши журналисповъ, въ копорой опровергнупы всѣ кришики, учиненныя въ Германіи пропивъ моихъ диссерпацій, въ коменшаріяхъ напечашанныхъ; а особливо пропивъ новыхъ шеорій о шеплопѣ и спужѣ, о химическихъ расшворахъ и упругосши воздуха. Оная диссерпація, переведенная господиномъ Формсенъ на Французскій языкъ и въ журналѣ, называемомъ: Нѣмецкая библіошека (bibliothèque germanique) на ономъ языкѣ напечашана. 2.) Сочинилъ письмо о сѣверномъ ходу въ Осшъ-Индію Сибирскимъ океаномъ.

Въ Исторіи. Сдѣланъ опышъ описаніемъ вла-

дѣнія первыхъ Великихъ Князей Россійскихъ: Рурика, Олега и Игоря.

Въ Словесныхъ наукахъ. Сочинилъ и говорилъ въ публичномъ собраніи слово похвальное блаженныя памяти Государю Императору Петру Великому. 2.) Сочинилъ большую часть Грамматики, привелъ къ концу, которая въ нынѣшнемъ году печатью къ концу приходитъ. 3.) Сочинилъ письмо о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ.

Въ 1756 году.

Въ Химіи. 1.) Между разными химическими опытами, которыхъ журналъ на 13 листахъ, дѣланы опыты въ заплавленныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чтобы изслѣдовать, прибываетъ ли вѣсъ металловъ отъ частаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Биція мнѣніе ложно, ибо безъ пропущенія внѣшняго воздуха, вѣсъ сожженнаго металла остается въ одной мѣрѣ. 2.) Учинены опыты химическіе со вспоможеніемъ воздушнаго насоса, гдѣ въ сосудахъ химическихъ, изъ которыхъ былъ воздухъ выпянутъ, показывали на огнѣ минералы такіе феномены, какіе химикамъ сіе неизвѣстны. 3.) Нынѣ лаборантъ Клементьевъ, подъ

моимъ смотрѣніемъ, изыскиваетъ, по моему указанію, какъ бы сдѣлать для фейерверковъ верховыя зеленыя звѣздки.

Въ Физикѣ. 1.) Изобрѣтенъ мною новый оптическій инструментъ, который я назвалъ никтоптическою трубою, tubus nyctopticus; оный долженъ служить къ тому, чтобы ночью видѣть можно было. Первый опытъ показываетъ на сумеркахъ ясно тѣ вещи, которыя простымъ глазамъ не видны, и весьма надѣяться можно, что стараніемъ искусныхъ мастеровъ можетъ простереться да такого совершенства, какого нынѣ достигли телескопы и микроскопы отъ малаго начала. 2.) Сдѣлалъ четыре, новоизобрѣтенные мною, пендула, изъ которыхъ одинъ мѣдный, длиною въ сажень, однако служитъ чрезъ механическія стрѣлки противъ такого, которой бы былъ вышиною съ четверть на версту. Употребляется къ тому, чтобы узнать, всегда ли центръ съ земли, притягающій къ себѣ тяжкія тѣла, стоитъ неподвижно, или перемѣняетъ мѣсто. 3.) Говорилъ въ публичномъ собраніи сочиненную мною рѣчь о цвѣтахъ.

Въ Исторіи. Собранныя мною въ нынѣшнемъ году Россійскіе историческіе манускрипты для

моей библіотеки, пятнадцать книгъ, сличалъ между собою для наблюденія сходствъ въ дѣяніяхъ Россійскихъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1.) Сочиняю героическую поэму, именуемую: Петръ Великій. 2.) Сдѣлалъ проекпъ со спихами для фейерверка къ 18 декабря сего года.

Сверхъ сего въ разные годы зачапы дѣлапь диссерпаціи: 1.) О лучшемъ и ученомъ мореплаваніи. 2.) О пвердомъ пермомепрѣ. 3.) О пряспеніи земли. 4.) О первоначальныхъ часпицахъ, пѣла соспавляющихъ. 5.) О градусахъ пеплопы и спужи, какъ ихъ опредѣлипь основапельно сомнѣніемъ о умѣренноспи распворенія воздуха на планепахъ. Къ совершенію привеспь опчаспи препяпспвуюпъ другія дѣла, опчаспи пропяжнымъ печапаніемъ коменпаріевъ охопа опнимаепся.

Сумароковъ былъ шупомъ у всѣхъ погданнихъ вельможъ: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подспрекали, и забавлялись его выходками.

Фонвизинъ, коего харакперъ имѣепъ нужду въ оправданіи, забавлялъ знапныхъ, передразни-

вая Александра Петровича въ совершенствѣ. Державинъ изъ-подъ-пишка писалъ сапиры на Сумарокова и пріѣзжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждаться его бѣшенствомъ. Ломоносовъ былъ инаго покроя. Съ нимъ шутить было накладно. Онъ вездѣ былъ тотъ же: дома, гдѣ всѣ его трепетали; во дворцѣ, гдѣ онъ игралъ за уши пажей; въ академіи, гдѣ, по свидѣтельству Шлецера, не смѣли при немъ пикнуть. Немногимъ извѣстна стихотворная перепалка его съ Димитріемъ Сѣченовымъ, по случаю *Гилина Бородѣ*, ненапечатаннаго ни въ одномъ собраніи его сочиненій. Она можетъ дать понятіе о заносчивости поэта, какъ и о нетерпимости проповѣдника. Со всѣмъ тѣмъ Ломоносовъ былъ добродушенъ. Какъ хорошо его письмо о семействѣ несчастнаго Рихмана! Въ отношеніи къ самому себѣ онъ былъ очень безпеченъ— и, кажется, жена его хоть была и Нѣмка, но мало смыслила въ хозяйствѣ. Вдова втораго профессора, услыша, что рѣчь идетъ о Ломоносовѣ, спросила: «О какомъ Ломоносовѣ говорите вы? не о Михайлѣ ли Васильевичѣ? То-то былъ пустой человѣкъ! бывало отъ него всегда бѣгали къ намъ за кофейникомъ. Вотъ Тредьяковскій, Василій Кириловичь — вотъ этотъ былъ почтенный и порядочный человѣкъ!» Тредьяковскій

былъ конечно почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологическія и граммапическія изъясненія очень замѣчапельны. Онъ имѣлъ о Русскомъ спихосложеніи обширнѣйшее поняпіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаепъ ему чесшь, а мысль, перевеспи его спихами и самый выборъ спиха, доказываюпъ необыкновенное чувспво изящнаго. Въ Телемахидѣ находипся много хорошихъ спиховъ и счаспливыхъ обороповъ. Дельвигъ приводилъ часпо слѣдующій спихъ въ примѣръ прекраснаго гекзамепра:

Корабль Одиссеевъ,
Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся.

Вообще изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ спарыхъ писапелей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не споятъ Тредьяковскаго.

Ломоносовъ наполнилъ поржесшвенныя свои оды высокопарною хвалою; онъ безъ обиняковъ называепъ благодѣпеля своего, графа Шувалова, своимъ благодѣпелемъ; онъ въ какой-по придворной идилліи воспѣваепъ графа К. Разумовскаго подъ именемъ Полидора; онъ спихами поздравляепъ графа Орлова съ возвращеніемъ его изъ

Финляндіи; онъ пишетъ: «*Его сіятельство графъ М. А. Воронцовъ, по своей высокой ко мнѣ милости, изволилъ взять отъ меня пробы мозаическихъ составовъ для показанія Ея Величеству.*» Нынѣ все это вывелось изъ обыкновенія. Дѣло въ томъ, что разстояніе отъ одного сословія до другаго въ то время еще существовало. Ломоносовъ, рожденный въ низкомъ сословіи, не думалъ возвысить себя наглостію и запанибратствомъ съ людьми высшаго состоянія (хотя впрочемъ, по чину, онъ могъ быть имъ и равный). Но за то умѣлъ онъ за себя постоять, и не дорожилъ ни покровительствомъ своихъ меценатовъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести, или о торжествѣ его любимыхъ идей. Послушайте, какъ пишетъ онъ этому самому Шувалову, *предстателю Музъ, высокому своему патрону*, который вздумалъ-было надъ нимъ пошутить. «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельможъ, но ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не хочу.» *

Въ другой разъ, заспоря съ тѣмъ же вельможею, Ломоносовъ такъ его разсердилъ, что Шуваловъ закричалъ: «Я отставлю тебя отъ академіи.» Нѣтъ, возразилъ гордо Ломоносовъ, раз-

* Смотри его письмо къ Г. Ш.

вѣ, академію опъ меня описпаваяпъ.» Вопъ каковъ былъ эпопъ униженный сочиниmель похвальныхъ одъ и придворныхъ идиллій!

Patronage (покровипельспво) до сей поры сохраняется въ обычаяхъ Англійской литературы. Почпенный Креббъ, умершій недавно, поднесъ всѣ свои прекрасныя поэмы to his grace the Duck. etc. Въ своихъ смиренныхъ посвященіяхъ онъ почпипельно упоминаепъ о милоспяхъ и высокомъ покровипельспвѣ, коихъ онъ удосmоился и проч. Въ Россіи вы не вспрѣпиmе ничего подобнаго. У насъ, какъ замѣmила M-me de Staël, словесносmію занимались, большею часmію, дворяне (en Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature). Это дало особенную физіономію нашей литературѣ; у насъ писаmели не могупъ изыскиваmь милоспей и покровипельспва у людей, копорыхъ почипаюmъ себѣ равными, и подноситъ свои сочиненія вельможѣ или богачу, въ надеждѣ получиmь опъ него 500 рублей или перспень, украшенный драгоцѣнными каменьями. Чmо жъ изъ этого слѣдуеmъ? чmо нынѣшніе писаmели благороднѣе мысляmъ и чувспвуюmъ, нежели мыслили и чувспвовали Ломоносовъ и Костровъ? Позвольmе въ mомъ усомнишься.

Нынѣче писапель, краснѣющій при одной мысли посвяпипь книгу свою человѣку, копорый выше его двумя или тремя чинами, не спыдипся публично жапь руку журналиспу, ошельмованному въ общемъ мнѣніи, но копорый можепъ повредипь продажѣ книги, или хвалебнымъ объявленіемъ заманипь покупщиковъ. Нынѣ послѣдній изъ писакъ, гоповый на всякую приваппую подлоспь, громко проповѣдуепъ независимоспь и пишепъ безыменные пасквили на людей, передъ копорыми разспилаепся въ ихъ кабинепѣ.

Къ-пому жъ съ нѣкопорыхъ поръ литерапура спала у насъ ремесло выгодное, и публика въ сосповяніи дапь болѣе денегъ, нежели его сіяпельспво пакой-по, или его высокопревосходипельспво пакой-по. Какъ бы по ни было, повпоряю, чпо формы ничего не значапъ. Ломоносовъ и Креббъ доспойны уваженія всѣхъ чеспныхъ людей, не смопря на ихъ смиренныя посвященія; а господа В. и Р. все-паки презрипельны, не смопря на по, чпо въ своихъ книжкахъ они проповѣдуюпъ благородную гордоспь, и чпо они свои сочиненія посвящаюпъ не доброму и умному вельможѣ, а какому-нибудь вралю и плупу, подобному имъ.

IV.

О ЦЕНЗУРѢ.

О ЦЕЛЬЗУ Р Ъ.

О ЦЕНЗУРѢ.

Одинъ изъ Французскихъ публицистовъ остроумнымъ софизмомъ захотѣлъ доказать безразсудность цензуры. Если, говоритъ онъ, способность говорить была бы новѣйшимъ изобрѣтеніемъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что правительство не замедлило бъ установить цензуру и на языкъ; издали бы извѣстныя правила, и два человѣка, чтобъ поговорить между собою о погодѣ, должны были бы получить предварительное на то позволеніе.

Конечно, если бы *слово* не было общею при-

надлежностію всего человѣческаго рода, а только милліонной части онаго, то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права моцнаго сословія людей говорящихъ. Но *грамота* не есть естественная способность, дарованная Богомъ всему человѣчеству, какъ языкъ или зрѣніе. Человѣкъ *безграмотный* не есть уродъ и не находится внѣ вѣчныхъ законовъ природы. И между грамотѣями не всѣ равно обладаютъ *возможностію* и самою *способностію* писать книги или журнальныя статьи. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изо всего народонаселенія. Аристократія самая мощная, самая опасная, есть аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Что значитъ аристократія породы и богатства въ сравненіи съ аристократіей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ успоять противу всеразрушительнаго дѣйствія типографическаго снаряда. Уважайте классъ писателей, но не допускайте же его овладѣть вами совершенно.

Мысль! великое слово! Что жъ и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль? Да будетъ же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: *въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій,* налагаемыхъ обществомъ.

«Мы въ томъ и не споримъ, говорятъ противники цензуры. Но книги, какъ и граждане отвѣтствуютъ за себя. Есть законы для тѣхъ и для другихъ. Къ чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдетъ изъ типографіи, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить къ заключенію и къ положенному штрафу.»

Но мысль уже стала гражданиномъ, уже отвѣтствуетъ за себя, какъ скоро она родилась и выразилась. Развѣ *рѣчь* и *рукопись* не подлежатъ закону? Всякое правительство вправѣ не позволять проповѣдывать на площадяхъ, что кому въ голову придетъ, и можетъ остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны перомъ, а не писнуты станкомъ типографическимъ. Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благодѣтельная сторона.

Дѣйствіе человѣка мгновенно и одно (isolé); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы пропиву злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить по и другое.

V.

РУССКАЯ ИЗБА.

V.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.

РУССКАЯ ИЗБА.

Наружный видъ Русской избы мало перемѣнился со временъ Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные къ его путешествію. Ничто такъ не похоже на Русскую деревню въ XVI-мъ столѣтіи, какъ Русская деревня въ 1833 году. Изба, мельница, заборъ, даже эта ёлка, это печальное пятно сѣверной природы—ничто, кажется, не измѣнилось. Однако произошли улучшенія, по-крайней-мѣрѣ на большихъ дорогахъ: труба въ каждой избѣ; стекла замѣнили натянутый пузырь; вообще болѣе чистоты, удобства, того, что Англичане называютъ comfort. Замѣчательно и то, что одинъ иностранный путешественникъ, заставивъ свою хозяйку жаловаться на голодъ и неурожай, оканчиваетъ картину нужды и бѣдствія сею чертою: *и начала сажать хлѣбы въ печь.*

Фонвизинъ, при Императрицѣ Екатеринѣ II путешествовавшій по Франціи, говоритъ, что, по чистой совѣсти, судьба Русскаго крестьянина показалась ему счастливѣе судьбы Французскаго земледѣльца. Вѣрю. Вспомнимъ описаніе Лабрюера *; слова госпожи Севинье еще сильнѣе, пѣмъ, что она говоритъ безъ негодованія и горечи, а просто разсказываетъ, что видитъ и къ чему привыкла. Судьба Французскаго крестьянина не улучшилась въ царствованіе Людовика XV и его преемника....

Прочитите жалобы Англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волоса встанутъ дыбомъ отъ ужасу. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи Фараоновыхъ пирамидъ, о Евреяхъ, работа-

* L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, repandus par la campagne, noirs, livides et tout brulés du soleil, attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opiniatreté invincible: ils ont comme une voix articulée, et quand ils se levent par leurs pieds, ils montrent une face humaiue et en effet ils sont des hommes. Ils se retirent la nuit dans des tanières où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines: ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre, & meritent ainsi de ne pas manquer de ce pain qu'ils ont semé. *Les caractères.*

ющихъ подъ бичами Египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ; дѣло идетъ о сукнахъ г-на Смидта, или объ иголкахъ г-на Джаксона. И замѣтьте, что все это есть не злоупотребленіе, не преступленіе, но происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона. Кажется, что нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе Англійскаго работника; но посмотрите, что дѣлается тамъ при изобрѣтеніи новой машины, избавляющей вдругъ отъ каторжной работы тысячь пять или шесть народу и лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію.... У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Повинности вообще нетягостны. Подушная платится міромъ, барщина опредѣлена закономъ; оброкъ неразорителенъ. Помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своего крестьянина доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышляетъ, чѣмъ онъ вздумаетъ, и уходитъ иногда за 2,000 верстъ вырабатывать себѣ деньгу.... Злоупотребленій вездѣ много; уголовныя дѣла вездѣ ужасны.

Взгляните на Русскаго крестьянина: есть ли и тѣнь рабскаго уничиженія въ его поступи и рѣчи? О его смѣлости и смышлености и говорить нечего. Переимчивость его извѣстна; проворство и ловкость удивительны. Путешественникъ ѣздитъ изъ края въ край по Россіи, не

зная ни одного слова по-Русски, и вездѣ его понимаюпъ, исполняюпъ его пребованія, заключаюпъ съ нимъ условія. Никогда не вспрѣпиппе вы въ нашемъ народѣ пого, чпо Французы называюпъ un badaud; никогда не замѣпиппе въ немъ ни грубаго удивленія, ни невѣжеспвеннаго презрѣнія къ чужому. Въ Россіи нѣпъ человѣка, копорый бы не имѣлъ *собственнаго* своего жилища. Нищій, уходя скипаться по міру, оспавляепъ свою избу. Эпого нѣпъ въ чужихъ краяхъ. Имѣпь корову, вездѣ въ Европѣ, еспь знакъ роскоши; у насъ не имѣпь коровы еспь знакъ ужасной бѣдноспи. Нашъ крепьянинъ опряпенъ по привычкѣ и по правилу: каждую суббопу ходипъ онъ въ баню; умываепся по нѣскольку разъ въ день.... Судьба крепьянина улучшаепся со дня на день, по мѣрѣ распроспраненія просвѣщенія.... Благососпояніе крепьянъ пѣсно связано съ благососпояніемъ помѣщиковъ; эпо очевидно для всякаго. Конечно должны еще произойпи великія перемѣны, но не должно поропипь времени, и безъ пого уже довольно дѣяпельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія супь пѣ, копорыя происходяпъ опъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильспвенныхъ попрясеній политическихъ, спрашныхъ для человѣчесшва....

VI.

ЭТИКЕТЪ.

ЭПИЛЕТЪ.

ЭТИКЕТЪ.

—

Предполагать униженіе въ обрядахъ, успановленныхъ эпикепомъ, есть просто глупость. Англійскій лордъ, представляясь своему королю, спановится на колѣна и цѣлуетъ ему руку. Это не мѣшаетъ ему быть въ оппозиціи, если онъ того хочетъ. Мы всякой день подписываемся *покорнѣйшими слугами*—и, кажется, никто изъ этого еще не заключалъ, чтобы мы просились въ камердинеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые нѣкогда при дворахъ нашихъ Царей, уничтожены у насъ Петромъ Великимъ при всеобщемъ переворотѣ. Екатерина II занялась и симъ уложеніемъ, и успановила новой эпикетъ. Онъ имѣлъ передъ эпикетомъ, наблюдаемымъ въ другихъ державахъ то преимущество, что былъ основанъ на пра-

вилахъ здраваго смысла и вѣжливости общепонятной, а не на забытыхъ преданіяхъ и обыкновеніяхъ, давно измѣнившихся. Покойный Государь * любилъ простоту и непринужденность. Конечно Государи не имѣютъ нужды въ обрядахъ, часто для нихъ утомительныхъ; но этикетъ есть также законъ; къ тому же при дворѣ необходимъ, ибо всякому, имѣющему честь приближаться къ Царскимъ Особамъ, необходимо знать свою обязанность и границы службы. Гдѣ нѣтъ этикета, тамъ придворные въ поминутномъ опасеніи сдѣлать что-нибудь неприличное. Не хорошо прослыть невѣжею, не пріятно казаться и подслужливымъ выскочкою.

* Императоръ Александръ Павловичь.

VII.

ДЕЛЬВИГЪ.

ДЕЛЬВИГЪ.

Дельвигъ родился въ Москвѣ (1798 года....). Отецъ его, умершій генералъ-маіоромъ въ 182.. году, былъ женатъ на дѣвицѣ Рахмановой.

Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 года вступилъ онъ въ Царскосельскій Лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятія лѣнивы. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему разсказать нѣсколькимъ

изъ своихъ поварищей походъ 1807-го года, выдавая себя за очевидца погдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ. Будучи еще пяти лѣтъ отъроду, вздумалъ онъ разсказывать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостію ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямодушію. Дельвигъ, разсказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ будто бы подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіи какой-нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.

Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизустъ собраніе Русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера, и Гельти прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ коментаріемъ. Горація изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго села и разговоры съ товарищами, коихъ умственныя склонности сходствовали съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацію. Оды: къ Діону, къ Лилетѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе отпрыски столь прекраснаго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между-тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и

прославлены, какъ нѣкоторое чудо. Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на крапкомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ!

VIII.

О МИЛЬТОНѢ

И

ПАТОБРІАНОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ

ПОТЕРЯННАГО РАЯ.

VIII.

О ММЛЬТОНЪ

И

ПЛАТОФРИАНОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ

ПОТЕРЯННАГО РАЯ.

О МИЛЬТОНѢ и ШАТОБРІАНОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ ПОТЕРЯННАГО РАЯ.

—

Долгое время Французы пренебрегали словесностію своихъ сосѣдей. Увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ, они цѣнили славныхъ писателей иностранныхъ по мѣрѣ ихъ большаго или меньшаго отдаленія отъ Французскихъ привычекъ и отъ правилъ, установленныхъ Французскими критиками; переводя ихъ, они никогда не думали быть вѣрными своимъ подлинникамъ; напротивъ, тщательно ихъ преобразовали. Во Французскихъ переводахъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, нельзя прочесть ни одного предисловія, гдѣ бы не находилась неизбѣжная фраза: мы думали угодить публикѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оказать услугу и нашему автору. И въ увѣренности, что оказываетъ услугу публикѣ и самому автору, перевод-

чикъ исключалъ изъ книги мѣста, которыя могли бы оскорбить вкусъ образованнаго Французскаго читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и передъ кѣмъ извинялъ такимъ образомъ! И вотъ къ чему ведетъ невѣжественная страсть къ народности! ... Наконецъ критики спохватились. Стали подозрѣвать, что гг. Летурнеры могли ошибочно судить о Шекспирѣ, и не совсѣмъ благоразумно поступили, переправляя на свой ладъ Гамлета, Ромео и Лира. Отъ переводчиковъ стали требовать болѣе вѣрности, а менѣе щекотливости и усердія къ публикѣ; пожелали видѣть Данте, Шекспира и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ, въ ихъ народной одеждѣ народные недостатки. Даже мнѣніе, утвержденное вѣками и принятое всѣми, что переводчикъ долженъ стараться передать духъ, а не букву, нашло противниковъ и искусныя опроверженія.

Нынѣ (примѣръ неслыханный!) первый изъ Французскихъ писателей переводитъ Мильтона *слово-въ-слово*, и объявляетъ, что подстрочный переводъ былъ бы верхомъ его искусства, если бъ только оный былъ возможенъ! Такое смиреніе во Французскомъ писателѣ, первомъ мастерѣ своего дѣла, должно было сильно изумить побор-

никовъ *исправительныхъ переводовъ*, и вѣроятно будетъ имѣть большое вліяніе на словесность.

Изъ всѣхъ иноземныхъ писателей, Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о переводахъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ, не говоримъ о переводѣ въ стихахъ аббата Делиля, который ужасно поправилъ его *грубые недостатки* и украсилъ его безъ милосердія; но какъ же выводили его собственное лицо въ трагедіяхъ и въ романахъ писатели новѣйшей романтической школы? Что сдѣлалъ изъ него г-нъ Альфредъ де Виньи, котораго Французскіе критики безъ церемоніи поставили на одной доскѣ съ В. Скоттомъ? какъ поступилъ съ нимъ Викторъ Гюго, другой любимецъ Парижской публики? Можетъ быть, читатели забыли и «St. Mars» и «Кромвеля», и потому не могутъ судить о нелѣпости вымысловъ Викпора Гюго. Выведемъ того и другаго на судъ всякаго знающаго и благомыслящаго человѣка.

Начнемъ съ трагедіи, одного изъ самыхъ нелѣпыхъ произведеній человѣка, впрочемъ одареннаго талантомъ.

Мы не станемъ слѣдовать за сопытливымъ

ходомъ этой драмы, скучной и чудовищной; мы хотимъ только показать нашимъ читателямъ, въ какомъ видѣ въ ней представленъ Мильтонъ, еще не извѣстный поэтъ, но политическій писатель, уже славный въ Европѣ своимъ горькимъ и заносчивымъ краснорѣчіемъ.

Кромвель во дворцѣ своемъ бесѣдуетъ съ лордомъ Робеспьеромъ, переодѣтымъ въ методиста, съ четырьмя шутами; тутъ же находится Мильтонъ съ своимъ вожатымъ (лицомъ довольно не нужнымъ, ибо Мильтонъ ослѣпъ уже гораздо послѣ). Протекторъ говоритъ Робеспьеру:

«Такъ-какъ мы теперь одни, то я хочу посмѣяться: представляю вамъ моихъ шутовъ. Когда мы находимся въ веселомъ духѣ, тогда они бываютъ очень забавны. Мы всѣ пишемъ стихи, даже и мой старый Мильтонъ.

МИЛЬТОНЪ *(съ досадою)*.

Старый Мильтонъ! Извините, милордъ, я девятью годами моложе васъ.

КРОМВЕЛЬ.

Какъ угодно.

МИЛЬТОНЪ.

Вы родились въ 99-мъ, а я въ 608-мъ.

КРОМВЕЛЬ.

Какое свѣжее воспоминаніе!

МИЛЬТОНЪ *(съ живостію)*.

Вы бы могли обходиться со мною учтивѣе: я сынъ нотаріуса, городоваго альдермана.

КРОМВЕЛЬ.

Ну, не сердись; я знаю, что ты великій ѳеологъ, и даже хорошій стихотворецъ, хотя пониже Валлера и Джона.

МИЛЬТОНЪ *(говоря самъ про себя)*.

Пониже! какъ это слово жестоко! Но погодимъ. Увидятъ, отказало ли мнѣ Небо въ своихъ дарахъ. Потомство мнѣ судія. Оно пойметъ мою Евву, падающую въ адскую ночь, какъ сладкое сновидѣніе; Адама, преступнаго и добраго, и непокаяннаго Духа, царствующаго также надъ одною вѣчностію, высокаго въ своемъ отчаяніи, глубокаго въ безуміи, исходящаго изъ огненнаго озера, которое бьетъ онъ огромнымъ своимъ крыломъ; ибо пламенный геній во мнѣ работаетъ. Я обдумываю, *молча,* странное намѣреніе. Я живу въ мысли моей, и ею Мильтонъ утѣшенъ. Такъ, я хочу въ свою очередь создать свой міръ между адомъ, землею и небомъ.

ЛОРДЪ РОЧЕСТЕРЪ *(про себя)*.

Что онъ памъ городитъ?

ОДИНЪ ИЗЪ ШУТОВЪ.

Смѣшной мечтатель!

КРОМВЕЛЬ *(пожимая плечами)*.

Твой «Иконоклаетъ» очень хорошая книга, но твой чортъ Левіаѳанъ... *(смѣясь)* очень плохъ....

МИЛЬТОНЪ *(сквозь зубы, съ негодованіемъ)*.

Кромвель смѣется надъ моимъ сапаною!

РОЧЕСТЕРЪ *(подходитъ къ нему)*.

Г-нъ Мильтонъ!

МИЛЬТОНЪ *(не слыша его и обратясь къ Кромвелю)*.

Онъ это говоритъ изъ-зависти.

РОЧЕСТЕРЪ *(Мильтону, который слушаетъ его съ разсѣянностію)*.

По чести, вы не понимаете поэзію. Вы умны, но у васъ не достаетъ вкуса. Послушайте: Французы — учители наши во всемъ: изучайте Ракана, читайте его пастушескія стихотворенія. Пусть Аминта и Тирсисъ гуляютъ у васъ по лугамъ; пусть она ведетъ за собою барашка

на голубой леппочкѣ; но Евва, Адамъ, адъ, огненное озеро! сапана голый, съ опаленными крыльями! Другое дѣло: если бы вы прикрыли щегольскимъ плапьемъ, если бы вы дали ему огромный парикъ и шлемъ съ золотою шишкою, розовый камзолъ и манпію Флорентинскую, какъ недавно видѣлъ я во Французской оперѣ солнце въ праздничномъ кафтанѣ.

МИЛЬТОНЪ *(удивленный)*.

Это что за пустословіе?

РОЧЕСТЕРЪ *(кусая губы)*.

Опять я забылся! Я, сударь, шутилъ.

МИЛЬТОНЪ.

Очень глупая шутка!»

Далѣе Мильтонъ утверждаетъ, что править государствомъ — бездѣлица; то ли дѣло писать Латинскіе стихи!

Спустя немного времени, Мильтонъ бросается въ ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престола, на что протекторъ отвѣчаетъ: Мильтонъ; государственный секретарь, ты пишъ, ты въ лирическомъ восторгѣ забылъ, кто я такова и проч.

Въ сценѣ, не имѣющей ни исторической истины, ни драматическаго правдоподобія, въ безсмысленной пародіи церемоніала, наблюдаемаго при коронаціи Англійскихъ королей, Мильпонъ и одинъ изъ придворныхъ шутовъ играютъ главную роль. Мильпонъ проповѣдуетъ республику, шутъ подымаетъ перчатку королевскаго рыцаря....

Вотъ какимъ жалкимъ безумцемъ, какимъ пустомѣлей выведенъ Мильпонъ человѣкомъ, который вѣроятно самъ не вѣдалъ, что творилъ, оскорбляя великую тѣнь! Въ теченіе всей трагедіи, кромѣ насмѣшекъ и ругательства, ничего инаго Мильпонъ не слышитъ; правда и то, что и самъ онъ, во все время, ни разу не вымолвитъ дѣльнаго слова. Это старый болтунъ, котораго всѣ презираютъ, и на котораго никто не обращаетъ никакого вниманія.

Нѣтъ, господинъ Гюго! не таковъ былъ Мильпонъ, другъ и сподвижникъ Кромвеля, суровый фанатикъ, строгій творецъ «Иконокласта» и книги: «Defensio populi!» Не такимъ языкомъ изъяснялся бы съ Кромвелемъ тотъ, который написалъ ему свой славный пророческій сонетъ: Cromwell!

Не могъ быть посмѣшищемъ развратнаго Рочеспера и придворныхъ шутокъ попъ, кто, *въ злые дни жертва злыхъ языковъ*, въ бѣдности, въ гоненіи и въ слѣпотѣ сохранилъ непреклонность души и продиктовалъ «Потерянный Рай.»

Если г-нъ Гюго, будучи самъ поэтъ (хотя и второстепенный), такъ худо понялъ поэта Мильтона, то всякъ легко себѣ вообразитъ, что̀ подъ его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужъ ровно никакого сочувствія! Но это не касается до нашего предмета. Опъ неровнаго, грубаго Виктора Гюго и его уродливыхъ драмъ, перейдемъ къ чопорному, манерному гр. Виньи и къ его облизанному роману.

Альфредъ де Виньи въ своемъ «Сен-Марсѣ» также выводитъ передъ нами Мильтона, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ:

У славной Маріи де Лормъ, любовницы кардинала Ришелье, собирается общество придворныхъ и ученыхъ. Скюдери толкуетъ имъ свою аллегорическую карту любви; гости въ восхищеніи отъ крѣпости *Красоты*, стоящей на рѣкѣ *Гордости*, отъ деревни нѣжныхъ *Записочекъ*, отъ гавани *Равнодушія* и проч. и проч. Всѣ осыпа-

юпъ г-жи Скюдери напыщенными похвалами, кромѣ Мольера, Корнеля и Декарпа, копорые пупъ же находятся. Вдругъ хозяйка предспавляепъ общесспву молодаго, пупешесспвующаго Англичанина, Мильпона, и заспавляепъ его чипапь госпямъ опрывки изъ «Поперяннаго Рая.» Хорошо. Да какъ же Французы, не зная Англійскаго языка, поймупъ Мильпоновы спихи? Очень просто: мѣспа, копорыя онъ будепъ чипапь, переведены на Французскій языкъ, переписаны на особыхъ лиспочкахъ и списки розданы госпямъ. Мильпонъ будепъ декламировапь, а госпи слѣдовапь за нимъ. Да зачѣмъ же ему безпокоипься, если уже спихи переведены? Спало быпь, Мильпонъ великій декламапоръ, или звуки Англійскаго языка чрезвычайно любопыпны? А какое дѣло графу де Виньи до всѣхъ эпихъ нелѣпыхъ несообразноспей? Ему надобно, чпобъ Мильпонъ чипалъ въ Парижскомъ общесспвѣ свой «Поперянный Рай», и чпобъ Французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не поняли духа великаго поэпа.

Мильпонъ, не смопря на по, чпо назначенныя мѣспа для чпенія переведены, и чпо онъ долженъ чипапь ихъ по порядку, ищепъ въ памяпи своей по, чпо, по его мнѣнію, болѣе про-

изведетъ дѣйствія на слушателей, не заботясь о томъ, поймутъ ли его или нѣтъ. Но посредствомъ какого-то чуда (неизъясненнаго г-мъ де Виньи) всѣ его понимаютъ. Де Барро находитъ его притворнымъ, Скюдери скучнымъ и холоднымъ, Марія де Лормъ очень пронуто описаніемъ Адама въ первобытномъ его состояніи; Мольеръ, Корнель и Декартъ осыпаютъ его комплиментами и пр. и пр.

Или мы очень ошибаемся, или Мильтонъ, проѣзжая черезъ Парижъ, не сталъ бы показывать себя какъ заѣзжій фигляръ, и въ домѣ непотребной женщины забавлять общество чтеніемъ спиховъ, писанныхъ на языкѣ, неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то взводя ихъ въ пополокъ. Разговоры его съ де Ту, съ Корнелемъ и Декартомъ не были бъ пошлымъ и изысканнымъ пустословіемъ; а въ обществѣ игралъ бы онъ роль ему приличную, скромную, роль благороднаго, хорошо воспитаннаго молодаго человѣка.

Послѣ удивительныхъ вымысловъ Виктора Гюго и графа де Виньи, хотите ли видѣть картину, просто набросанную другимъ живописцемъ? Прочтите въ «Вудстокѣ» встрѣчу одного изъ

дѣйспвующихъ лицъ съ Мильпономъ въ кабинепѣ Кромвеля.

Французскій романиспъ конечно не довольспвовался бы пакимъ незначущимъ и еспеспвеннымъ изображеніемъ. У него Мильпонъ, заняпый государспвенными дѣлами, непремѣнно перялся бы въ піипическихъ мечпаніяхъ и на поляхъ какого-нибудь опчепа намаралъ бы нѣсколько спиховъ изъ «Поперяннаго Рая»; Кромвель бы эпо подмѣпилъ, разбранилъ бы своего секрепаря, назвалъ бы его спихоплепомъ, вралемъ и проч. и изъ пого бы вышелъ эффекпъ, о копоромъ бѣдный Валперъ Скоппъ и не подумалъ.

Переводъ, изданный Шапобріаномъ, заглаживаепъ до нѣкопорой спепени презрѣніе молодыхъ Французскихъ писапелей, пакъ невинно, но пакъ жеспоко оскорбившихъ великую пѣнь. Мы сказали уже, чпо Шапобріанъ переводилъ Мильпона почпи слово-въ-слово, пакъ близко, какъ полько по могъ позволипь синпаксисъ Французскаго языка: прудъ пяжелый и неблагодарный, незамѣпный для большинспва чипапелей, и копорый можепъ бынь оцѣненъ двумя, премя знапоками. Но удаченъ ли новый переводъ? Шапобріанъ нашелъ въ Низарѣ крипика неумоли-

маго. Низаръ въ спорѣ, исполненной тонкой смѣшливости, сильно напалъ и на способъ перевода, избранный Шатобріаномъ, и на самый переводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, стараясь передать Мильтона *слово-въ-слово*, Шатобріанъ однако не могъ соблюсти въ своемъ преложеніи вѣрности смысла и выраженія. Подстрочный переводъ никогда не можетъ быть вѣренъ. Каждый языкъ имѣетъ свои обороты, свои усвоенныя выраженія, которыя не могутъ быть переведены на другой языкъ сообвѣтствующими словами. Возьмемъ первыя фразы: Comment vous portez vous; How do you do. Попробуйте перевести ихъ слово-въ-слово на Русскій языкъ *.

Если уже Русскій языкъ, столь гибкій и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь переимчивый и общежительный въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ, не способенъ къ переводу подстрочному, къ преложенію слово-въ-слово, по какимъ образомъ языкъ Французскій, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь

* Кстати: недавно (въ Телескопѣ, кажется,) кто-то, критикуя переводъ, хотѣлъ вѣроятно блеснуть знаніемъ Итальянскаго языка и пѣнялъ переводчику, зачѣмъ онъ пропустилъ въ своемъ переводѣ выраженіе *batarsi la guancia* бить себя по щекамъ. *Batarsi la guancia* значитъ раскаяться; перевести иначе, не имѣло бы никакого смысла.

приспрасшный къ своимъ преданіямъ, сполъ непріязненный къ языкамъ, даже ему единоплеменнымъ, выдержитъ шаковой опытъ, особенно въ борьбѣ съ языкомъ Мильшона, сего поэша, вмѣспѣ и изысканнаго и просподушнаго, и шемнаго, и запушаннаго, и выразишельнаго, и своенравнаго, и смѣлаго даже до безсмыслія?

Переводъ «Поперяннаго Рая» есшь порговая спекуляція. Первый изъ современныхъ Французскихъ писашелей, учишель всего пишущаго поколѣнія, бывшій нѣкогда первымъ миниспромъ, нѣсколько разъ посланникомъ, Шашобріанъ на спароспи лѣшъ перевелъ Мильшона *для куска хлѣба*. Каково бы ни было исполненіе шруда, имъ предприняшаго, но самый сей шрудъ и цѣль онаго дѣлаюшъ чесшь знаменишому спарцу. Шашобріанъ, который, попорговавшись немного съ самимъ собою, могъ бы спокойно пользоваться щедропами новаго правишельспва, власшію, почесшями и богапспвомъ, предпочелъ имъ чесшную бѣдносшь и, уклонившись опъ палашы перовъ, гдѣ могущесшвенно раздавался краснорѣчивый его голосъ, приходишъ въ книжную лавку съ продажной рукописью, но съ неподкупной совѣсшію. Послѣ эшого, чшо скажешъ кришика? Спанешъ ли она спрогосшію оцѣнки смущашь

благороднаго труженика и, подобно скупому покупщику, хулитъ его поваръ? Но Шатобріанъ не имѣетъ нужды въ снисхожденіи: къ своему переводу присовокупилъ онъ два тома, столь же блестящіе, какъ и всѣ прежнія его произведенія, и критика можетъ оказаться строгою къ ихъ недостаткамъ столько, сколько ей будетъ угодно; несомнѣнныя красоты, страницы достойныя лучшихъ временъ великаго писателя, спасутъ его книгу отъ пренебреженія читателей, не смотря на всѣ ея недостатки.

Англійскіе критики строго осудили «Опытъ объ Англійской литературѣ.» Они нашли его слишкомъ поверхностнымъ, слишкомъ недостаточнымъ; повѣривъ заглавію, они отъ Шатобріана требовали ученой критики и совершеннаго знанія предметовъ, близко знакомыхъ имъ самимъ; но совсѣмъ не того должно было искать въ семъ блестящемъ обозрѣніи. Въ ученой критикѣ Шатобріанъ не твердъ, робокъ и самъ не свой; онъ говоритъ о писателяхъ, которыхъ не читалъ; судитъ о нихъ вскользь и по наслышкѣ, и кое-какъ отдѣлывается отъ скучной должности библіографа; но поминутно изъ-подъ пера его вылетаютъ вдохновенныя страницы; онъ поминутно забываетъ критическія изыска-

нія, и на свободѣ развиваетъ свои мысли о великихъ историческихъ эпохахъ, которыя сближаетъ съ тѣми, коимъ самъ онъ былъ свидѣтель. Много искренности, много сердечнаго краснорѣчія, много простодушія (иногда дѣтскаго, но всегда привлекательнаго) въ сихъ отрывкахъ, чуждыхъ исторіи Англійской литературы, но составляющихъ главное, блистательное достоинство «Опыта.»

IX.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ.

ЛОРД БАЙРОНЪ.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ.

Родъ Байроновъ одинъ изъ самыхъ спаринныхъ въ Англійской аристократіи, младшей между Европейскими, произошелъ отъ Норманца Ральфа де Бюронъ (или Бирона), одного изъ сподвижниковъ Вильгельма Завоевателя. Имя Байроновъ съ честію упоминается въ Англійскихъ лѣтописяхъ. Лордство дано ихъ фамиліи въ 1643-мъ году. Говорятъ, что Байронъ своею родословною дорожилъ болѣе, нежели своими пвореніями. Чувство весьма понятное! Блескъ его предковъ и почести, которыя наслѣдовалъ онъ отъ нихъ, возвышали поэта; напротивъ того слава, имъ самимъ пріобрѣтенная, нанесла ему и мелочныя оскорбленія, часто унижавшія благороднаго барона,

предавая имя его на произволъ молвы, ко всему равнодушной и ничего не уважающей.

Капитанъ Байронъ, сынъ знаменитаго адмирала и отецъ великаго поэта, навлекъ на себя соблазнительную славу. Онъ увезъ супругу лорда Cormorthen и женился на ней тотчасъ послѣ ея развода. Вскорѣ потомъ она умерла, въ 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой годъ вдовецъ, для поправленія своего разстроеннаго состоянія, женился на миссъ Gordon, единственной дочери и наслѣдницѣ Георгія Gordon, владѣльца Гайфскаго. Бракъ сей былъ несчастливъ: 23,500 фунт. стерл. (587,500 руб.) были расточены въ два года—и mistriss Байронъ осталась при 150 фунт. стерл. годоваго дохода. Въ 1786 году мужъ и жена отправились во Францію, и возвратились въ Лондонъ въ концѣ 1787-го года.

Въ слѣдующемъ году, 22-го января, леди Байронъ родила единственнаго своего сына Георгія Гордона Байрона. (Въ слѣдствіе распоряженій фамильныхъ, наслѣдница Гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона). Новорожденнаго крестили герцогъ Гордонъ и полковникъ Дофъ. При его рожденіи повредили ему ногу, и

лордъ Байронъ полагалъ тому причиною спыдливоспь и упрямспво своей мапери.

Въ 1790 г., леди Байронъ удалилась въ Абердиль, и мужъ ея за нею послѣдовалъ. Нѣсколько времени жили они вмѣспѣ; но характеры были слишкомъ несовмѣспны: вскорѣ попомъ они разошлись. Мужъ уѣхалъ во Францію, вымапивъ прежде у бѣдной жены своей деньги, нужныя ему на дорогу. Онъ умеръ въ Валенсьенѣ въ слѣдующемъ 1791 году.

Во время крапкаго пребыванія своего въ Абердилѣ, онъ однажды взялъ къ себѣ маленькаго сына, копорый у него и ночевалъ; но на другой же день онъ опослалъ неугомоннаго ребенка къ его мапери, и съ пѣхъ поръ уже его не приглапалъ.

Мисприссъ Байронъ была проспа, вспыльчива и во многихъ опношеніяхъ безразсудна; но швердоспь, съ копорою она умѣла перенеспь бѣдноспь, дѣлаепъ чеспь ея правиламъ. Она держала одну полько служанку, и когда, 1798 года, повезла она молодаго Байрона вспупапь во владѣніе Нью-Спида, деньги ея не превышали 60-пи фунповъ сперлинговъ.

*

Достойно замѣчанія и то, что Байронъ никогда не упоминалъ о домашнихъ обстоятельствахъ своего дѣтства, находя ихъ унизительными.

Маленькій Байронъ выучился читать и писать въ Абердильской школѣ. Въ классахъ онъ былъ изъ послѣднихъ учениковъ, и болѣе отличался въ играхъ. По свидѣтельству его товарищей, онъ былъ рѣзвый, вспыльчивый и злопамятный мальчикъ, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Нѣкто Пазеринъ, строгій пресвитеріанецъ, но тихій и ученый, былъ потомъ его наставникомъ, и Байронъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе.

Въ 1796 году леди Байронъ повезла его *въ горы*, для поправленія его здоровья послѣ скарлатины.

Суровыя красоты Шотландской природы глубоко впечатлѣлись въ воображеніи отрока.

Около того же времени осьмилѣтній Байронъ влюбился въ Марію Дофъ. Черезъ 17-ть лѣтъ

послѣ того, въ одномъ изъ своихъ журналовъ, онъ самъ описалъ свою раннюю любовь.

Въ 1798 году умеръ въ Ньюстидѣ старый лордъ Вильгельмъ Байронъ. За четыре года предъ симъ, родной внукъ его скончался въ Корсикѣ—и маленькій Георгій Байронъ остался единственнымъ наслѣдникомъ имѣній и титула своего рода; но, какъ несовершенно - лѣтній, онъ отданъ былъ въ опеку лорду Карлилю, дальнему его родственнику, и восхищенная mistriss Байронъ осенью того же года оставила Абердиль и отправилась въ древній Ньюстидъ съ единственнымъ своимъ сыномъ и вѣрною служанкою Лири Гре.

Лордъ Вильгельмъ, братъ адмирала Байрона, роднаго дѣда его, былъ человѣкъ странный и несчастный. Нѣкогда на поединкѣ закололъ онъ своего родственника. Они дрались безъ свидѣтелей, въ трактирѣ, при свѣчкѣ. Дѣло это произвело много шуму — и палата перовъ признала убійцу виновнымъ. Онъ былъ однако жъ освобожденъ отъ наказанія. Съ тѣхъ поръ жилъ въ Ньюстидѣ, гдѣ его причуды, скупость и мрачный характеръ сдѣлали его предметомъ сплетень и клеветы. Носились самые нелѣпые слухи о причинѣ развода его съ женою. Увѣряли,

что онъ однажды покушался ее утопить въ Ньюстидскомъ пруду.

Онъ старался разстроить свои владѣнія изъ ненависти къ своимъ наслѣдникамъ. Единственные собесѣдники его были старый слуга и ключница, занимавшая при немъ и другое мѣсто. Сверхъ того домъ былъ полонъ сверчками, которыхъ лордъ Вильгельмъ кормилъ и воспитывалъ. Не смотря на свою скупость, старый лордъ имѣлъ часто нужду въ деньгахъ, и доставалъ ихъ способами, иногда весьма предосудительными. Такимъ образомъ продалъ онъ Рогдаль, родовое владѣніе, безъ всякаго на то права (что знали и покупщики; но они надѣялись выручить себѣ выгоды прежде, нежели наслѣдники успѣютъ уничтожить незаконную куплю).

Лордъ Вильгельмъ никогда не входилъ въ сношенія съ молодымъ своимъ наслѣдникомъ, котораго звалъ не иначе, какъ *мальчикъ, что живетъ въ Абердилѣ.*

Первые годы, проведенные лордомъ Байрономъ въ состояніи бѣдномъ, несоотвѣтствовавшемъ его рожденію, подъ надзоромъ пылкой матери, столь же безразсудной въ своихъ ласкахъ, какъ

и въ порывахъ гнѣва, имѣли сильное, продолжительное вліяніе на всю его жизнь. Уязвленное самолюбіе, поминутно потрясая чувствительность, оставило въ сердцѣ его эту горечь, эту раздражительность, которыя потомъ сдѣлались главными знаками его характера.

Замѣчаетъ справедливо Муръ, что въ характерѣ Байрона ясно отразились и достоинства и пороки многихъ изъ его предковъ: съ одной стороны смѣлая предпріимчивость, великодушіе, благородство чувствъ; съ другой—необузданныя страсти, причуды и дерзкое презрѣніе къ общему мнѣнію. Сомнѣнія нѣтъ, что память, оставленная по-смерти лордомъ Вильгельмомъ, сильно подѣйствовала на воображеніе его наслѣдника: многое перенялъ онъ у своего страннаго дѣда въ его обычаяхъ; и нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ уединеннаго Ньюстидскаго барона.

Обстоятельство, повидимому маловажное, имѣло сколь же сильное вліяніе на его душу. Въ самую минуту его рожденія нога его была повреждена—и Байронъ остался хромъ на всю свою жизнь. Этотъ физическій недостатокъ оскорблялъ его самолюбіе. Онъ воображалъ себя уро-

домъ. Ничто не могло сравниться съ его бѣшенствомъ, когда однажды миссъ Байронъ выбранила его *хромымъ мальчишкою.* Будучи собою красавецъ, онъ дичился общества людей, мало ему знакомыхъ, опасаясь ихъ насмѣшливаго взгляда. Самый сей недостатокъ усиливалъ въ немъ желаніе отличаться во всѣхъ упражненіяхъ, требующихъ силы физической и проворства.

X.

ПОСЛѢДНІЙ изъ РОДСТВЕННИКОВЪ ІОАННЫ Д'АРКЪ.

ЮЛИАНЪ ЛУЬЕ.Р°

ЮСЛЕДНІЙ ЯЗЫЧЕСКІЙ ЦЕСАРЬ

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ РОДСТВЕННИКОВЪ ІОАННЫ Д'АРКЪ.

Въ Лондонѣ, въ прошломъ 1836 году, умеръ нѣкто г-нъ Дюлисъ (Jean-François-Philippe Dulys), потомокъ роднаго брата Іоанны д'Аркъ, славной Орлеанской дѣвспивенницы. Г-нъ Дюлисъ переселился въ Англію въ началѣ Французской революціи. Онъ былъ женатъ на Англичанкѣ и не оспавилъ по себѣ дѣтей. По своей духовной назначилъ онъ по себѣ наслѣдникомъ родспвенника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца Эдимбургскаго. Между его бумагами найдены подлинныя грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающія дворянство рода господъ д'Аркъ Дюлисъ (d'Arc Dulys). Всѣ сіи грамоты проданы были съ публичнаго торгу за весьма дорогую цѣну, такъ же, какъ и лю-

бопытный автографъ: письмо Вольпера къ отцу покойнаго г-на Дюлиса.

Повидимому Дюлисъ, отецъ, былъ добрый дворянинъ, мало занимавшійся литературою. Однако жъ около 1767 года дошло до него, что нѣкто mr. de Voltaire издалъ какое-то сочиненіе объ Орлеанской героинѣ. Книга продавалась очень дорого. Г-нъ Дюлисъ рѣшился однако жъ ее купить, полагая найти въ ней досповѣрную исторію славной своей прабабки. Онъ былъ изумленъ самымъ непріятнымъ образомъ, когда получилъ маленькую книжку in-18, напечатанную въ Голландіи и украшенную удивительными картинками. Въ первомъ пылу негодованія написалъ онъ Вольперу слѣдующее письмо, съ котораго копія найдена также между бумагами покойника. (Письмо сіе такъ же, какъ и отвѣтъ Вольпера, напечатано въ журналѣ Morning Chronicle).

Милостивый Государь!

Недавно имѣлъ я случай пріобрѣсти за шесть луидоровъ написанную вами исторію осады Орлеана въ 1429 году. Это сочиненіе преисполнено не только грубыхъ ошибокъ, непростительных для человѣка, знающаго сколько - нибудь

исторію Франціи, но еще и нелѣпою клеветою касательно короля Карла VII, Іоанны д'Аркъ, по прозванію Орлеанской дѣвственницы, Агнессы Сорель, господъ Лапримулья, Лагира, Бодрикура и другихъ благородныхъ и знатныхъ особъ. Изъ приложенныхъ копій съ достовѣрныхъ грамотъ, которыя хранятся у меня въ замкѣ моемъ (Tourneby, baillage de Chaumont en Tourraine) вы ясно увидите, что Іоанна д'Аркъ была родная сестра Лукѣ д'Аркъ дю Ферону (Lucas d'Arc seigneur du Feron), отъ котораго происхожу по прямой линіи. А посему, не только я полагаю себя въ-правѣ, но даже и спавлю себѣ въ непремѣнную обязанность требовать отъ васъ удовлетворенія за дерзкія, злостныя и лживыя показанія, которыя вы себѣ дозволили напечатать касательно вышеупомянутой дѣвственницы. И такъ, прошу васъ, милостивый государь, дать мнѣ знать о мѣстѣ и времени, также и объ оружіи, вами избираемомъ для немедленнаго окончанія сего дѣла.

Честь имѣю и проч.

Не смотря на смѣшную сторону этого дѣла, Вольперъ принялъ его не въ-шутку. Онъ испугался шуму, который могъ бы изъ того трои-

зойпи, а можепъ-быпь, и шпаги щекопливаго дворянина, и попчасъ прислалъ слѣдующій опвѣпъ.

22 *мая* 1767.

Милостивый Государь!

Письмо, копорымъ вы меня удоспоили, заспало меня въ поспели, съ копорой не схожу вопъ уже около осьми мѣсяцевъ. Кажепся, вы не изволипе знапь, чпо я бѣдный спарикъ, удрученный болѣзнями и гореспями, а не одинъ изъ пѣхъ храбрыхъ рыцарей, опъ копорыхъ вы произошли. Могу васъ увѣрипь, чпо я никакимъ образомъ не учаспвовалъ въ сосплавленіи глупой рифмованной хроники (l'impertinente chronique rimée), о копорой изволипе мнѣ писапь. Европа наводнена печапными глупоспями, копорыя публика великодушно мнѣ приписываепъ. Лѣпъ сорокъ пому назадъ, случилось мнѣ напечапапь поэму подъ заглавіемъ Генріада. Исчисляя въ ней героевъ, прославившихъ Францію, взялъ я на себя смѣлоспь обрапипься къ знаменипой вашей родспвенницѣ (votre illustre cousine) съ слѣдующими словами:

— Et toi, brave Amazone,
La honte des Anglais et le soutien du trône.

Вопъ единспвенное мѣспо въ моихъ сочиненіяхъ, гдѣ упомянупо о безсмерпной героинѣ, копорая спасла Францію. Жалѣю, чпо я не посвяпилъ слабаго своего паланпа на прославленіе Божіихъ чудесъ, вмѣспо пого, чпобы прудипься для удовольспвія публики, безсмысленной и неблагодарной.

Честь имѣю быпь,
милоспивый государь,
вашимъ покорнѣйшимъ слугою
VOLTAIRE
gentilhomme de la chambre du Roy.

Англійскій журналиспъ, по поводу напечапанія сей переписки, дѣлаепъ слѣдующія замѣчанія:

«Судьба Іоанны д'Аркъ, въ опношеніи къ ея опечеспву, по-испинѣ доспойна изумленія: мы конечно должны раздѣлипь съ Французами спыдъ ея суда и казни. Но варварспво Англичанъ можепъ еще быпь извинено предразсудками вѣка, ожеспоченіемъ оскорбленной народной гордоспи,

которая искренно приписала дѣйствію нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чѣмъ извинить малодушную неблагодарность Французовъ? Конечно не страхомъ діавола, которого изстари не боялись. По-крайней-мѣрѣ мы хоть что-нибудь да сдѣлали для памяти славной дѣвы; нашъ Лауреатъ посвятилъ ей первые дѣвственные порывы своего (еще не купленнаго) вдохновенія. Англія дала пристанище послѣднему изъ ея сродниковъ; какъ же Франція постаралась загладить свое кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ея хроники? Правда, дворянство дано было родственникамъ Іоанны д'Аркъ; но ихъ потомство пресмыкалось въ неизвѣстности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворѣ Французскихъ королей отъ Карла VII до самаго Карла X. Новѣйшая исторія не представляетъ предмета болѣе трогательнаго, болѣе поэтическаго, жизни и смерти Орлеанской героини; что же сдѣлалъ изъ того Вольтеръ, сей достойный представитель своего народа? Разъ въ жизни случилось ему быть истинно поэтомъ, и вотъ на что онъ употребляетъ вдохновеніе! Онъ сатаническимъ дыханіемъ раздуваетъ искры, плѣвшія въ пеплѣ мученическаго костра, и какъ пьяный дикарь пляшетъ около своего потѣшнаго огня.

Онъ, какъ Римскій палачь, присовокупляетъ поруганіе къ смертнымъ мученіямъ дѣвы. Поэма Лаурсана не споитъ конечно поэмы Вольтера въ отношеніи силы вымысла; но творенія Соуне есть подвигъ честнаго человѣка и плодъ благороднаго восторга. Замѣтимъ, что Вольтеръ, окруженный во Франціи врагами и завистниками, на каждомъ своемъ шагу подвергавшійся самымъ ядовитымъ порицаніямъ, почти не нашелъ обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Всѣ съ восторгомъ приняли книгу, въ которой презрѣніе ко всему, что почитается священнымъ для человѣка и гражданина, доведено до послѣдней степени кинизма. Никто не вздумалъ заступиться за честь своего отечества, и вызовъ добраго и честнаго Дюлиса, если бы спалъ тогда извѣстенъ, возбудилъ бы неискоримый хохотъ не только въ философическихъ гостиныхъ барона д'Ольбаха и m-me Jeoffrin, но и въ старинныхъ залахъ потомковъ Лагира и Лапримулья. «Жалкій вѣкъ! Жалкій народъ!»

XI.

ЖЕЛѢЗНАЯ МАСКА.

IX

ЖЕЛЪЗНАЯ МАСКА.

ЖЕЛѢЗНАЯ МАСКА.

—

Вольтеръ въ своемъ «Siècle de Louis XIV» (въ 1760) первый сказалъ нѣсколько словъ о Желѣзной Маскѣ: «Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазарини» пишетъ онъ «случилось происшествіе безпримѣрное и, что еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному историку. Нѣкто, высокаго роста, молодыхъ лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшей тайною посланъ былъ въ заточеніе на островъ Св. Маргариты. Дорогою невольникъ носилъ маску, коей нижняя часть была на пружинахъ, такъ-что онъ могъ ѣсть, не сымая ее съ лица. Приказано было, въ случаѣ, если бъ онъ опкрылся, его убить. Онъ оставался на островѣ до 1690 года, когда Сен-Марсъ, губернаторъ Пиньерольской крѣпости, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Баспилію, пріѣхалъ за нимъ и пре-

проводилъ его въ Баспилію, все такъ же маскированнаго. Передъ пѣмъ маркизъ де Лувуа посѣпилъ его на семъ оспровѣ, и говорилъ съ нимъ епоя, съ видомъ уваженія. Неизвѣспный посаженъ былъ въ Баспилію, гдѣ всевозможныя удобспва были ему доспавляемы. Ему ни въ чемъ не опказывали. Онъ любилъ самое понкое бѣлье и кружева. Онъ игралъ на гипарѣ. Сполъ его былъ самый опличный. Губернапоръ рѣдко садился передъ нимъ. Спарый лекарь, часпо его лечившій въ различныхъ болѣзняхъ, сказывалъ, чпо никогда не видывалъ его лица, хопя и осмапривалъ его языкъ и другія часпи пѣла. По словамъ лекаря, онъ былъ прекрасно сложенъ, цвѣпомъ довольно смуглъ. Голосъ его былъ прогапеленъ; онъ никогда не жаловался и не намекалъ на свое соспояніе.

«Неизвѣспный умеръ въ 1703 году и былъ похороненъ ночью въ приходѣ Св. Павла. Удивипельно и по, чпо въ по время, когда привезенъ онъ былъ на оспровъ Св. Маргарипы, никого изъ важныхъ особъ въ Европѣ не исчезало. Невольникъ сей, безъ всякаго сомнѣнія, былъ особа важная. Доказапельспвомъ пому служипъ происшесптвіе, случившееся въ первые дни его започенія на оспровѣ. Самъ губернапоръ прино-

силъ ему кушанье на сполъ, запиралъ дверь и удалялся. Однажды невольникъ начерпилъ чпо-по ножемъ на серебряной парелкѣ и бросилъ ее изъ окошка. Рыбакъ поднялъ парелку на берегу моря и принесъ ее губернапору. Сей изумился. «Чипалъ ли ты, чпо пупъ написано?» спросилъ онъ у рыбака: «и видѣлъ ли кпо у тебя эпу парелку?» Я не умѣю чипапь, опвѣчалъ рыбакъ; я сей-часъ ее нашелъ; никпо ея не видалъ. Рыбака задержали, пока не удосповѣрились, чпо онъ въ самомъ дѣлѣ былъ безграмопный, и чпо парелки никпо не видалъ. Губернаморъ оппуспилъ его, сказавъ: «спупай; счасплива ты, чпо не умѣешь чипапь....» Г-нъ де Шамильяръ былъ послѣдній изъ миниспровъ, знавшихъ эпу спранную пайну. Зяпь его, маршалъ де-ла Фельядъ сказывалъ мнѣ, чпо при смерпи своего песпя, онъ на колѣнахъ умолялъ его опкрыпь, кпо паковъ былъ человѣкъ въ желѣзной маскѣ. Шамильяръ опвѣпспповалъ, чпо эпо государспвенная пайна, и чпо онъ клялся ея не опкрывапь. Многіе изъ моихъ современниковъ подпвердяпъ испину моихъ словъ. Я не знаю ничего ни удивипельнѣе, ни досповѣрнѣе.»

Сіи спроки произвели большое впечаплѣніе. Любопыпспво было сильно возбуждено. Спали

разыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Желѣзная Маска былъ графъ de Vermandois, осужденный на вѣчное заключеніе, будто бы за пощечину, имъ данную дофину (Людовику XIV). Другіе видѣли въ немъ герцога де-Бофоръ, сего феодальнаго демагога, мятежнаго любимца черни Парижской, пропавшаго безъ вѣсти во время осады Кандіи въ 16..; трети утверждали, что онъ былъ не кто иной, какъ герцогъ Монмуфъ, и проч. и проч. Самъ Вольтеръ, опровергнувъ всѣ сіи мнѣнія съ ясностью критики, ему свойственной, романически думалъ или выдумалъ, что славный невольникъ былъ старшій братъ Людовика XIV, жертва честолюбія и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка оставалась неразрѣшенною. Взятіе Бастиліи въ 1789 году и обнародованіе ея архива ничего не могло открыть касательно таинственнаго затворника.

XII.

РОСЛАВЛЕВЪ.

III

РОДАЛЬЕВЪ.

РОСЛАВЛЕВЪ.

—

Чипая Рославлева, съ изумленіемъ увидѣла я, что завязка его основана на истинномъ происшествіи, слишкомъ для меня извѣстномъ. Нѣкогда я была другомъ несчастной женщины, выбранной г-мъ Загоскинымъ въ героини его повѣсти. Вниманіе публики вновь обратилось на происшествіе забытое; а чувства ненависти и негодованія, усыпленныя временемъ, пробудились и возмутили спокойствіе могилы. Я буду защитницею тѣни, и читатель извинитъ слабость пера моего, уваживъ сердечныя мои побужденія. Буду принуждена много говорить о самой себѣ, потому что судьба моя долго была связана съ участью бѣдной моей подруги.

Меня вывезли въ свѣтъ зимою 1811 года. Не стану описывать первыхъ моихъ впечатлѣній.

Легко можно себѣ вообразить, что̀ должна была чувствовать шестнадцати-лѣтняя дѣвушка, промѣнявъ англесоли и учителей на безпрерывные балы и визиты. Я предавалась вихрю веселій со всею живостью моихъ лѣтъ, и еще не размышляла. Жаль: погдашнее время споило наблюденій.

Между дѣвицами, выѣхавшими вмѣстѣ со мною въ свѣтъ, отличалась княжна ** (г-нъ Загоскинъ назвалъ ее Полиною; оставляю ей это имя). Мы скоро подружились вопъ по какому случаю.

Братъ мой, двадцати-двухъ-лѣтній малой, принадлежалъ сословію погдашнихъ франтовъ; онъ считался въ иностранной коллегіи и жилъ въ Москвѣ, танцуя и повѣсничая. Онъ влюбился въ Полину и упросилъ меня сблизить наши дома. Братъ былъ идоломъ всего нашего семейства, а изъ меня дѣлалъ, что хотѣлъ.

Сближась съ Полиною, изъ угожденія къ нему, вскорѣ я искренно къ ней привязалась. Въ ней было много страннаго, и еще болѣе привлекательнаго. Я еще не понимала ея, а уже любила. Нечувствительно я стала смотрѣть ея глазами и думать ея умомъ.

Отецъ Полины былъ человѣкъ солидный, т. е. ѣздилъ цугомъ и носилъ ключь и звѣзду; впрочемъ былъ вѣпренъ и простъ. Мать ея, напротивъ, была женщина степенная и отличалась важностью и здравымъ смысломъ.

Полина являлась вездѣ; она окружена была поклонниками; съ нею любезничали, но она скучала, и скука придавала ей видъ гордости и холодности. Это чрезвычайно шло къ ея греческому лицу и чернымъ бровямъ. Я поржествовала, когда мои сатирическія замѣчанія наводили улыбку на это правильное и скучающее лицо.

Полина чрезвычайно много читала и безъ всякаго разбора. Ключь отъ библіотеки отца ея былъ у нея. Библіотека большею частію состояла изъ сочиненій писателей XVIII вѣка. Французская словесность отъ Монтескьё до романовъ Кребильона была ей знакома. Руссо знала она наизустъ. Въ библіотекѣ не было ни одной Русской книги, кромѣ сочиненій Сумарокова, которыхъ Полина никогда не раскрывала. Она сказывала мнѣ, что съ трудомъ разбирала Русскую печать, и вѣроятно ничего по-Русски не читала, не исключая стишковъ, поднесенныхъ ей Московскими стихотворцами.

Здѣсь позволю себѣ маленькое отступленіе. Вопъ уже, слава Богу, лѣпъ придцапь, какъ бранятъ насъ за по, чпо мы по-Русски не чипаемъ и не умѣемъ (будпо бы) изъясняпься на опечесптвенномъ языкѣ. (NB. Автору Юрія Милославскаго грѣхъ повпоряпь эпи пошлыя обвиненія: мы всѣ прочли его и, кажепся, одной изъ насъ обязанъ онъ и переводомъ своего романа на Французскій языкъ). Дѣло въ помъ, чпо мы бы и рады чипапь по-Русски; но словесноспь наша, кажепся, не спарѣ Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена. Она предспавляепъ, конечно, намъ нѣсколько опличныхъ поэповъ, но нельзя же опъ всѣхъ чипапелей пребовапь исключипельной охопы къ спихамъ. Въ прозѣ имѣемъ мы полько Испорію Карамзина; первые два или при романа появились два или при года пому назадъ. Между пѣмъ, какъ во Франціи, Англіи и Германіи книги, одна другой замѣчапельнѣе, поминупно слѣдуюпъ одна за другой. Мы не видимъ даже переводовъ; а если и видимъ, по, воля ваша, я все-паки предпочипаю оригиналы. Журналы наши занимапельны полько для напихъ липерапоровъ. Мы принуждены всѣ извѣспія и поняпія черпапь изъ книгъ иноспранныхъ; пакимъ образомъ и мыслимъ мы на языкѣ иноспранномъ (по крайней мѣрѣ всѣ пѣ, копо-

рые мысляпъ и слѣдуюпъ за мыслями человѣческаго рода). Въ эпомъ признались мнѣ самые извѣспные наши литерапоры. Вѣчныя жалобы нашихъ писапелей на пренебреженіе, въ коемъ оспавляемъ мы Русскія книги, похожи на жалобы Русскихъ порговокъ, негодующихъ на по, чпо мы шляпки наши покупаемъ у Сихлеръ, а не довольспвуемся произведеніями Коспромскихъ модисток. Обращаюсь къ моему предмепу.

Воспоминанія свѣпской жизни обыкновенно слабы и ничпожны, даже въ эпоху инпересную. Однако жъ появленіе въ Москвѣ одной пупепеспвенницы оспавило во мнѣ глубокое впечаплѣніе. Эпа пупепеспвенница была m-me de Staël.

Она пріѣхала лѣпомъ, когда большая часпь Московскихъ жипелей разъѣхалась по деревнямъ. Русское госпепріимспво засуепилось; не знали, какъ угоспипь славную иноспранку. Разумѣепся, давали ей обѣды. Мужчины и дамы съѣзжались поглазѣпь на нее, и были по большой часпи недовольны ею. Они видѣли въ ней пяпидесяпилѣпнюю бабу, одѣпую не по-лѣпамъ. Тонъ ея не понравился, рѣчи показались слишкомъ длинны и рукава слишкомъ коропки. Опецъ Полины, знавшій m-me de Staël еще въ Парижѣ, далъ

ей обѣдъ, на который скликалъ всѣхъ нашихъ Московскихъ умниковъ. Тутъ увидѣла я сочинительницу Коринны. Она сидѣла на первомъ мѣстѣ, облокотясь на столъ, свертывая и развертывая прекрасными пальцами трубочку изъ бумаги. Она казалась не въ-духѣ; нѣсколько разъ принималась говорить и не могла разговориться. Наши умники ѣли и пили въ свою мѣру. Дамы чинились. Тѣ и другіе только изрѣдка прерывали молчаніе, убѣжденные въ ничтожности своихъ мыслей и оробѣвшіе въ присутствіи Европейской знаменитости. Во все время обѣда Полина сидѣла какъ на иголкахъ. Вниманіе гостей раздѣлено было между блюдами и m-me Staël. Ждали отъ нея поминутно bon mot; наконецъ вырвалось у ней двусмысліе и даже довольно смѣлое. Всѣ подхватили его, захохотали, поднялся шопотъ удивленія; князь былъ внѣ себя отъ радости. Я взглянула на Полину: лице ея пылало и слезы показались на ея глазахъ. Гости вспали изъ-за стола, совершенно примиренные съ m-me de Staël. Она сказала каламбуръ, который они поскакали развозить по городу.

Что съ тобою сдѣлалось, ma chère? спросила я Полину; не уже ли шутка, немножко воль-

ная могла до такой степени тебя смутить? Ахъ! милая, отвѣчала Полина, я въ отчаяніи! Какъ ничтожно должно было показаться наше общество этой необыкновенной женщинѣ! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимаютъ, для которыхъ блестящее замѣчаніе, сильное движеніе сердца, вдохновенное слово—никогда не потеряны; она привыкла къ увлекательному разговору высшей образованности. А здѣсь.... Боже мой! ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ теченіе цѣлыхъ трехъ часовъ! тупыя лица, глупая важность.... и только! Какъ ей было скучно! Какъ она казалась утомленною! Она увидѣла, чего имъ было надобно, что̀ могли понять эти обезьяны просвѣщенія и кинула имъ каламбуръ. А они такъ и бросились.... Я сгорѣла со стыда, я готова была заплакать.... Но пусть она, съ жаромъ продолжала Полина, вывезетъ объ нашей свѣтской черни мнѣніе, котораго они достойны. По крайней мѣрѣ она видѣла нашъ добрый, простой народъ и понимаетъ его. Ты слышала, что сказала она дядюшкѣ, этому старому несносному шуту, который, изъ угожденія иноспранкѣ, вздумалъ-было смѣяться надъ Русскими бородами? «Народъ, который отстоялъ свою бороду, отстоитъ въ наше время и свою голову.» Какъ

она мила! какъ я люблю ее! какъ ненавижу ея конпеля!

Не я одна замѣтила смущеніе Полины. Другіе глаза остановились на ней въ ту же самую минуту: черные, проницательные глаза самой m-me de Staël. Не знаю, что подумала она, но только послѣ обѣда она подошла къ моей подругѣ и съ нею разговорилась. Чрезъ нѣсколько дней m-me de Staël написала ей слѣдующую записку:

Ma chère enfant, je suis toute malade; il serait bien aimable à vous de venir me ranimer; tachez de l'obtenir de m-me votre maman et veuillez lui presenter les respects de voîre amie de S.

Эта записка хранится у меня. Никогда Полина не объясняла мнѣ своихъ сношеній съ m-me de Staël, не смотря на все мое любопытство. Она была безъ памяти отъ славной женщины, столь же добродушной, какъ и геніальной.

До чего доводитъ охота къ злословію! Недавно разсказывала я все это за обѣдомъ у * *. Можетъ быть, замѣтили мнѣ, m-me de Staël была ничто иное, какъ шпіонъ Наполеоновъ, а

княжна ** доставляла ей нужныя извѣстія. Послушайте: m-me de Staël, десять лѣтъ гонимая Наполеономъ, благородная, добрая m-me de Staël, насилу убѣжавшая подъ покровительство Русскаго Императора, m-me de Staël, другъ Шатобріана и Байрона, m-me de Staël будетъ шпіономъ у Наполеона!..... Очень, очень можетъ статься, возразила мнѣ красноносая графиня Б.; Наполеонъ былъ такой хитрецъ, а m-me de Staël претонкая штука.

Всѣ говорили о близкой войнѣ и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражаніе Французскому тону временъ Людовика XV было въ модѣ.

Вдругъ извѣстіе о нашествіи и воззваніе Государя поразили насъ. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Растопчина; народъ ожесточился. Свѣтскіе балагуры присмирѣли; дамы спрухнули.

Гонители Французскаго языка у Кузнецкаго моста взяли въ обществахъ рѣшительный верхъ, и гостиныя наполнились патріотами: кто высыпалъ изъ табакерки Французской табакъ и спалъ нюхать Русской; кто сжегъ десятокъ Французскихъ брошюрокъ; кто отказался отъ

лафита, а принялся за кислыя щи. Всѣ заклялись говорить по-Французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ, и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ Сараповскія деревни.

Полина не могла скрыть свое презрѣніе, какъ прежде не скрывала своего негодованія. Такая проворная перемѣна и трусость выводили ее изъ терпѣнія. На бульварѣ, на Пресненскихъ прудахъ, она нарочно говорила по-Французски; за столомъ, въ присутствіи слугъ, нарочно оспаривала патріотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновыхъ войскъ, о его военномъ геніи. Присутствующіе блѣднѣли, опасаясь доноса, и спѣшили укорить ее въ приверженности ко врагу отечества. Полина презрительно улыбалась. «Дай Богъ, говорила она, чтобы всѣ Русскіе любили свое отечество, какъ я его люблю.» Она удивляла меня. Я всегда знала Полину скромной и молчаливой и не понимала, откуда взялась у нея такая смѣлость. «Помилуй, сказала я однажды, охота тебѣ вмѣшиваться не въ наше дѣло. Пусть мужчины себѣ дерутся, и кричатъ о политикѣ; женщины на войну не ходятъ, и имъ дѣла нѣтъ до Бонапарта.» Глаза ея засверкали.— Стыдись, сказала

она, развѣ женщины не имѣютъ отечества? развѣ нѣтъ у нихъ отцовъ, братьевъ, мужей? Развѣ кровь Русская для насъ чужда? или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобъ насъ на балѣ вертѣли въ экосезахъ, а дома заставляли вышивать по канвѣ собачекъ? Нѣтъ! Я знаю, какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное. Я не признаю уничиженія, къ которому присуждаютъ насъ. Посмотри на m-me de Staël. Наполеонъ боролся съ нею, какъ съ непріятельскою силой..... И дядюшка смѣетъ еще насмѣхаться надъ ея робостію при приближеніи Французской арміи: «будьте покойны, сударыня, Наполеонъ воюетъ противъ Россіи, а не противу васъ....» Да! Если бъ дядюшка попался въ руки Французамъ, то его бы пустили гулять по Пале-Роялю; но m-me de Staël въ такомъ случаѣ умерла бы въ государственной темницѣ. А Шарлотта Корде? а наша Марѳа Посадница? а княгиня Д**? чѣмъ я ниже ихъ? Ужъ вѣрно не смѣлостію души и рѣшительностію.—Я слушала Полину съ изумленіемъ. Никогда не подозрѣвала я въ ней такого жара, такого честолюбія. Увы! къ чему привели ее необыкновенныя качества души и мужественная возвышенность ума? Правду сказалъ

мой любимый писатель: Il n'est de bonheur que dans les voies communes *.

Пріѣздъ Государя усугубилъ общее волненіе. Восторгъ патріотизма овладѣлъ наконецъ и высшимъ обществомъ. Гостиныя превратились въ палаты прѣній. Вездѣ толковали о патріотическихъ пожертвованіяхъ. Повторяли безсмертную рѣчь молодаго графа Мамонова, пожертвовавшаго всѣмъ своимъ имѣніемъ. Нѣкоторыя мамеьки послѣ того замѣтили, что графъ ужъ не такой завидной женихъ, но мы всѣ были опъ него въ восхищеніи. Полина бредила имъ. «Вы чѣмъ пожертвуете?» спросила она разъ у моего брата.—Я не владѣю еще моимъ имѣніемъ, отвѣчалъ мой повѣса. У меня всего-на-все 30,000 долгу: приношу ихъ въ жертву на алтарь отечества. Полина разсердилась. «Для нѣкоторыхъ людей, сказала она, и честь и отечество — все бездѣлица. Братья ихъ умираютъ на полѣ сраженія, а они дурачатся въ гостиныхъ. Не знаю, найдется ли женщина, довольно низкая, чтобъ позволить такимъ фиглярамъ притворяться передъ нею въ любви.» Братъ мой вспыхнулъ.—Вы слишкомъ взыскательны, княжна, возразилъ онъ. Вы требуете, чтобы всѣ видѣли въ васъ m-me

* Кажется, слова Шатобріана. *Примѣч. изд.*

de Staël и говорили бы вамъ тирады изъ Коринны. Знайте, что кто шутитъ съ женщиною, тотъ можетъ не шутить передъ лицемъ отечества и его непріятелемъ.—Съ этимъ словомъ онъ отвернулся. Я думала, что они навсегда поссорились, но ошиблась: Полинѣ понравилась дерзость моего брата; она простила ему неумѣстную шутку за благородный порывъ негодованія, и узнавъ чрезъ недѣлю, что онъ вступилъ въ Мамоновскій полкъ, сама просила, чтобъ я ихъ помирила. Братъ былъ въ восторгѣ. Онъ тутъ же предложилъ ей свою руку. Она согласилась, но отсрочила свою свадьбу до конца войны. На другой день братъ мой отправился въ армію.

Наполеонъ шелъ на Москву; наши отступали; Москва тревожилась; жители ея выбирались одинъ за другимъ. Князь и княгиня уговорили матушку вмѣстѣ ѣхать въ ихъ *** скую деревню.

XIII.

НЕКОНЧАННЫЯ ПОВѢСТИ.

XIII.

НЕЛОНГРАНИЧНАЯ ПОВЕСТЬ.

НЕКОНЧАННЫЯ ПОВѢСТИ.

I.

Въ 179.. году возвращался я въ Лифляндію съ веселою мыслію: обнять мою спарушку-мать послѣ чепырехъ-лѣшней разлуки. Чѣмъ болѣе приближался я къ нашей мызѣ, пѣмъ сильнѣе волновало меня неперпѣніе. Я погонялъ почпаря, хладнокровнаго моего единоземца, и душевно жалѣлъ о Русскихъ ямщикахъ и объ удалой Русской ѣздѣ.

Къ умноженію досады, бричка моя сломалась. Я принужденъ былъ оспановиться. Къ счаспію, спанція была недалеко.

Я пошелъ пѣшкомъ въ деревню, чпобъ выслапь людей къ бѣдной моей бричкѣ. Это было

въ концѣ лѣта. Солнце садилось. Съ одной стороны дороги простирались распаханныя поля, съ другой луга, поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Издали слышалась печальная пѣснь молодой Эстонки. Вдругъ въ общей тишинѣ раздался явственно пушечный выстрѣлъ... и замеръ безъ отзыва. Я удивился. Въ сосѣдствѣ не находилось ни одной крѣпости; какимъ же образомъ пушечный выстрѣлъ могъ быть услышанъ въ этой мирной сторонѣ? Я рѣшилъ, что, вѣроятно, гдѣ-нибудь поблизости находился лагерь, и воображеніе перенесло меня на минуту къ занятіямъ военной жизни, мною только-что покинутой.

Подходя къ деревнѣ, увидѣлъ я въ сторонѣ господской домикъ. На балконѣ сидѣли двѣ дамы. Проходя мимо ихъ, я поклонился и отправился на почтовой дворъ.

Едва успѣлъ я справиться съ лѣнивыми кузнецами, какъ явился ко мнѣ старичекъ, отставной Русскій солдатъ, и отъ имени барыни позвалъ меня откушать чаю. Я согласился охотно, и отправился на господскій дворъ.

Дорогой узналъ я отъ солдата, что старую барыню зовутъ Каролиной Ивановной, что она

вдова, что дочь ея, Катерина Ивановна, уже въ невѣстахъ, что объ такія добрыя и проч....

Старушка приняла меня ласково и радушно. Узнавъ меня, мою фамилію, Каролина Ивановна сочлась со мною свойствомъ; и я узналъ въ ней вдову фонъ М., дальняго намъ родственника, храбраго генерала, убитаго въ 1772-мъ году.

Между-тѣмъ, какъ я повидимому со вниманіемъ вслушивался въ генеалогическія воспоминанія доброй Каролины Ивановны, я украдкою посматривалъ на ея милую дочь, которая разливала чай и мазала свѣжее янтарное масло на ломтики домашняго хлѣба. 18-ть лѣтъ, круглое румяное лице, темныя, узенькія брови, свѣжій ротикъ и голубые глазки—вполнѣ оправдывали мое ожиданіе. Мы скоро познакомились, и на третьей чашкѣ чаю уже обходился я съ нею какъ съ кузиною. Между-тѣмъ бричку мою привезли; Иванъ пришелъ мнѣ доложить, что она не прежде готова будетъ, какъ на другой день утромъ. Это извѣстіе меня вовсе не огорчило, и, по приглашенію Каролины Ивановны, я остался ночевать. . . . . .

II.

МАРІЯ ШОНИНГЪ*.

АННА ГАРЛИНЪ КЪ МАРІИ ШОНИНГЪ.

25-го апрѣля.

Милая Марія!

Что съ тобою дѣлается? Ужъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ не получала я отъ тебя ни строчки. Здорова ли ты? Если бы не всегдашнія хлопоты, я бы ужъ побывала у тебя въ гостяхъ; но ты знаешь: 21 миля—не шутка. Безъ

* *Marie Schoning et Anne Harlin jugées en 1778 à Nurenberg.*

Marie Schoning, fille d'un ouvrier de Nurenberg, perdit son père à 17 ans. Elle le soignait seule, la pauvreté l'ayant forcé de renvoyer leur unique servante Anne Harlin.

En revenant de l'enterrement de son père, elle trouva deux officiers du revenu public, qui lui demandèrent à visiter les papiers

меня хозяйство спанетъ; Францъ въ немъ ничего не смыслитъ: настоящій ребенокъ. Ужъ не вышла ли ты за-мужъ? Нѣтъ, вѣрно ты бы обо мнѣ вспомнила — и порадовала свою подругу

du defunt, pour s'assurer s'il avoit payé les taxes en proportion de sa proprieté. Ils trouvèrent après l'examen que le vieux Schoning n'avoit pas payé en proportion de ses moyens: ils mirent les sceaux. La jeune fille se retira dans une chambre sans meuble jusqu'a ce que les directeurs du tresor public eussent decidé sur cette affaire.

Les officiers du fisc reviennent avec la decision de leurs chefs, muns d'un ordre qui enjoignait Marie Schoning de quitter la maison, confisquée au profit du tresor.

M-r Schoning était pauvre, mais économe. Une maladie de trois ans epuisa tout ce qu'il avoit amassé. Marie alla chez les commissaires. Elle pleura, et le bureau fut inflexible.

La nuit elle alla au cimetière de S-t Jacque.—Elle en sortit le matin.

La police de Nurenberg assigne un demi-couronne aux gardes de nuit pour chaque femme arretée la nuit après 10 heures. Marie Schoning fut conduite au corps de garde. Le lendemain elle fut emmenée devant le magistrat qui la renvoya, en la menaçant de l'envoyer dans la maison de correction en cas de tardivité.

Marie voulait se jetter dans la Pegnitz... On l'appelle: elle vit Anne Harlin, ancienne servante de son père, qui avait épousé un invalide. Anne la consola: la vie est courte, lui dit-elle, et le ciel c'est pour toujours, mon enfant.

Marie fut recuillée chez les Harlins pendant une année. Elle y mena une vie assez misérable. Au bout de ce tems elle tomba malade. L'hiver vint, l'ouvrage manquat; de fisc des denirées s'accrut. Les meubles furent vendus pièce à pièce, excepté le bois de lit de l'invalide qui mourut au printems.

Un pauvre medecin traitait gratis le mari et la femme. Il apportait quelquefois une bouteille de vin, mais il n'avait pas d'argent. Anne se retablit; mais elle devient apathique: le travail manqua tout à fait.

вѣстію о своемъ счастіи. Въ послѣднемъ письмѣ ты писала, что твой бѣдный отецъ все еще хвораетъ; надѣюсь, что весна ему помогла и что теперь ему легче. О себѣ скажу, что я, слава Богу, здорова и счастлива. Работа идетъ

Au commencement de Mars, un soir, Marie sortit tout à coup.

Elle fut arrêtée par la patrouille de nuit. Le caporal la plaça au milieu des soldats, et lui dit que le lendemain elle sera fouettée. Marie s'écria qu'elle était coupable d'un infanticide....

Amenée devant le juge, elle déclara avoir été accouchée par la femme Harlin et que celle-ci avait enterré son enfant dans un bois. Anne Harlin fut tout à coup arretée, et sur sa dénégation confrontée avec Marie, elle nia tout.

On apporta les instruments de tortures. Marie s'épouvanta — elle saisit les mains liecs de sa prétendue complice et lui dit: «Anne, fais l'aveu qu'on te demande! Ma bonne Anne, tout sera fini pour nous, et Frank et Nany seront mis dans la maison des orphelins.»

Anne la comprit, l'embrassa, et dit —,que l'enfant fut jetté dans la Pegnitz.

Le procès fut rapidement instruit. Elles furent condamnées à mort. — Le matin du jour fixé, elles furent amenées à l'église, où elles se preparèrent à la mort par la prière. Sur la charette Anne fut ferme. Marie fut agitée. Harlin monta sur l'échafaud et lui dit: encore un instant, et nous serons là (au ciel)! Courage, une minute, et nous serons devant Dieu!

Marie s'ecria: elle est innocente, je suis un faux témoin.... elle se jetta aux pieds du bourreau et du prêtre.... elle dit tout. L'exécuteur, étonné, s'arrête. Le peuple pousse des cris.... Anne Harlin interrogée par le prêtre et le bourreau repond à Marie que Marie a dit la verité. Je suis coupable pour avoir menti et manqué de foi en la Providence.

Un rapport est envoyé au magistrat. Le messager revient dans une heure avee l'ordre de proceder à l'éxécution. L'éxécuteur s'eva nouit après avoir décapité Anne Harlin. Marie était dejà morte.

помаленьку, но я все еще не умѣю ни запрашивать, ни торговаться. А надобно будетъ выучиться. Францъ также довольно здоровъ, но съ нѣкоторыхъ поръ деревянная нога начинаетъ его безпокоить; онъ мало ходитъ, а въ ненастное время кряхтитъ да охаетъ. Впрочемъ, онъ по прежнему веселъ, по прежнему любитъ выпить стаканъ вина, и все еще не досказалъ мнѣ исторіи о своихъ походахъ. Дѣти роспупъ и хорошѣютъ. Францъ становится молодцемъ. Вообрази, милая Марія, что ужъ онъ бѣгаетъ за дѣвчонками, каковъ? а ему нѣтъ еще и трехъ лѣтъ. А какой забіяка! Францъ не можетъ имъ налюбоваться, и ужасно его балуетъ; вмѣсто того, чтобъ ребенка унимать, онъ еще его подстрѣкаетъ, и радуется всѣмъ его проказамъ. Мина гораздо степеннѣе; правда, она годомъ старше. Я начала ужь учить ее азбукѣ. Она очень понятлива, и, кажется, будетъ хороша собою. Но что въ красотѣ? была бы добра и разумна, тогда вѣрно будетъ и счастлива.

P. S. Посылаю тебѣ въ госпинецъ косынку; обнови ее въ будущее воскресенье, когда пойдешь въ церковь. Это подарокъ Франца; но красный цвѣтъ идетъ болѣе къ твоимъ чернымъ волосамъ. Мужчины этого не понимаютъ. Имъ

все равно, что голубое, что красное. Прости, милая Марія, я съ тобою заболталась. Отвѣчай же мнѣ поскорѣе. Батюшкѣ засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе. Вѣкъ не забуду, что я провела три года подъ его кровлею, и что онъ обходился со мною, бѣдной сироткою, не какъ съ наемной служанкой, а какъ съ дочерью. Напиши мнѣ, каково его здоровье.

МАРІЯ ШОНИНГЪ КЪ АННѢ ГАРЛИНГЪ.

28 апрѣля.

Я получила письмо твое въ прошедшую пятницу, но прочла его только сегодня. Бѣдный отецъ мой скончался въ пятъ самый день, въ 6-ть часовъ поутру; вчера были похороны.

Я никакъ не воображала, чтобъ смерть была такъ близка. Во все послѣднее время ему было гораздо легче, и г-нъ Кельцъ имѣлъ надежду на совершенное его выздоровленіе. Въ понедѣльникъ онъ даже гулялъ по нашему садику, и дошелъ до колодезя не задохнувшись. Возвратясь въ комна-

пу, онъ почувспвовалъ легкій ознобъ; я уложила его и побѣжала къ г-ну Кельцу: его не было дома. Возвратясь къ отцу, я нашла его въ усыпленіи; я подумала, что сонъ успокоитъ его совершенно. Г-нъ Кельцъ пришелъ вечеромъ; онъ осмотрѣлъ больнаго, и былъ недоволенъ его состояніемъ. Онъ прописалъ ему новое лекарспво. Ночью отецъ проснулся и просилъ ѣспь; я дала ему супу; онъ хлебнулъ одну ложку и болѣе не захотѣлъ. Онъ опять впалъ въ усыпленіе. На другой день съ нимъ сдѣлались спазмы. Г-нъ Кельцъ отъ него не отходилъ. Къ вечеру боль унялась; но имъ овладѣло такое безпокойспво, что онъ пяти минутъ сряду не могъ лежать въ одномъ положеніи; я должна была поворачивать его съ боку на бокъ.... Передъ утромъ онъ утихъ — и часа два лежалъ въ усыпленіи. Г-нъ Кельцъ вышелъ, сказавъ мнѣ, что воротится часа черезъ два. Вдругъ отецъ мой приподнялся и позвалъ меня; я къ нему подошла и спросила: что ему надобно? Онъ сказалъ мнѣ: «Марья, что такъ темно? — отпкрой спавни. Я испугалась и сказала ему: —Батюшка! развѣ вы не видите... спавни отпкрыты. Онъ спалъ искать около себя, схватилъ меня за руку и сказалъ: Марья, Марья, мнѣ очень дурно—я умираю.... Дай, благословлю тебя—поскорѣе. Я бросилась на колѣ-

на и положила его руку себѣ на голову — рука вдругъ опяжелѣла. Онъ сказалъ: «Господь! награди ее; Господь! Тебѣ ее поручаю. Онъ замолкъ; я подумала, что онъ опять заснулъ, и нѣсколько минутъ не смѣла шевельнуться. Вдругъ вошелъ г-нъ Кельцъ, снялъ съ моей головы руку его, и сказалъ мнѣ: теперь оставьте его, подите въ свою комнату. Я взглянула: отецъ лежалъ блѣдный и недвижимый. Все было кончено.

Добрый г-нъ Кельцъ цѣлые два дня не выходилъ изъ нашего дома и все распорядилъ, потому что я была не въ силахъ. И въ послѣдніе дни я одна ходила за больнымъ; некому было меня смѣнить. Часто я вспоминала о тебѣ и горько сожалѣла, что тебя съ нами не было. Вчера я вспала съ постели и пошла - было за гробомъ; но мнѣ стало дурно. Я спала на колѣна, чтобъ издали съ нимъ проститься. Госпожа Ротберхъ сказала: какая комедіантка! Вообрази, что эти слова кольнули меня въ сердце; но мнѣ, право, было не до этой Ротберхъ! Вообрази, милая Анна, что слова два возвратили мнѣ силу. Я пошла за гробомъ удивительно легко. Въ церкви, мнѣ казалось, было чрезвычайно свѣтло и все кругомъ меня шаталось. Я не плакала. Мнѣ было душно, и мнѣ все хотѣлось смѣяться.

Его снесли на кладбище, чпо за церковью Св. Якова, и при мнѣ опуспили въ могилу. Мнѣ вдругъ захопѣлось погда ее разрышь, попому-чпо я съ нимъ не совсѣмъ проспилась. Но мно-гіе еще гуляли по кладбищу, а я боялась, чпобъ Ропберхъ не сказала опять: какая комедіанпка!

Какая жеспокосшь! не позволяшь дочери прос-пишься съ мерпвымъ опцемъ, если ей взду-маепся.

Возвращясь домой, я нашла чужихъ людей, копорые сказали мнѣ, чпо надобно запечашашь все имѣніе и бумаги покойнаго опца. Они оспа-вили мнѣ мою комнапу, полько вынесли изъ нея все, кромѣ кровапи и одного спула. Завпра воскресенье. Я не обновлю пвоей косынки, но очень тебя за нее благодарю. Кланяюсь пвоему мужу; дѣпей цѣлую. Прощай. Пишу тебѣ споя у окошка, а чернильницу заняла у сосѣдей....

III.

ЗАПИСКИ М*

—

Я начинаю помнить себя съ самаго нѣжнаго младенчества, а вотъ сцена, которая живо сохранилась въ моемъ воображеніи.

Нянька приноситъ меня въ большую комнату, слабо освѣщенную. На постелѣ, подъ зелеными занавѣсками, лежитъ женщина въ бѣломъ; отецъ мой береттъ меня на руки — рыдаетъ громко — бѣлая женщина цѣлуетъ меня и плачетъ; няня меня выноситъ, говоря: Миша хочетъ бай, бай. Помню также большую суматоху, множество гостей, люди бѣгаютъ изъ комнаты въ комнату. Солнце свѣтитъ во всѣ окошки, и мнѣ очень весело. Монахъ, съ золо-

нымъ крестомъ на груди, благословляетъ меня; въ двери выносятъ красный гробъ. Вотъ все, что похороны матери оставили у меня въ сердцѣ. Она была женщина съ необыкновеннымъ умомъ и сердцемъ, какъ узналъ я послѣ по разсказамъ людей, незнавшихъ ей цѣны.

Тутъ воспоминанія мои спановятся сбивчивы. Я могу дать ясный отчетъ о себѣ не прежде, какъ ужъ съ осьми-лѣтняго моего возраста. Но прежде долженъ я поговорить о моемъ семействѣ.

Отецъ мой былъ пожалованъ сержантомъ, когда еще бабушка была имъ брюхата. Онъ воспитывался дома до 18-ти лѣтъ. Учитель его М. Дерори былъ простой и доброй старичокъ, очень хорошо знавшій Французскую орѳографію; не извѣстно, были ли у отца другіе наставники; но отецъ, кромѣ Французской орѳографіи, кажется, ничего основательно не зналъ. Онъ женился пропивъ воли своихъ родителей на дѣвушкѣ, которая была старѣе его нѣсколькими годами; въ тотъ же годъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву. Старый Савельичъ, его камердинеръ, сказывалъ мнѣ, что первые года супружества были счастливы. Мать моя успѣла

примиришь мужа съ его семействомъ, въ которомъ ее полюбили. Но легкомысленный и непостоянный характеръ отца моего не позволилъ ей насладиться спокойствіемъ и счастіемъ. Онъ вошелъ въ связь съ женщиной, извѣстной въ свѣтѣ своей красотою и любовными похожденіями. Она для него развелась съ своимъ мужемъ, который уступилъ ее отцу моему за 10,000, и потомъ обѣдывалъ у насъ довольно часто. Мать моя знала все — и молчала. Душевныя страданія разстроили ея здоровье: она слегла и уже не встала.

Отецъ имѣлъ 5,000 душъ. Слѣдственно былъ изъ тѣхъ дворянъ, которыхъ покойный гр. Ш. называлъ мелкопомѣстными, удивляясь отъ чистаго сердца, какимъ образомъ они могутъ жить! Дѣло въ томъ, что отецъ мой жилъ не хуже гр. Ш., хотя былъ ровно въ 20 разъ бѣднѣе. Москвичи помнятъ еще его обѣды, домашній театръ и роговую музыку. Года два послѣ смерти матери моей, Анна Петровна Вирлацкая, виновница этой смерти, поселилась въ его домѣ. Она была, какъ говорится, видная баба, впрочемъ уже не въ первомъ цвѣтѣ молодости. Мнѣ подвели мальчика, въ красной курточкѣ съ манжетами, и сказали, что онъ мнѣ братецъ.

Я смопрѣлъ на него во всѣ глаза. Мишенька шаркнулъ направо, шаркнулъ налѣво, и хопѣлъ поиграпь моимъ ружьецомъ; я вырвалъ игрушку изъ его рукъ—Мишенька заплакалъ, и опецъ поспавилъ меня въ уголъ, подаривъ брапцу мое ружье.

Таковое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. И въ самомъ дѣлѣ, пребываніе мое подъ опеческою кровлею не оспавило ничего пріяпнаго въ моемъ воображеніи. Опецъ конечно меня любилъ, но вовсе обо мнѣ не безпокоился и оспавилъ меня на попеченіе Французовъ, копорыхъ безпрестанно принимали и оппускали. Первый мой гувернеръ оказался пьяницей; впорой, человѣкъ не глупой и не безъ свѣдѣній, имѣлъ пакой бѣшеный нравъ, чпо однажды чупь не убилъ меня полѣномъ за по, чпо пролилъ я чернила на его жилепъ; трепій, проживши у насъ цѣлый годъ, былъ сумасшедшій, и въ домѣ погда полько догадались о помъ, когда пришелъ онъ жаловапься Аннѣ Петровнѣ на меня и на Мишеньку, за по, чпо мы подговорили клоповъ всего дома не давань ему покою, и чпо, сверхъ пого, черпенокъ повадился випь гнѣзда въ его колпакѣ. Прочіе Французы не могли ужиться съ Анной Петровной, копорая не давала имъ ви-

на за обѣдомъ, или лошадей по воскресеньямъ; сверхъ того имъ плапили очень неисправно. Вновапымъ оспался я: Анна Петровна рѣшила, чпо ни одинъ изъ моихъ гувернеровъ не могъ сладипь съ пакимъ несноснымъ мальчишкою.

Впрочемъ и по правда, чпо не было у насъ ни одного, копораго бы въ двѣ недѣли, по его вспупленіи въ должность, не обрапилъ я въ домашняго шупа; съ особеннымъ удовольспвіемъ воспоминаю о Женевцѣ, копораго увѣрилъ я, чпо Анна Петровна была въ него влюблена.

Надобно было видѣпь цѣломудренное выраженіе лица его съ нѣкопорою примѣсью лукаваго кокепспва, когда Анна Петровна косо погляды-вала на него за споломъ, говоря въ полголоса: экой обжора!

Я былъ рѣзовъ, лѣнивъ и вспыльчивъ, но чувспвипеленъ и чесполюбивъ, и ласкою опъ меня можно добипься всего. Къ несчаспію, всякой вмѣшивался въ мое воспипаніе и никпо не умѣлъ за меня взяпься.

Надъ учипелями я смѣялся и проказилъ; съ Анной Петровной бранился зубъ-за-зубъ; съ Ми-

шенькой имѣлъ безпрестанныя ссоры и драки; съ отцомъ доходило часто дѣло до ручныхъ объясненій, которыя съ обѣихъ сторонъ оканчивались слезами. Наконецъ Анна Петровна уговорила отца отослать меня за границу въ университетъ. Я отправился; мнѣ тогда было 15 лѣтъ. Университетская жизнь моя оставила мнѣ пріятныя воспоминанія, которыя, если ихъ разобрать, относятся къ происшествіямъ ничтожнымъ, иногда непріятнымъ; но молодость великой чародѣй. Дорого бы я далъ, чтобъ опять сидѣть за кружкою пива, въ облакахъ табачнаго дыма, съ дубиною въ рукахъ и съ засаленной бархатной фуражкой на головѣ. Дорого бы я далъ за мою комнату, вѣчно полную народа, и Богъ знаетъ какого народа; за наши Латинскія пѣсни, студенческіе поединки и ссоры съ филистрами!

Вольное университетское ученіе принесло мнѣ болѣе пользы, нежели домашніе уроки. Но вообще выучился я порядочно только фехтованію и дѣланію пунша. Изъ дому получалъ я деньги въ разные неположенные сроки. Это пріучило меня къ долгамъ и къ безпечности. Прошло три года, и я получилъ отъ отца изъ П. б. приказаніе оставить университетъ и ѣхать въ Рос-

сію служитъ. Нѣсколько словъ о разстроенномъ состояніи, о лишнихъ расходахъ, о перемѣнѣ жизни, показались мнѣ странными; но я не обратилъ на нихъ большаго вниманія. При отъѣздѣ моемъ далъ я прощальный пиръ, на которомъ поклялся быть вѣчно вѣрнымъ дружбѣ и человѣчеству. На другой день, съ головной болью и съ книгою, отправился въ дорогу.

IV.

На углу маленькой площади, передъ деревяннымъ домикомъ, стояла карета, явленіе рѣдкое въ сей отдаленной части города. Кучеръ спалъ на козлахъ, а форейторъ игралъ въ снѣжки съ дворовыми мальчиками.

Въ комнатѣ, убранной со вкусомъ и роскошью, на диванѣ, обложенная подушками, одѣтая съ большой изысканностію, лежала блѣдная дама, ужъ не молодая, но еще прекрасная. Передъ каминомъ сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ 26-ти, перебирающій листы Англійскаго романа.

Начинало смеркаться, каминъ гаснулъ; молодой человѣкъ продолжалъ свое чтеніе.

Блѣдная дама не спускала съ него своихъ черныхъ и впалыхъ глазъ, окруженныхъ болѣзненной

синевою. Наконецъ она сказала: «что съ тобою сдѣлалось, Валеріанъ? ты сегодня сердитъ.»

— Сердитъ! отвѣчалъ онъ, не подымая глазъ съ своей книги.

«На кого?

— На князя Горѣцкаго. У него сегодня балъ, а я не званъ.

«А тебѣ очень хотѣлось быть на его балу?

— Нимало. Чортъ его побери съ его баломъ. Но если зоветъ онъ весь городъ, то долженъ звать и меня.

«Который это Горѣцкій? Не князь ли Яковъ?

— Совсѣмъ нѣтъ. Князь Яковъ давно умеръ. Это братъ его, князь Григорій.

«На комъ онъ женатъ?

— На дочери того нѣмчаго.... какъ бишь его?

«Я такъ давно не выѣзжала, что совсѣмъ

раззнакомилась съ вашимъ обществомъ.... Такъ ты очень дорожишь вниманіемъ князя Григорія и благосклонностію жены его, дочери пѣвчаго?

— И конечно, съ жаромъ отвѣчалъ молодой человѣкъ, бросая книгу на столъ. Я человѣкъ свѣтскій, и не хочу быть въ пренебреженіи у свѣтскихъ аристократовъ. Мнѣ дѣла нѣтъ ни до ихъ родословной, ни до ихъ нравственности.

«Кого ты называешь аристократами?

— Тѣхъ, которые протягиваютъ руку графинѣ Фуфлыгиной.

«И пренебреженіе людей, которыхъ ты не любишь, сказала дама послѣ нѣкотораго молчанія, можетъ до такой степени тебя оскорблять?... Признайся, тутъ есть иная причина.....

— Такъ: опять подозрѣнія! опять ревность! Это, ей-Богу, несносно.

Съ этимъ словомъ онъ всталъ и взялъ шляпу.

«Ты ужъ ѣдешь? сказала дама съ безпокойствомъ. Ты не хочешь здѣсь отобѣдать?

— Нѣтъ, я далъ слово.

«Обѣдай со мною, продолжала она ласковымъ и робкимъ голосомъ. Я велѣла взять шампанскаго.

— Это зачѣмъ? развѣ я безъ шампанскаго обойтиться не могу? развѣ я Московскій банкометъ?

«Но въ послѣдній разъ ты нашелъ, что вино у меня дурно, и ты сердился, что женщины въ этомъ не знаютъ толку. На тебя не угодишь.

— Не прошу и угождать.

Она не отвѣчала ничего. Молодой человѣкъ раскаялся въ грубости сихъ послѣднихъ словъ. Онъ къ ней подошелъ, взялъ ее за руку и сказалъ съ нѣжностію: «Зинаида! прости меня: я сегодня самъ не свой; сержусь на всѣхъ и за все. Въ эти минуты надобно мнѣ сидѣть дома.... Прости же меня; не сердись.

«Я не сержусь, Валеріанъ; но мнѣ больно видѣть, что съ нѣкотораго времени ты совсѣмъ перемѣнился. Ты пріѣзжаешь ко мнѣ, какъ по обязанности, не по сердечному внушенію. Тебѣ

скучно со мною. Ты молчишь, не знаешь, чѣмъ заняпься, перевертываешь книги, придираешься ко мнѣ, чтобъ со мною побраниться и уѣхать... Я не упрекаю тебя: сердце наше не въ нашей волѣ; но я....

Валеріанъ уже ея не слушалъ. Онъ напягивалъ давно надѣпую перчатку и неперпѣливо поглядывалъ на улицу. Она замолчала съ видомъ спѣсненной досады. Онъ пожалъ ея руку, сказалъ нѣсколько незначущихъ словъ и выбѣжалъ изъ комнаты, какъ рѣзвый школьникъ выбѣгаетъ изъ класса. Зинаида подошла къ окну, смотрѣла, какъ подали ему карету, какъ онъ сѣлъ и уѣхалъ. Долго спояла она на томъ же мѣспѣ, опершись горячимъ лбомъ объ оледенѣлое спекло. Наконецъ она сказала вслухъ: «нѣтъ, онъ меня не любитъ!» позвонила, велѣла зажечь лампу и сѣла за письменный споликъ.

XIV.

АНЕКДОТЫ.

VIX

ANEKDOTA.

I.

Славный анекдотъ объ указѣ, разорванномъ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, разсказанъ у Голикова ошибочно и не вполнѣ. Долгорукій, послѣ дерзкаго своего поступка, уѣхалъ домой изъ сената. Государь, узнавъ обо всемъ, очень прогнѣвался и пріѣхалъ къ нему. Князь Яковъ палъ передъ Нимъ на колѣна и просилъ помилованія. Государь, побранивъ его, сталъ съ нимъ разсуждать о сущности разорваннаго указа. Долгорукій изложилъ Ему свое мнѣніе. «Развѣ не могъ ты по же самое сказать, замѣтилъ ему Петръ, не раздирая Моего указа?—Правда Твоя, Государь, отвѣчалъ Долгорукій; но я зналъ, что если я его раздеру, то уже впредь такових подписывать не станешь, жалѣя мою старость и усердіе. Государь съ нимъ помирился, но, пріѣхавъ къ Себѣ, приказалъ Царицѣ, которая къ князьямъ Долгорукимъ была особенно милостива, призвать князя Якова и присовѣтовать ему на дру-

гой день при всемъ сенатѣ просилъ прощенія у Государя. Князь Яковъ начисто отказался. На другой день онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вступилъ въ сенатѣ Государя, и болѣе, нежели когда-нибудь, Его оспоривалъ. Петръ, видя, что съ нимъ дѣлать нечего, оставилъ это дѣло, и болѣе о томъ уже не упоминалъ.

II.

Одинъ изъ адъютантовъ Потемкина, живущій въ Москвѣ и считавшійся въ отпуску, получилъ приказъ немедленно явиться къ своей должности. Родственники засуетились; не знаютъ, чему приписать требованіе свѣтлѣйшаго. Одни боятся незапной немилости, другіе видятъ неожиданное счастіе. Молодаго человѣка снаряжаютъ на-скоро въ путь. Онъ отправляется изъ Москвы, скачетъ день и ночь и пріѣзжаетъ въ лагерь свѣтлѣйшаго. Объ немъ тотчасъ докладываютъ. Потемкинъ приказываетъ ему явиться. Адъютантъ съ трепетомъ входитъ въ его палатку и находитъ Потемкина въ постелѣ со сваицами въ рукахъ. Вотъ ихъ разговоръ:

ПОТЕМКИНЪ.

Ты, братецъ, мой адъютантъ *такой-то?*

АДЪЮТАНТЪ.

Точно такъ, ваша свѣтлость.

ПОТЕМКИНЪ.

Правда ли, что ты святцы знаешь наизусть?

АДЪЮТАНТЪ.

Точно такъ.

ПОТЕМКИНЪ *(смотря въ святцы)*.

Какого же святаго празднуютъ 18 мая?

АДЪЮТАНТЪ.

Мученика Ѳеодота, ваша свѣтлость.

ПОТЕМКИНЪ.

Такъ. А 29 сентября?

АДЪЮТАНТЪ.

Преподобнаго Куріака.

ПОТЕМКИНЪ.

Точно. А 5 февраля?

АДЪЮТАНТЪ.

Мученицы Агаѳьи.

ПОТЕМКИНЪ *(закрывая святцы)*.

Ну, поѣзжай же себѣ домой.

III.

Никто такъ не умѣлъ сердить Сумарокова, какъ Барковъ. Сумароковъ очень уважалъ Баркова, какъ ученаго и остраго критика, и всегда требовалъ его мнѣнія касательно своихъ сочиненій. Барковъ, который обыкновенно его не баловалъ, пришедъ однажды къ Сумарокову, сказалъ ему: «Сумароковъ великій человѣкъ! Сумароковъ

первый Русскій спихопворецъ!» Обрадованный Сумароковъ велѣлъ попчасъ подапь ему водки, а Баркову полько пого и хопѣлось. Онъ напился. Выходя, сказалъ онъ ему: «нѣпъ, Александръ Пепровичь, я пебѣ солгалъ: первый-по Русскій спихопворецъ — я, впорой Ломоносовъ, а пы полько-чпо прспій. Сумароковъ чупь его не зарѣзалъ.

IV.

Кречепниковъ, по возвращеніи своемъ изъ Польши, позванъ былъ въ кабинепъ Императрицы. «Исполнилъ ли пы Мои приказанія?» спросила Императрица.—Нѣпъ, Государыня, опвѣчалъ Кречепниковъ. Государыня вспыхнула. «Какъ нѣпъ?» Кречепниковъ спалъ излагапь причины, недозволившія ему исполнипь Высочайшія повелѣнія. Императрица его не слушала; въ порывѣ величайшаго гнѣва, Она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречепниковъ ожидалъ своей погибели. Наконецъ Императрица умолкла, и спала ходипь взадъ и впередъ по комнапѣ. Кречепниковъ спослъ ни живъ, ни мерпвъ. Чрезъ нѣсколько минупъ, Государыня снова обрапилась къ нему и сказала уже гораздо пипе. «Скажипе же мнѣ, какія причины помѣшали вамъ исполнипь Мою волю?» Кречепниковъ повпорилъ свои прежнія

оправданія. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться въ своей вспыльчивости, сказала ему съ видомъ совершенно успокоеннымъ: «Это дѣло другое. Зачѣмъ же ты мнѣ тотчасъ этого не сказалъ?»

V.

Херасковъ очень уважалъ Костпрова, и предпочиталъ его таланпъ своему собственному. Это приноситъ большую честь и его сердцу и его вкусу. Костпровъ нѣсколько времени жилъ у Хераскова, который не давалъ ему напиваться. Это наскучило Костпрову. Онъ однажды пропалъ. Его бросились искать по всей Москвѣ, и не нашли. Вдругъ Херасковъ получаетъ отъ него письмо изъ Казани. Костпровъ благодарилъ его за всѣ его милости, «но, писалъ поэтъ, воля для меня всего дороже.»

Костпровъ былъ отъ Императрицы Екатерины именованъ *университетскимъ стихотворцемъ*, и въ семъ званіи получалъ 1,500 рублей жалованья.

Когда наступали торжественные дни, Костпрова искали по всему городу для сочиненія спиховъ, и находили обыкновенно въ кабакѣ, или у

дьячка, великаго пьяницы, съ которымъ былъ онъ въ пѣсной дружбѣ.

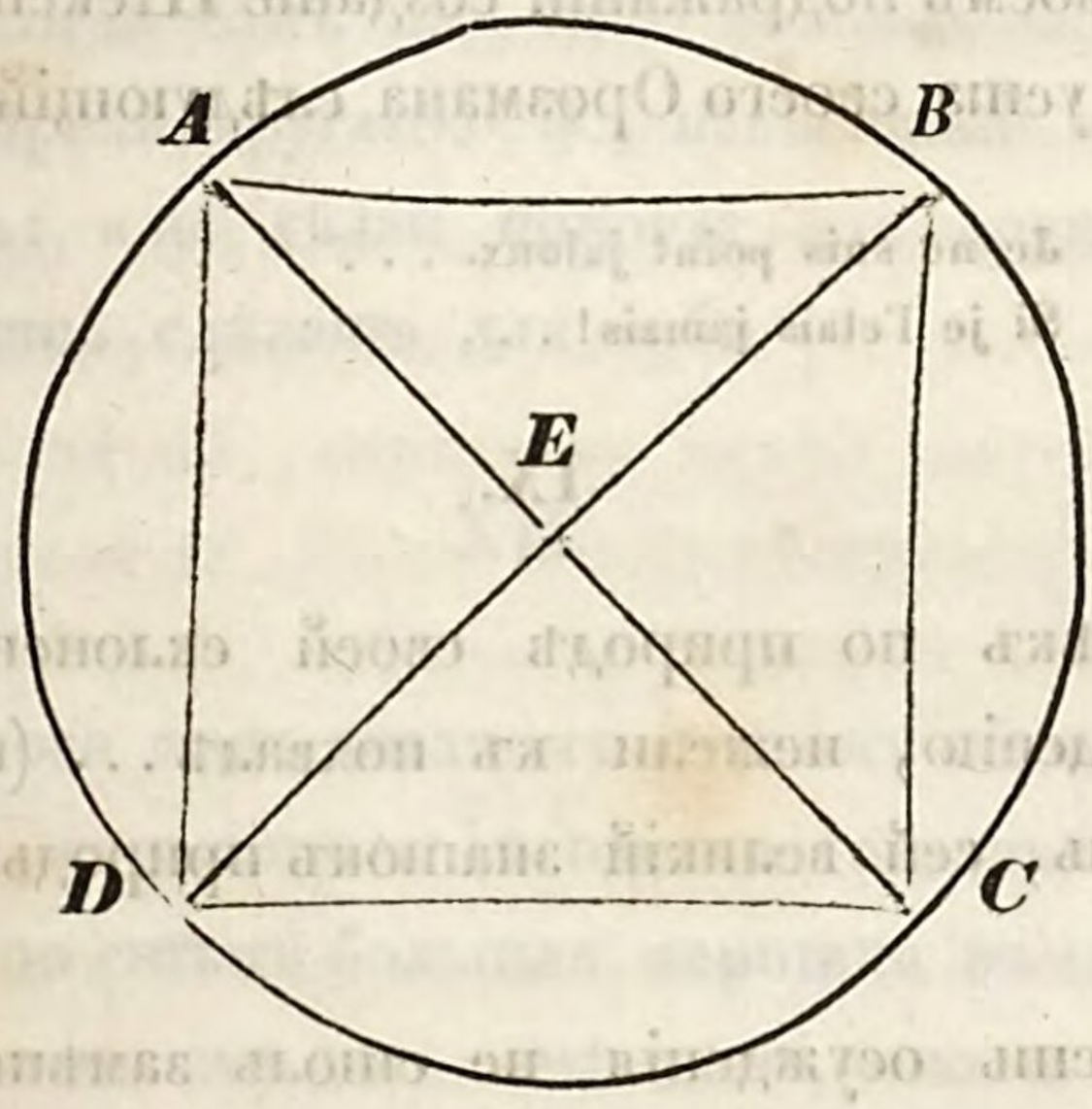
Однажды въ университетѣ сдѣлался шумъ. Студенты, недовольные своимъ столомъ, разбили нѣсколько тарелокъ и швырнули въ эконома нѣсколькими пирогами. Начальники, разбирая это дѣло, въ числѣ бунтовщиковъ нашли баккалавра Ермила Кострова. Всѣ очень изумились. Костровъ былъ права самаго кротказго, да ужъ и не въ такихъ лѣтахъ, чтобъ бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали въ конференцію. «Помилуй, Ермилъ Ивановичь, сказалъ ему ректоръ, ты-то какъ сюда попался? — Изъ сострадания къ человѣчеству, отвѣчалъ добрый Костровъ.

VI.

Езуитъ Посевинъ, столь извѣстный въ нашей исторіи, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей памяти Макіавелевой. Онъ соединилъ въ одной книгѣ всѣ клеветы, всѣ нападенія, которыя навлекъ на свои сочиненія безсмертный Флорентинецъ, и тѣмъ остановилъ новое изданіе оныхъ. Ученый Conringius, издавшій Il principe въ 1660 году, доказалъ, что Посевинъ никогда не читалъ Макіавеля, а полковалъ о немъ по-наслышкѣ.

VII.

Форма цифръ Арабскихъ составлена изъ слѣдующей фигуры.



AD (1), ABDC (2), ABECD (3), ABD+AE (4) и проч.

Римскія цифры составлены по тому же образцу*.

* Гораздо правдоподобнѣе происхожденіе Римскихъ цифръ объясняется слѣдующимъ образомъ. Пока Римляне еще не умѣли писать, для означенія единицы поднимали одинъ палецъ сжатой пятерни; количества: два, три и четыре тоже означались числомъ поднимаемыхъ пальцевъ. Всѣ сіи знаки приняты были въ письмѣ безъ измѣненія; послѣдній долго сохранялся въ рукописяхъ, даже у насъ въ печатныхъ книгахъ. Римская цифра V есть сокращенная пятерня, въ которой три средніе пальца не разогнуты; десять (X) представляетъ двѣ пятерни вышеозначенной формы, поставленныя одна подъ другою II. II.

VIII.

Отелло отъ природы не ревнивъ, напротивъ, онъ довѣрчивъ. Вольперъ это понялъ, и развивая въ своемъ подражаніи созданіе Шекспира, вложилъ въ уста своего Орозмана слѣдующій стихъ:

Je ne suis point jaloux. . . .
Si je l'etais jamais! . . .

IX.

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ... (говоритъ Макіавель, сей великій знатокъ природы человѣческой).

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тотъ же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюминиля, и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго.

X.

Divide et impera—есть правило государственное, не только Макіавелическое (принимаю это слово въ его общенародномъ значеніи).

XI.

Какой-то лордъ, извѣстный лѣнивецъ, для сво-его сына пародировалъ извѣстное изрѣченіе: «не дѣлай никогда самъ то, что можешь заставить сдѣлать чрезъ другаго.» N., извѣстный эгоистъ, прибавилъ: «не дѣлай никогда для другаго то, что можешь сдѣлать для себя.»

XII.

У Крылова надъ диваномъ (гдѣ онъ обыкновенно сиживалъ), сорвавшись съ одного гвоздика, висѣла наискось по стѣнѣ большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то ему далъ замѣтить, что и остальной гвоздь, на которомъ она еще держалась, не проченъ, и что картина когда-нибудь можетъ упасть и убить его. «Нѣтъ», отвѣчалъ Крыловъ, «уголъ рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непремѣнно описать косвенную линію и миновать мою голову.»

XIII.

Одна дама сказывала мнѣ, что если мужчина начинаетъ съ нею говорить о предметахъ ни-чтожныхъ, какъ бы принаровливаясь къ слабости

женскаго пониmія, но въ ея глазахъ онъ поmчасъ обличаешъ свое незнаніе женщинъ. Въ самомъ дѣдѣ, не смѣшно ли почитать женщинъ, которыя такъ часто поражаютъ насъ быстротою пониmія и тонкостію чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно странно въ Россіи, гдѣ царствовала Екатерина II, и гдѣ женщины вообще болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ за Европейскимъ ходомъ вещей, нежели мы, гордые, Богъ вѣдаетъ, почему?

XIV.

Некто К. Х., возвратясь изъ Парижа въ Москву, отличался невоздержностію языка и при всякомъ случаѣ язвительно поносилъ Екатерину. Императрица велѣла сказать ему черезъ фельдмаршала графа Салтыкова, что за такія дерзости въ Парижѣ сажаютъ въ баспилію, а у насъ недавно рѣзали языки; что, не будучи онъ природы жестока, Она для *такого бездѣльника,* каковъ Х., нравъ свой перемѣнять не намѣрена; однако совѣтуетъ ему впредь быть осторожнѣе.

XV.

N. N., вышедшій изъ пѣвчихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ недоволенъ

обхожденіемъ князя Потемкина. «Развѣ не знаетъ князь,» говорилъ онъ на своемъ нарѣчіи *, «что я такой же генералъ?» Это пересказали Потемкину, который сказалъ ему при первой встрѣчѣ: «что ты врешь? какой ты генералъ? ты генералъ - басъ.»

XVI.

Когда графъ д'Артуа пріѣзжалъ въ Петербургъ, то Государыня приняла его самымъ ласковымъ и блистательнымъ образомъ. Онъ Ей однако надоѣлъ, и Она велѣла сказать дамамъ своимъ, чтобъ онѣ постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа въ свою карету. Графъ Д. Ав...., капитанъ гвардіи принца, имѣя право повсюду слѣдовать за нимъ, хотѣлъ было сѣсть также въ карету; но Государыня остановила его, сказавъ: «Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine des gardes de m-r le c. d'Artois.

XVII.

Когда Пугачевъ сидѣлъ на мѣновомъ дворѣ, праздные Москвичи между обѣдомъ и вечеромъ

* «Хиба винъ не тямитъ того, що я такій єдиралъ, якъ винъ самъ.»

заѣзжали на него поглядѣпь, подхвапить какое-нибудь опъ него слово, которое спѣшили помъ развозить по городу. Однажды сидѣлъ онъ задумавшись. Посѣтители молча окружили его, ожидая, чтобъ онъ заговорилъ. Пугачевъ сказалъ: «извѣстно по преданіямъ, что Петръ I, во время Персидскаго похода, услыша, что могила Спеньки Разина находилась не вдалекѣ, нарочно къ ней поѣхалъ и велѣлъ разметать курганъ, дабы увидѣть хоть его косши....» Всѣмъ извѣстно, что Разинъ былъ четвериованъ и сожженъ въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе сказка замѣчапельна, особенно въ успахъ Пугачева. Въ другой разъ нѣкто ***, Симбирскій дворянинъ, бѣжавшій опъ него, пріѣхалъ на него посмопрѣпь, и видя его крѣпко привинченнаго къ цѣпи, спалъ осыпапь его укоризнами. *** былъ очень дуренъ лицемъ, къ пому же и безъ носу. Пугачевъ, на него посмопрѣвъ, сказалъ: «правда, много перевѣшалъ я вашей брапіи, но пакой гнусной образины, признаюсь, не видывалъ.»

XVIII.

Французскіе принцы имѣли большой успѣхъ при всѣхъ Дворахъ, куда они являлись. Были однако жъ съ ихъ стороны нѣкоторые промахи.

Они сыпали деньги и дорогіе подарки. Въ Берлинѣ спарый князь Виттенштейнъ сказалъ Бресону, который хвастался ихъ расточительностію: «mais, mon cher m-r Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild.

XIX.

Многіе негодуютъ на журнальную критику за дурной ея тонъ, незнаніе приличія, и тому подобное: неудовольствіе ихъ несправедливо. Ученый человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и пріобрѣтать навыкъ къ суетной образованности, подобно праздному жителю большаго свѣта. Мы должны быть снисходительны къ его простодушной грубости, залогу добросовѣстности и любви къ истинѣ. Педантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшенъ и отвратителенъ, когда мелкомысліе и невѣжество выражаются его языкомъ.

(ЧЕТЫРЕ РАЗСКАЗА З....)

XX.

Потемкинъ пріѣхалъ со мною проститься. Я

сказала ему: «Ты не повѣришь, какъ я о тебѣ грущу.»—А что такое?— «Не знаю, куда мнѣ будетъ тебя дѣвать.»— Какъ такъ?—«Ты моложе Государыни; ты ее переживешь; что тогда изъ тебя будетъ? Я знаю тебя какъ свои руки: ты никогда не согласишься быть вторымъ человѣкомъ.» Потемкинъ задумался и сказалъ: «не безпокойся; я умру прежде Государыни; я умру скоро.» И предчувствіе его сбылось. Ужъ я больше его не видала.

XXI.

Вы слыхали про Вепошкина? Это удивительно, что никто его не знаетъ. Надобно вамъ сказать, что Торжекъ былъ въ то время деревушка. Государыня сдѣлала изъ него порядочный городокъ. Жители торговали (не знаю, какъ это сказать: ils faisaient le commerce des grains) крупами, что ли? и привозили на баркахъ, не помню куда. Вотъ этотъ Вепошкинъ былъ прикащикомъ на этихъ баркахъ. Онъ былъ раскольникъ. Однажды онъ является къ митрополиту, и проситъ его объяснить ему догматы православія. Митрополитъ отвѣчалъ ему, что для того нужно быть ученымъ, знать по-Гречески, по-Еврейски и, Богъ вѣдаетъ, что еще. Ве-

пошкинъ уходитъ отъ него и черезъ два года является опять. Вообразите, что въ это время успѣлъ онъ выучиться всему этому. Онъ отрекся отъ своего раскола и принялъ истинную вѣру. Въ городѣ только-что про него и говорили. Я жила тогда на Мойкѣ, дверь-объ-дверь съ графомъ А. С. Строгановымъ. Ромъ жилъ у нихъ въ-учителяхъ, попъ самый, что подписалъ потомъ опредѣленіе.... Онъ очень былъ умный человѣкъ, c'était une forte tête, un grand raisonneur; il vous eut rendu claire l'Apocalypse. Онъ у меня былъ каждый день съ своимъ питомцемъ. Я ему разсказываю про Вепошкина.—Madame, c'est impossible.— Mon cher Mr. Rom, je vous répéte ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux de voir Вепошкинъ chez le pr. Potemkine, il y vient tous les jours.— Madame, je n'y manquerai pas. Ромъ отправился къ Потемкину и увидѣлся съ Вепошкинымъ. Онъ приходитъ ко мнѣ. Hé bien, m-r?— Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant. Мнѣ очень хотѣлось вспрѣтить Вепошкина. И. И. Шуваловъ доставилъ мнѣ случай увидѣть его въ своемъ домѣ. Я застала тамъ двухъ молодыхъ раскольниковъ, съ которыми Вепошкинъ имѣлъ une controverse (прѣніе). Вепошкинъ былъ щедушный мужчина

лѣтъ 35. Прѣніе ихъ очень меня занимало. Послѣ того за ужиномъ я сидѣла пропивъ Вепошкина. Я спросила его, какимъ образомъ добился онъ учености? «Сначала было трудно, отвѣчалъ онъ, а потомъ все легче и легче. Книги доставляли мнѣ добрые люди, графъ И. И., да князь Г. А.—Вамъ, думаю, скучно въ Торжкѣ.—«Нѣтъ, сударыня, я живу съ моими родителями и цѣлый день занятъ книгами.» Потемкинъ, страстный ко всему необыкновенному, наконецъ такъ полюбилъ Вепошкина, что не могъ съ нимъ разстаться. Онъ взялъ его съ собою въ Молдавію, гдѣ Вепошкинъ занемогъ тамошней лихорадкою и умеръ почти въ одно время съ княземъ. Очень странный человѣкъ этотъ Вепошкинъ.

XXII.

Потемкинъ очень меня любилъ; не знаю, что бы онъ для меня не сдѣлалъ. У Машеньки была une maitresse de clavecin. Разъ она мнѣ говоритъ: Madame, je ne puis rester à Pétersbourg.—Pourquoi ça?—Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage, ou bien de rester oisive. — Mademoiselle, vous ne partirez pas; il

faut arranger cela de manière ou d'autre. Пріѣзжаетъ ко мнѣ Потемкинъ. Я говорю ему: «какъ ты хочешь, Потемкинъ, а мамзель мою приспрой куда-нибудь.»—Ахъ, моя голубушка! сердечно радъ; да что для нея сдѣлать, право не знаю.—Что же? черезъ нѣсколько дней приписали мою мамзель къ какому-то полку и дали ей жалованье. Нынче этого сдѣлать ужъ нельзя.

XXIII.

Потемкинъ, сидя у меня, сказалъ мнѣ однажды: «Н. К., хочешь ты земли?»—Какія земли?—«У меня тамъ есть въ Крыму.» — Зачѣмъ мнѣ брать у тебя земли, къ какой спати? — «Разумѣется, Государыня подаритъ, а я только ей скажу.» — Сдѣлай одолженіе. Я поговорила объ этомъ съ Т., который мнѣ сказалъ: спросите у князя планы, а я вамъ выберу земли. Такъ и сдѣлалось. Проходитъ годъ, мнѣ приносятъ 80 рублей. «Откуда, батюшки?» Съ вашихъ новыхъ земель; тамъ ходятъ спада, и за это вотъ вамъ деньги. — «Спасибо, батюшки.» Проходитъ еще годъ, другой, Т. говоритъ мнѣ: «что же вы не думаете о заселеніи вашихъ земель? десять лѣтъ пройдетъ, такъ худо будетъ; вы заплатите большой штрафъ.» Да что же мнѣ дѣлать?—«На-

пишипе вашему бапюшкѣ письмо; онъ не опкажепъ вамъ дапь крестьянъ на заселеніе. Я пакъ и сдѣлала; бапюшка пожаловалъ мнѣ 300 душъ; я ихъ поселила; на другой годъ они всѣ разбѣжались, не знаю, опъ чего. Въ по время свапался К. за Машу. Я ему и сказала: «возьми пожалуспа мои Крымскія земли, мнѣ съ ними полько-что хлопопы. «Что же? Эпи земли давали послѣ К. 50,000 руб. доходу. Я очень была рада.

XXIV.

Лица, созданныя Шекспиромъ, не супь, какъ у Мольера, шипы пакой-по спрасши, пакого-по порока, но сущеспва живыя, исполненныя многихъ спрасшей, многихъ пороковъ; обспоятельспва развиваюпъ передъ зришелемъ ихъ разнообразные, многосложные характеры. У Мольера скупой, скупъ — и полько; у Шекспира Шайлокъ скупъ, смѣшливъ, мспишелепъ, чадолюбивъ, оспроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочипся за женою своего благодѣшеля, лицемѣря; принимаепъ имѣніе подъ храненіе, лицемѣря; спрашиваепъ спаканъ воды, лицемѣря. У Шекспира лицемѣръ произносипъ судебный приговоръ съ пщеславною спрогосшію, но справедливо; онъ оправдываепъ свою жесшокоспь глубокомыслен-

нымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсью набожности и волокитства. Анджело лицемѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ! А какая глубина въ этомъ характерѣ!

Но нигдѣ, можетъ быть, многосторонній геній Шекспира не опразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣпь, подобную древней вакханаліи. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сластолюбіе; смолоду, вѣроятно грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесятъ. Онъ растолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино примѣтно взяли верхъ надъ Венерою. Во-вторыхъ, онъ трусъ, но, проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью уклончивой и насмѣшливой; онъ хвастливъ по привычкѣ и по расчету. Фальстафъ совсѣмъ не глупъ, напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка, нерѣдко видавшаго хорошее общество.

Правилъ нѣтъ у него никакихъ. Онъ слабъ какъ баба. Ему нужно крѣпкое Испанское вино (the sack), жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобъ достать ихъ, онъ готовъ на все, только бъ не на явную опасность.

Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ коемъ природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его геніальное созданіе. *** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, прусъ, хвастливъ, не глупъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женатъ. Шекспиръ не успѣлъ женить своего холостяка. Фальстафъ умеръ у своихъ пріятельницъ, не успѣвъ быть ни рогатымъ супругомъ, ни отцемъ семейства. Сколько сценъ, потерянныхъ для кисти Шекспира!

Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехъ-лѣтній сынокъ его, вылитый отецъ, маленькій Фальстафъ III, однажды, въ его отсутствіи, повторялъ про себя: «какой папенька хлаблій! какъ папеньку Государь любитъ!» Мальчика подслушали и кликнули. «Кто тебѣ это сказывалъ, Володя?» — Папенька, отвѣчалъ Володя.

XXV.

Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ превожилъ воображеніе Чальдъ-Гарольда. Два раза Байронъ пытался бороться съ великаномъ романтической поэзіи — и оспался хромъ, какъ Іаковъ.

XXVI.

Денисъ Давыдовъ явился однажды въ авангардъ къ князю Багратіону, и сказалъ: «главнокомандующій приказалъ доложить вашему сіятельству, что непріятель у насъ на носу, и проситъ васъ немедленно отступить». Багратіонъ * отвѣчалъ: — непріятель у насъ на носу? на чьемъ? если на твоемъ, такъ онъ близко; а коли на моемъ, такъ мы успѣемъ еще отобѣдать.

XXVII.

Сапирикъ М*** пришелъ однажды къ Гнѣдичу — пьяный, по своему обыкновенію, оборванный и растрепанный. Гнѣдичь принялся увѣщевать его. Распроганный М** заплакалъ и указывая на небо сказалъ: «тамъ, тамъ найду я награду за всѣ мои страданія...» — Брапецъ, воз-

* Можетъ быть, не всѣмъ извѣстно, что у князя Багратіона былъ очень большой носъ.

разилъ сму Гнѣдичь, посмопри на себя въ зеркало: пуспяпъ ли тебя пуда?

XXVIII.

Попемкину доложили однажды, чпо нѣкпо графъ Мор..., жипель Флоренціи, превосходно играепъ на скрипкѣ. Попемкину захопѣлось его послушапь; онъ приказалъ его выписапь. Одинъ изъ адъюпанповъ опправился курьеромъ въ Иналію, явился къ графу Мор..., объявилъ ему приказъ свѣплѣйшаго и предложилъ шопъ же часъ садишься въ его шележку и скакапь въ Россію. Благородный вирпуозъ взбѣсился и послалъ къ чорпу и Пепербургъ и курьера съ его шележкою. Дѣлапь было нечего. Но какъ явишься къ князю, не исполнивъ его приказанія? Догадливый адъюпанпъ опыскалъ какого-по скрипача, бѣдняка не безъ шаланпа, и легко уговорилъ его назвапься графомъ Мор... и ѣхапь въ Россію. Его привезли и предспавили Попемкину, копорый оспался доволенъ его игрою.

XXIX.

Генералъ Р. былъ насмѣшливъ и желченъ. Во время Турецкой войны, обѣдая у главнокомандую-

щаго гр. К., онъ замѣтилъ, что кандиторъ вздумалъ выставить вензель на крыльяхъ мельницы изъ сахара, и сказалъ какую-то колкую шутку. Въ тотъ же день Р. былъ высланъ изъ главной квартиры. Онъ сказывалъ мнѣ, что К. былъ трусъ, и не могъ хладнокровно слышать ядра; однако подъ какою-то крѣпостію онъ видѣлъ К., вдавшагося въ опасность. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, не пользующійся блистательною славой, въ 1812 году взялъ нѣсколько пушекъ, брошенныхъ непріятелемъ, и выпросилъ себѣ за то награжденіе. Встрѣтясь съ г. Р. и боясь его шутокъ, чтобъ ихъ предупредить, онъ бросился-было его обнимать; Р. отступилъ и сказалъ ему съ улыбкою: «кажется, ваше превосходительство принимаете меня за пушку безъ прикрытія.»

XXX.

Д*** однажды вызвалъ на дуэль Б***. Б*** отказался, сказавъ: «скажите Д***, что я на своемъ вѣку видѣлъ болѣе крови, нежели онъ чернилъ.»

XXXI.

Дельвигъ не любилъ поэзіи мистической. Онъ говаривалъ: «чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе.»

XXXII.

Я познакомился съ однимъ г. Д... на Кавказѣ въ 1829 г., возвращаясь изъ Арзрума. Онъ лечился опъ какой-по удивиппельной болѣзни, въ родѣ капалепсіи, и игралъ съ успра до ночи въ карпы. Наконецъ онъ проигрался, и я довезъ его до Москвы въ моей коляскѣ. Д. помѣшанъ былъ на одномъ пункпѣ: ему непремѣнно хопѣлось имѣпь спо пысячь рублей. Всевозможные способы доспапь ихъ были имъ придуманы и передуманы. Иногда ночью, въ дорогѣ, онъ будилъ меня вопросомъ: Александръ Сергѣевичь! Александръ Сергѣевичь! какъ бы, думаепе вы, доспапь мнѣ спо пысячь? Однажды сказалъ я ему, чпо на его мѣспѣ, если ужъ спо пысячь были необходимы, по я бы ихъ укралъ. «Я объ эпомъ думалъ, опвѣчалъ мнѣ Д.—Ну, чпо же?—«Мудрено; не у всякаго въ карманѣ можно найпи спо пысячь, а зарѣзапь или обокраспь человѣка за бездѣлицу, не хочу, у меня еспь совѣспь. Не знаепе ли вы инаго способа»?—Просипе денегъ у Государя.—«Я объ эпомъ думалъ.»—Чпо же? «Я даже и просилъ.»— Какъ! безо всякаго права?—«Я съ пого и началъ: «Ваше Величеспво! я никакого права не имѣю просипь у Васъ по, чпо соспавило бы счасппе моей жизни; но, Ва-

ше Величество, на милость образца нѣтъ, и такъ далѣе.» Что же вамъ отвѣчали?—«Ничего.» Это удивительно. Вы бы обратились къ Ротшильду. «Я объ этомъ думалъ.»—Что же, зачѣмъ дѣло стало? «Да видите ли: одинъ способъ выманить у Ротшильда сто тысячъ; это было бы такъ странно и такъ забавно: надобно бы написать ему просьбу, чтобъ ему было весело, потомъ разсказать анекдотъ, который стоилъ бы ста тысячъ. Но сколько трудностей!... Словомъ, нельзя было придумать несообразности и нелѣпости, о которой бы Д. уже не подумалъ. Послѣдній проектъ его былъ выманить эти деньги у Англичанъ, подстрекнувъ ихъ народное самолюбіе и въ надеждѣ на ихъ любовь къ странностямъ. Онъ хотѣлъ обратиться къ нимъ съ слѣдующимъ письмомъ: «Гг. Англичане! я бился объ закладъ объ 10,000 руб., что вы не откажетесь мнѣ дать взаймы 100,000 рублей. Гг. Англичане! избавьте меня отъ проигрыша, на который навязался я, въ надеждѣ на ваше всему свѣту извѣстное великодушіе.» Д. просилъ меня похлопотать объ этомъ въ Петербургѣ чрезъ Англійскаго посланника, и свой проектъ выказалъ мнѣ не иначе, какъ взявъ съ меня честное слово не воспользоваться имъ. Онъ готовъ былъ всегда биться объ закладъ, и о чемъ бы то ни

было. Говорили ли о женщинѣ? Хопипе со мной бипься объ закладъ, прерывалъ Д., чпо черезъ при дня она меня полюбипъ? Спрѣляли ли въ цѣль изъ писполепа? Д. предлагалъ спапь въ 25-пи шагахъ и бился о 1,000 руб., чпо вы въ него не попадепе. Недавно получилъ я опъ него письмо. Онъ пишепъ мнѣ: «испорія моя коропка; я женился, а денегъ все нѣпъ.» Я опвѣчалъ ему: «жалѣю, чпо изо 100,000 способовъ доспапь 100,000 руб. ни одинъ еще, видно, вамъ не удался.»

XXXIII.

Державина видѣлъ я полько однажды въ жизни, но никогда пого не забуду. Эпо было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, чпо Державинъ будепъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣспницу, чпобъ дождапься его и поцѣловапь руку, руку—написавшую Водопадъ. Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: гдѣ, брапецъ, здѣсь выпшпи? Эпопъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, копорый опмѣ-

нилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это разсказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостію. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ поджавши голову рукою; лице его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвисли. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ въ Русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои *Воспоминанія въ Ц. С.*, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ.... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять.... Меня искали, но не нашли....

XXXIV.

ОТРЫВОКЪ *.

Не смотря на великія преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться, кромѣ права ставить винительный падежъ вмѣсто родительнаго послѣ частицы *не*, мы никакихъ особенныхъ преимуществъ за нашими стихотворцами не вѣдаемъ), какъ бы то ни было, не смотря на всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвержены большимъ невыгодамъ и непріятностямъ. Не говорю о ихъ обыкновенномъ гражданскомъ ничтожествѣ и бѣдности, вошедшей въ пословицу; о зависти и клеветѣ братіи, коихъ они дѣлаются жертвами, если они въ славѣ; о презрѣніи и насмѣшкахъ, со всѣхъ сторонъ падающихъ на нихъ, если произведенія ихъ не нравятся. Но, кажется, что̀ можетъ сравниться съ несчастіемъ для нихъ неизбѣжнымъ, разу-

* Очеркъ и даже нѣкоторыя частности этого отрывка авторъ успѣлъ уже употребить въ неконченной повѣсти своей, напечатанной въ семъ же изданіи, подъ названіемъ: *Египетскія Ночи*. Издатели не считаютъ за излишнее помѣстить здѣсь этотъ отрывокъ и въ томъ видѣ, какъ онъ приготовленъ былъ авторомъ еще до назначенія ему мѣста въ пьесѣ, какъ онъ набросанъ былъ въ видѣ запаснаго матеріала. Не безполезно учиться у хорошаго писателя, наблюдая, какъ онъ самъ сочиненіе свое критикуетъ, иныя части сжимая въ немъ, иныя развертывая. П. П.

мѣемъ сужденія глупцовъ? Однако жъ и эпо горе, какъ оно ни велико, не есть крайнимъ еще для нихъ. Зло, самое горькое, самое несперпимое для спихопворца, есть его званіе, прозвище, коимъ онъ заклейменъ и которое никогда его не покидаетъ. Публика смопритъ на него, какъ на свою собспвенность, счипаетъ себя вправѣ пребовать опъ него опчета въ малѣйшемъ шагѣ. По ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея удовольспвія, и дышетъ для пого только, чпобъ подбирать рифмы. Требуютъ ли обспоятельства присупспвія его въ деревнѣ — при возвращеніи его, первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чего-нибудь новаго? Явится ль онъ въ армію, чтобъ взглянуть на друзей и родспвенниковъ—публика пребуетъ непремѣнно опъ него поэмы на послѣднюю побѣду, и газетчики сердятся, почему долго заспавляетъ онъ себя ждать. Задумается ли онъ о разспроенныхъ своихъ дѣлахъ, о предположеніи семейспвенномъ, о болѣзни милаго ему человѣка—поптчасъ уже пошлая улыбка сопровождаетъ пошлос восклицаніе: «вѣрно изволитъ сочинять.» Влюбится ли онъ — красавица его нарочно покупаетъ себѣ альбомъ и ждетъ ужъ элегіи. Пріѣдетъ ли онъ къ сосѣду поговорить о дѣлѣ или проспо для развлеченія опъ прудовъ — сосѣдъ кличетъ

своего сынка и заставляетъ мальчика читать стихи *такого-то*, и мальчишка самымъ жалостнымъ голосомъ пронзаетъ стихотворца его жъ изуродованными стихами. А это еще называется торжествомъ! Каковы жъ должны быть слѣдствія неудачъ? Не знаю; но послѣднія легче, кажется, переносить. По крайней мѣрѣ одинъ изъ моихъ пріятелей, извѣстный стихотворецъ, признавался, что сіи привѣтствія, вопросы, альбомы и мальчишки до такой степени бѣсили его, что поминутно принужденъ онъ былъ удерживаться отъ какой-нибудь грубости, и твердить себѣ, что эти добрые люди не имѣли вѣроятно намѣренія вывести его изъ терпѣнія. Мой пріятель былъ самый простой и обыкновенный человѣкъ, хотя и стихотворецъ. Когда находила на него такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе), то онъ запирался въ своей комнатѣ и писалъ въ постелѣ съ утра до поздняго вечера, одѣвался на-скоро, чтобъ пообѣдать въ рестораціи, выѣзжалъ часа на три; возвратившись, опять ложился въ постелю и писалъ до пѣтуховъ. Это продолжалось у него недѣли двѣ-три, много мѣсяцъ, и случалось единожды въ годъ, всегда осенью. Пріятель мой увѣрялъ меня, что онъ только тогда и зналъ истинное счастіе; остальное время года онъ гулялъ, читая мало и не сочи-

няя ничего, и слыша поминутно неизбѣжный вопросъ: скоро ли вы насъ подарите новымъ произведеніемъ пера вашего? Долго дожидалась бы почтеннѣйшая публика подарковъ отъ моего пріятеля, если бъ книгопродавцы не платили ему довольно дорого за его стихи. Имѣя поминутно нужду въ деньгахъ, пріятель мой печатаетъ свои сочиненія и имѣетъ удовольствіе потомъ читать о нихъ печатныя сужденія (см. выше), что называетъ онъ въ своемъ энергическомъ просторѣчіи — подслушиваетъ у кабака, что говорятъ объ насъ холопья.

Пріятель мой происходитъ отъ одного изъ древнѣйшихъ дворянскихъ нашихъ родовъ, чѣмъ и тщеславился со всевозможнымъ добродушіемъ. Онъ столько же дорожитъ тремя строчками лѣтописца, въ коихъ упомянуто было о предкѣ его, какъ модный камеръ-юнкеръ тремя звѣздами двоюроднаго своего дяди. Будучи бѣденъ, какъ почти и все наше старинное дворянство, онъ, подымая носъ, увѣряетъ, что никогда не женится, или возьметъ за себя княжну, именно одну изъ княженъ Елецкихъ, коихъ отцы и братья, какъ извѣстно, нынѣ запашутъ сами, и встрѣчаясь другъ съ другомъ на своихъ бороздахъ, спрягаютъ сохи и говорятъ: «Богъ помочь,

князь Аншиншъ, сколько швое княжое здоровье сегодня напахало? » — Спасибо, князь Ерема Авдеевичь. — Кромѣ эпой маленькой слабоспи, копорую впрочемъ опносимъ мы къ желанію подражапь лорду Байрону, продававшему также очень хорошо свои спихопворенія, пріятель мой былъ человѣкъ круглый, un homme tout rond, какъ говоряпъ Французы: homo quadratus, человѣкъ четыре-угольный, по выраженію Лапинскому — по нашему, очень хорошій человѣкъ.

Онъ не любилъ общеспва своей брапьи-липерапоровъ. Онъ, кромѣ весьма немногихъ, находилъ въ нихъ слишкомъ много припязаній, у однихъ на колкоспь ума, у другихъ на пылкоспь воображенія, у препьихъ на чувспвипельноспь, у четверпыхъ на меланхолію, на разочарованноспь, на глубокомысліе, на филанпропію, на мизанпропію, иронію и проч. Иные казались ему скучными по своей глупоспи; другіе несносными по своему пону; препьи гадкими по своей подлоспи; четверпые опасными по своему двойному ремеслу; вообще слишкомъ самолюбивыми и заняпыми исключипельно собою, да своими сочиненіями. Онъ предпочипалъ имъ общеспво женщинъ и свѣпскихъ людей, копорые, видя его ежедневно, переспавали съ нимъ чинишься и из-

бавляли его опъ разговоровъ о литературѣ и опъ извѣстнаго вопроса: «не написали ли вы чего-нибудь новенькаго?»

Мы распространились о нашемъ пріятелѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что онъ есть единственный литераторъ, съ которымъ удалось намъ коротко познакомиться; во-вторыхъ, что повѣсть, предлагаемая нынѣ читателю, слышана нами опъ него.

СТАРИННЫЯ
РУССКІЯ СТРАННОСТИ.

ОТРЫВКИ БІОГРАФІИ ***.

I.

Я начинаю себя помнить на большомъ барскомъ дворѣ, гдѣ сидѣлъ я въ пескѣ (что почитается средствомъ пропиву такъ называемой Англійской болѣзни). Около меня толпа нянекъ и мамушекъ, и шестнадцать дворовыхъ мальчишекъ, поперемѣнно таскать меня во весь духъ въ колясочкѣ съ барскаго на черной дворъ и на деревенской базаръ. Помню отца моего—и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ. Назначенъ отъѣздъ въ Петербургъ. На дворѣ собирается огромный обозъ. Крыльцо усѣяно наро-

домъ: гусарами, егерями, ливрейными лакеями, карликами, арапами, опсиавными маіорами въ спаринныхъ мундирахъ, и проч. Опецъ мой между ними въ зеленомъ плащѣ. Одноколка подана. Меня приносятъ къ опцу съ нимъ проспиться. Онъ хочетъ взять меня съ собою. Я плачу: жаль разспаться съ нянею. Опецъ съ досадою меня оттолкиваетъ, садится въ одноколку, выѣзжаетъ; за нимъ ѣдетъ весь обозъ; дворъ пустѣетъ, челядь расходится, и съ тѣхъ поръ впечатлѣнія мои становятся слабы и неясны до десятаго года моего возраста.

II.

Опецъ мой жилъ бариномъ. Порядокъ его разъѣздовъ далъ понятіе объ его жизни. Собираясь куда-нибудь въ дорогу, подымался онъ всѣмъ домомъ. Впереди на рослой Испанской лошади ѣхалъ съ волторною человѣкъ (изъ иностранцевъ). Должность его въ домѣ состояла въ томъ, что въ базарные дни обязанъ онъ былъ выѣзжать на верблюдѣ и показывать мужикамъ lanterne-magique. Въ дорогѣ же подавалъ онъ волторною сигналъ привалу и походу. За нимъ ѣхала одноколка отца моего; за одноколкою двумѣстная карета про случай дождя (подъ козла-

ми находилось мѣсто любимаго его шута). Вслѣдъ тянулись кареты, наполненныя нами, нашими мадамами, учителями, нянъками и проч. За ними ѣхала длинная рѣшетчатая фура съ дураками, арапами, карлами, всего тридцать человѣкъ. Вслѣдъ за нею точно такая же фура съ больными борзыми собаками. Потомъ слѣдовалъ огромный ящикъ съ роговою музыкою, буфетъ на шестнадцати лошадяхъ; наконецъ повозки съ Калмыцкими кибитками и разной мебелью (ибо отецъ мой останавливался всегда въ полѣ). Посудите, сколько при всемъ этомъ находилось народу, музыкантовъ, поваровъ, псарей и разной челяди.

III.

Мать моя была въ своемъ родѣ столь же замѣчательна, какъ и мой отецъ. Она была изъ роду ***ихъ. Отецъ, заблудившись на охотѣ, пріѣхалъ въ домъ къ ***ву, влюбился въ его дочь, и свадьба совершилась на другой же день. Она была женщина необыкновеннаго ума и способностей. Она знала многіе языки, между-прочимъ Греческій; Англійскому выучилась она шестидесяти лѣтъ. Отецъ мой ее любилъ, но содержалъ въ строгости. Много вытерпѣла она отъ его

причудъ. Напримѣръ: она боялась воды. Отецъ мой въ волновую погоду сажалъ ее въ рыбачью лодку и капалъ ее по Волгѣ. Иногда, чтобъ пріучить ее къ военной жизни, сажалъ онъ ее на пушку и палилъ изъ-подъ нея. До глубокой старости сохранила она видъ и обхожденіе знатной дамы. Я не видывалъ старушки лучшаго тона.

IV.

У насъ было множество учителей, гувернеровъ и дядекъ. Однажды, мучась продолжительностію вечерняго урока, въ то время, какъ Французъ-учитель занялся съ братомъ моимъ, я подкрался и задулъ обѣ свѣчки. Матери моей не было дома. Случилось, что во всемъ домѣ, кромѣ сихъ двухъ свѣчей, не было огня, а слуги, по своему обыкновенію, всѣ ушли, оставя домъ пустымъ. Учитель насилу ихъ нашелъ, насилу добился огня, насилу добрался до меня и, въ наказаніе, заперъ меня въ чуланъ. Вышло, что въ чуланѣ запасы были разные съѣстные припасы. Я, къ неизъяснимому утѣшенію, тотчасъ отыскалъ тутъ изюмъ и винныя ягоды и наѣлся вдоволь. Между-тѣмъ ощупалъ штофъ, откупорилъ его, полизалъ горлышко, нашелъ его сладкимъ, попробовалъ изъ него хлебнуть: мнѣ это

понравилось. Нѣсколько разъ повпорилъ свое испытаніе и вскорѣ повалился безъ чувспвъ. Меж-ду-пѣмъ матушка пріѣхала. Учипель разсказалъ мою проказу и съ нею опправился въ чуланъ. Будятъ меня. Что же? Вспаю, шатаясь, блѣдный; на полу разбитый шпофъ. Опъ меня несетъ водкой. Матушка ахнула.... На другой день просыпаюсь поздно, съ головной болью, смутно вспоминая вчерашнее. Гляжу въ окно и вижу, что на повозку громоздятъ пожитки моего учипеля. Няня моя объяснила мнѣ, что матушка прогнала его за пѣмъ-де, что онъ вечоръ заперъ меня въ чуланъ.

XV.

ОТРЫВКИ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ, КРИТИЧЕСКІЯ, ГРАММАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

XV.

ОТ РЕДАКЦІИ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ, КРИТИЧЕСКАЯ,

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКИ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

А. С. Пушкина.

—

Нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки, и всегда отступался изъ лѣности. Въ 1821 году началъ я мою біографію, и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ; я въ нихъ говорилъ о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностію дружбы или короткаго знакомства. Теперь какая-то торжественность меня окружаетъ, и вѣроятно будетъ дѣйствовать на мой слогъ и образъ мыслей—за то буду осмотрительнѣе въ моихъ запискахъ. Если записки будутъ менѣе живы, то болѣе достовѣрны.

Избравъ себя лицемъ, около котораго постараюсь собрать другія лица, болѣе достойныя

замѣчанія, скажу нѣсколько словъ о моемъ происхожденіи.

Мы ведемъ свой родъ опъ Прусскаго выходца *Радши* или *Рачи (мужа честна*, говоритъ лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго), въѣхавшаго въ Россію во время княженія Св. Александра Ярославича Невскаго. Опъ него произошли Мусины, Бобрищевы, Мяплевы, Повадовы, Каменскіе, Бупурлины, Кологривовы, Шерефединовы и Товарковы. Имена предковъ моихъ встрѣчаюпся поминупно въ нашей Исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ опъ кровавыхъ опалъ Царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуепъ и Пушкиныхъ. Григорій Гавриловичь Пушкинъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчапельныхъ лицъ, въ эпоху Самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, начальспвуя опдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, *сдѣлалъ честно свое дѣло.* Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамопою о избраніи на царспво Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Спепановичь, подъ соборнымъ дѣяніемъ— объ уничпоженіи мѣспничеспва (чпо мало дѣлаепъ чести его характеру). При Петрѣ Первомъ, сынъ его, спольникъ Ѳедоръ Матвѣевичь,

уличенъ былъ въ заговорѣ противу Государя и казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Соковнинымъ. Прадѣдъ мой, Александръ Петровичь, былъ женатъ на меньшой дочери графа Головина, перваго Андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ. Единственный сынъ его, Левъ Александровичь, служилъ въ артиллеріи, и въ 1762 году, при вступленіи на престолъ Екатерины II, посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ.

Родословная матери моей весьма любопытна. Дѣдъ ея былъ Негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополѣ какъ-то досталъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ въ 1707 году, съ Польскою королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганнибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 го-

да, Ганнибалъ находился неотлучно при особѣ Государя, спалъ въ его покарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во Французскую службу; во время Испанской войны, былъ въ голову раненъ, *въ одномъ подземномъ сраженіи* (сказано въ рукописной его біографіи), и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое время жилъ въ разсѣяніи большаго свѣта. Петръ Первый неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганнибалъ не торопился, отговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ Государь написалъ ему, что онъ неволить его не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію, или остаться во Франціи; но что, во всякомъ случаѣ, онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Тронутый Ганнибалъ немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ нему на встрѣчу и благословилъ образомъ Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но котораго я не могъ уже отыскать. Государь пожаловалъ Ганнибала въ бомбардирскую роту Преображенскаго полка капитанъ-лейтенантомъ. Извѣстно, что самъ Петръ былъ ея капитаномъ. Это было въ 1722 году.

Послѣ смерпи Петра Великаго, судьба Ганнибала псремѣнилась. Меньшиковъ, опасаясь его вліянія на Имперашора Петра II, нашелъ способъ удалипь его опъ Двора. Ганнибалъ былъ переименованъ въ маіоры Тобольскаго гарнизона и посланъ въ Сибирь съ препорученіемъ измѣрипь Кипайскую спѣну. Ганнибалъ пробылъ памъ нѣсколько времени и самовольно возврапился въ Пепербургъ, узнавъ о паденіи Меньшикова, и надѣясь на покровипельспво князей Долгорукихъ, съ копорыми былъ онъ связанъ. Судьба Долгорукихъ извѣспна. Минихъ спасъ Ганнибала, опправя его пайно въ Ревельскую деревню, гдѣ и жилъ онъ около десяпи лѣпъ, въ поминупномъ безпокойспвѣ. До самой кончины своей, онъ не могъ безъ препепа слышапь звонъ колокольчика. Когда Импераприца Елисавета взошла на престолъ, погда Ганнибалъ написалъ ей Евангельскія слова: «помяни мя, егда пріидеши во царспвіе пвое.» Елисавета попчасъ призвала его ко Двору, произвела въ бригадиры, и вскорѣ попомъ въ генералъ-маіоры и въ генералъ-аншефы, пожаловала ему нѣсколько деревень въ губерніяхъ Псковской и Пепербургской; въ первой: Зуево, Боръ, Пепровское и другія; во впорой: Кобрино, Суйду и Танцы; также деревню *Раголу*, близъ Ревеля, въ копоромъ нѣсколько времени былъ

онъ оберъ-комендантомъ. При Петрѣ III вышелъ онъ въ опсиавку и умеръ философомъ (говоритъ его Нѣмецкій біографъ), въ 1781 году на 93-мъ году своей жизни. Онъ написалъ-было свои записки на Французскомъ языкѣ, но въ припадкѣ паническаго спраха, коему былъ подверженъ, велѣлъ ихъ сжечь вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными бумагами.

Спаршій сынъ, Иванъ Абрамовичь, споль же досиоинъ замѣчанія, какъ и его опецъ. Онъ пошелъ въ военную службу, вопреки волѣ родипеля, опличился, и ползая на колѣняхъ, выпросилъ опцовское прощеніе. Подъ Чесмою онъ распоряжалъ брандерами и былъ одинъ изъ пѣхъ, копорые спаслись съ корабля, взлепѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ; въ 1779 выспроилъ Херсонь. Его поспановленія донынѣ уважаюпся въ полуденномъ краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я спариковъ, живо еще хранившихъ его памяпь. Онъ поссорился съ Попемкинымъ. Государыня оправдала Ганнибала и надѣла на него Александровскую ленпу; но онъ оспавилъ службу и съ пѣхъ поръ жилъ по большой часпи въ Суйдѣ, уважаемый всѣми замѣчапельными людьми славнаго вѣка, между прочими и Суворовымъ, копорый при немъ оспавлялъ свои

проказы, и котораго принималъ онъ не завѣшивая зеркалъ и не наблюдая никакихъ тому подобныхъ церемоній.

Дѣдъ мой, Осипъ Абрамовичь, служилъ во флотѣ и женился на Маріѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери Тамбовскаго воеводы, роднаго брата дѣду отца моего, (который доводился внучатнымъ братомъ моей матери) и сей бракъ былъ несчастливъ; онъ кончился разводомъ. Дѣдъ мой умеръ въ 1707-мъ году, въ своей Псковской деревнѣ. Одиннадцать лѣтъ послѣ того, бабушка скончалась въ той же деревнѣ. Смерть соединила ихъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ.

—

. . . . . .

2-го апрѣля вечеръ провелъ у Н. Д. Прелестная Гречанка. Говорили объ А. Ипсиланти; между пятью Греками, я одинъ говорилъ какъ Грекъ; всѣ отчаявались въ успѣхѣ предпріятія *Этеріи*. Я твердо увѣренъ, что Греція возпорженствуетъ, и 25,000,000 Турковъ оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владиміреско не имѣетъ другаго достоин-

спва, кромѣ храброспи необыкновенной — храброспи доспанепъ и у Ипсиланпи.

—

3-го. Третьяго дня хоронили мы здѣшняго миппрополипа; во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ Жиды: они наполняли пѣсныя улицы, взбирались на кровли и сосшавляли памъ живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; со-всѣмъ пѣмъ ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! они бояпся христіанъ и попому во спо крапъ благочиннѣе всѣхъ.

—

Чипалъ сегодня посланіе князя Вяземскаго къ Ж. Смѣлоспь, сила, умъ и рѣзкоспь; но чпо за звуки! *Кому былъ Фебъ изъ Русскихъ ласковъ* — неожиданная рифма Херасковъ не примиряепъ меня съ пакой какофоніей. Барапынскій — пре-
лесть. . . . . .

—

Болѣзнь оспановила на время образъ жизни, избранный мною. Я занемогъ гнилою горячкою. Лейпонъ за меня не опвѣчалъ. Семья моя была въ опчаяніи; но черезъ шеспь недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оспавила во мнѣ впечаплѣніе пріяпное. Друзья навѣщали меня довольно часпо; ихъ разговоры сокращали скучные вечера.

Чувспво выздоровленія, одно изъ самыхъ сладоспныхъ. Помню неперпѣніе, съ копорымъ ожидалъ я весны—хопь эпо время года обыкновенно наводипъ на меня поску и даже вредипъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна пакъ мнѣ надоѣли во время болѣзни моей, чпо весна являлась моему воображенію со всей поэпической своей прелеспью. Эпо было въ февралѣ 1821 года. Первые восемь помовъ Русской Испоріи Карамзина вышли въ свѣпъ. Я прочелъ ихъ въ своей поспелѣ съ жадноспію и со вниманіемъ. Появленіе сей книги (какъ и быпь надлежало) надѣлало много шуму и произвело сильное впечаплѣніе; 3,000 экземпляровъ разошлись въ одинъ мѣсяцъ (чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ) — примѣръ единспвенный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣпскія женщины, бросились чипапь Испорію своего опечеспва, дополѣ имъ неизвѣспную. Она была для нихъ новымъ опкрыпіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Коломбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣпъ, полки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ соспояніи опучипь всякаго опъ охопы къ славѣ. Ничего не могу вообразипь глупѣе свѣпскихъ сужденій, копорыя удалось мнѣ слышапь

на счепъ духа и слога Испоріи Карамзина. Одна дама, впрочемъ весьма почпенная, при мнѣ, опкрывъ II-ю часпь, прочла въ слухъ: *Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его .... однако! ....* зачѣмъ не но? Однако! какъ эпо глупо! чувспвуепе ли всю ничпожноспь вашего Карамзина? Однако! — Въ журналахъ его не крипиковали. К. бросился на одно предисловіе.

—

У насъ никпо не въ соспояніи изслѣдовапь огромное созданіе Карамзина, за чпо никпо не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинепъ, во время самыхъ леспныхъ успѣховъ и посвяпившему цѣлыхъ 12-пь лѣпъ жизни безмолвнымъ и неупомимымъ прудамъ. Нопы Русской Испоріи свидѣпельспвуюпъ обширную учноспь Карамзина, пріобрѣпенную имъ уже въ пѣхъ лѣпахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно окончанъ и хлопопы по службѣ замѣняюпъ усилія къ просвѣщенію. Молодые Якобинцы негодовали на испоріографа за его умѣренноспь; они забывали, чпо Карамзинъ (копорый впрочемъ былъ убѣжденъ въ необходимоспи для Россіи самодержавія, внѣ косго нѣпъ или по край-

ней мѣрѣ долго, долго не будетъ для нея безопасно-
спи) печатать Исторію свою въ Россіи; что Го-
сударь, освободивъ его отъ цензуры, симъ зна-
комъ довѣренности, нѣкоторымъ образомъ, по-
лагалъ на Карамзина обязанность всевозможной
скромности и умѣренности. Онъ разсказывалъ
со всею вѣрностію историка, онъ вездѣ ссылал-
ся на источники; чего жъ болѣе требовать бы-
ло отъ историка? Повторяю, что *Исторія Го-
сударства Россійскаго* есть не только созданіе
великаго писателя, но и подвигъ честнаго чело-
вѣка.

Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ письменно
критиковали Карамзина. М., молодой человѣкъ,
умный и пылкій, разобралъ предисловіе, или вве-
деніе: предисловіе!... О., въ письмѣ къ В...,
пѣнялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ Испо-
ріи не помѣстилъ онъ *какой-нибудь блестящей
гипотезы о происхожденіи Славянъ*, т. е. требо-
валъ романа въ исторіи — ново и смѣло! Нѣко-
торые оспряки за ужиномъ переложили первыя
главы Тита Ливія слогомъ Карамзина. Римляне
временъ Тарквинія, непонимающіе *спасительной
пользы монархіи*, и Брутъ, осуждающій на смерть
своихъ сыновъ, *ибо рѣдко основатели республикъ
славятся нѣжною чувствительностію* — конечно

были очень смѣшны. Мнѣ приписали одну изъ эпиграммъ; эпо не лучшая черпа моей жизни.

Если въ печеніе 16-пи-лѣпней авпорской жизни, я никогда не опвѣчалъ ни на одну крипику (не говорю ужъ о ругапельспвахъ), по сіе происходило, конечно, не изъ презрѣнія.

Соспояніе крипики само по себѣ показываепъ спепень образованносши всей липерапуры вообще. Если приговоры журналовъ нашихъ доспаточны для насъ, по изъ сего слѣдуепъ, чпо мы не имѣемъ еще нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ. Презирапь крипику значило бы презирапь публику (чего Боже сохрани!). Какъ наша словесноспь съ гордоспію можепъ выспавипь передъ Европою Испорію Карамзина, нѣсколько одъ, нѣсколько басень, поэмъ, переводъ Иліады, нѣсколько цвѣповъ элегической поэзіи: пакъ и наша крипика можепъ предспавипь нѣсколько опдѣльныхъ спапей, исполненныхъ свѣплыхъ мыслей и важнаго оспроумія. Но онѣ являлись опдѣльно въ разспояніи одна опъ другой и не получили еще вѣса и поспояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло.

Не отвѣчалъ я моимъ критикамъ не потому также, чтобъ недоставало во мнѣ веселости и педантства, не потому, чтобъ я не полагалъ въ сихъ критикахъ никакого вліянія на читающую публику: мнѣ совѣстно было идти судиться передъ публикою и стараться насмѣшить ее (къ чему ни малѣйшей не имѣю склонности); мнѣ было совѣстно, для опроверженія критикъ, повторять школьныя или пошлыя истины, толковать объ азбукѣ, риторикѣ; оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненій, а что всего затруднительнѣе, важно говорить: Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons. Ибо критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно; а это дурно потому, что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь.

Еще причина и главная: лѣность. Никогда не могъ я до того разсердиться на непонятливость или недобросовѣстность, чтобъ взять перо и приняться за возраженія и доказательства. Нынче, въ несносные часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою ни книгъ, ни повара, вздумалъ я, для препровожденія времени, писать опроверженія. Смѣю увѣрить моего читателя (если Господь пошлетъ мнѣ читателя),

что глупѣе сего занятія опъ родуничего не могъ я выдумапь.

—

Возраженія не на критики (на это никакъ не могу рѣпиппься), но на обвиненія литературныя, которыя нынѣ въ большой модѣ.

—

О Цыганахъ одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Р. негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. В. повторилъ то же замѣчаніе (Р. просилъ меня сдѣлать изъ Алека хотъ кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе). Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: ma tanto megtio.

—

Вѣроятно трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для

публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же главныя сцены уже напечатаны, или искажены въ подражаніяхъ.

—

Между прочими литературными обвиненіями, укоряли меня слишкомъ дорогою цѣною Евгенія Онѣгина и видѣли въ ней ужасное корыстолюбіе. Это хорошо говорить тому, кто опъ-роду сочиненій своихъ не продавалъ, или чьи сочиненія не продавались; но какъ могли повторять то же милое обвиненіе издатели Сѣверной Пчелы? Цѣна устанавливается не писателемъ, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній, число требователей ограниченно. Оно состоитъ изъ тѣхъ же лицъ, которыя платятъ по пяти рублей за мѣсто въ театрѣ. Книгопродавцы, купивъ, положимъ, цѣлое изданіе по рублю экземпляръ, все-таки продавали бъ по пяти рублей. Правда, въ такомъ случаѣ авторъ могъ бы приступить ко второму, дешевому изданію, но книгопродавецъ могъ бы тогда самъ понизить свою цѣну, и такимъ образомъ уронить новое изданіе. Эти торговые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны. Мы знаемъ, что дешевизна книги не

доказываетъ безкорыстіе автора, но, или большое требованіе оной, или совершенную остановку въ продажѣ. Спрашиваю: что выгоднѣе, напечатать: 20,000 экземпляровъ одной книги и продать по 50 коп., или напечатать 200 экземпляровъ и продавать по 50 рублей?

Цѣна послѣдняго изданія Басень Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народнаго нашего поэта (le plus national et le plus populaire), не противорѣчитъ нами сказанному. Басни (какъ и романы) читаетъ и литераторъ, и купецъ, и свѣтскій человѣкъ, и дамы, и горничная и дѣти. Но стихотвореніе лирическое читаетъ только любитель поэзіи.—А много ли ихъ?

—

Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ даже насъ и не смѣшатъ. Сравнивая Шекспира съ Байрономъ, недавно одинъ изъ нашихъ критиковъ считалъ по пальцамъ, гдѣ болѣе мертвыхъ? Но что сказали бы мы прочитавъ, напримѣръ, слѣдующій разборъ Федры, если бъ, къ несчастію, написалъ ее Русскій и въ наше время? Извольте. «Нѣтъ ничего поучительнѣе предмета, избраннаго г-мъ сочи-

ипполемъ: женщина замужняя, мать семейства, влюблена въ молодаго олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!!). Какое неприличіе! Она не стыдится въ глаза ему признаваться въ развратной страсти своей (!!!!). Сего не довольно: сія фурія, употребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, взноситъ на невиннаго Ипполита гнусную небывальщину, которую, изъ уваженія къ нашимъ читательницамъ, не смѣемъ объяснить!!! Злой старичишка, не входя въ обстоятельства, не разобравъ дѣла, проклинаетъ своего собственнаго сына (!!) — послѣ чего Ипполита разбиваютъ лошади (!!!); Федра отправливается; ея гнусная наперсница утопляется, и только. Вотъ что пишутъ, не краснѣя, писатели, которые, и проч. (путь личности и ругательства). Вотъ до какого разврата дошла у насъ литература, кровожадная, развратная вѣдьма съ прыщиками на лицѣ! — Шлюсь на совѣсть самихъ критиковъ!»

Но должно ли и можно ли серьёзно отвѣчать на таковыя критики, хотя бъ онѣ были писаны и по-Латинѣ? Не такъ ли, хотя и болѣе кудрявымъ слогомъ, разбираютъ онѣ каждый день сочиненія, конечно не равныя достоинствомъ произведеніямъ Расина, но вѣрно ничуть не предосудительнѣе оныхъ въ нравственномъ отноше-

ніи? А пріятели называюпъ эпопъ вздоръ глубокомысліемъ.

Если бъ Недоросль, сей единственный памятникъ народной сатиры, явился въ наше время, по въ нашихъ журналахъ, посмѣясь надъ правописаніемъ Фонвизина, съ ужасомъ замѣтили бы, что Простакова бранитъ Палашку *каналъей* и *сабачьей дочерью*, а себя сравниваетъ съ сукою (!!). «Что скажутъ дамы, воскликнулъ бы критикъ? вѣдь эта комедія можетъ попасться дамамъ! Въ самомъ дѣлѣ странно. Что за нѣжный и разборчивый языкъ должны употреблять господа сіи съ дамами! Гдѣ бы, какъ бы послушать! А дамы наши (Богъ имъ судья) ихъ и не слушаюпъ и не читаюпъ; а читаюпъ этого грубаго В. Скоппа, копорый никакъ не умѣетъ замѣнить проспорѣчіе простомысліемъ.

Будемъ справедливы: Г*** нельзя упрекнуть въ низкомъ подобострастіи предъ знатными; напропивъ, мы гоповы обвинить его въ юнопеской заносчивости, не уважающей ни лѣтъ, ни званія, ни славы, и оскорбляющей равно память мертвыхъ и опношенія къ живымъ.

Китайскій анекдотъ. Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное происшествіе. Нѣкто изъ класса грамотѣевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ее въ печать, но читалъ ее неоднократно въ порядочныхъ Пекинскихъ обществахъ и даже ввѣрялъ свою рукопись нѣкоторымъ мандаринамъ. Другой грамотѣй (слѣдуютъ Китайскія ругательства) или подслушалъ трагедію изъ прихожей (что, говорятъ, за нимъ важивалось), или тихонько взялъ рукопись изъ шкатулки мандарина (что въ старину также съ нимъ случалось), склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ. Грамотѣй-трагикъ, человѣкъ ловкій и безпокойный, но смирный, поворчавъ немного, оставилъ-было въ покоѣ похитителя; но грамотѣй-романистъ, опасаясь быть обличеннымъ, сталъ кричать изо всей мочи, что трагикъ Фанъ-хо обокралъ его безстыднымъ образомъ. Трагикъ Фанъ-хо, разсердясь не на шутку, позвалъ романиста Фасъ-хи въ совѣстный Пекинскій судъ, и проч. и проч.

—

Стихъ: *Два въка ссорить не хочу*, критику показался неправильнымъ. Что гласитъ грамма-

пика? Что дѣйствипельный глаголъ съ отрицапельною часпицею пребуепъ не виниpельнаго, а родипельнаго падежа; напримѣръ: я *не пишу стиховъ*. Но въ моемъ спихѣ часпица *не* относипся къ глаголу *хочу*, а не къ *ссорить*. Ergo правило сюда нейдепъ. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее предложеніе: я не могу вамъ позволипь начапь писапь *стихи*, а ужъ конечно не *стиховъ*. Не ужъ-по электрическая сила оприцапельной часпицы должна пройпи сквозь всю эпу цѣпь глаголовъ и опозваться въ существипельномъ? Не думаю.

Кспапи о граммапикѣ. Я пишу *Цыганы*, а не *Цыгане; Татаре*, а не *Татары*. Почему? Потому что всѣ имена существипельныя, кончащіяся на *анинъ, янинъ, аринъ* и *яринъ* имѣюпъ свой род. во множеспвенномъ на *анъ, янъ, аръ* и *яръ;* а именипельный множеспвен. на *ане, яне, аре* и *яре*. Всѣ же существипельныя, кончащіяся на *анъ* и *янъ, аръ* и *яръ*, имѣюпъ во множеспвенномъ именипельный на *аны, яны, ары* и *яры*, а род. на *ановъ, яновъ, аровъ, яровъ*.

Единственное исключеніе: имена собспвенныя. Попомки г-на Булгарина будупъ г-да Булгарины, а не Булгаре.

—

У насъ многіе (между прочими и г-нъ Каченовскій, котораго, кажется, нельзя упрекнуть въ незнаніи Русскаго языка) спрягаютъ: рѣшаю, рѣшаешь, рѣшаетъ — рѣшаемъ, рѣшаете, рѣшаютъ — вмѣсто рѣшу, рѣшишь и проч. Рѣшу спрягается, какъ — грѣшу.

—

Иностранныя собственныя имена, кончащіяся на *е, и, о,* не склоняются. Кончащіяся на *а, ъ* и *ь,* склоняются въ мужескомъ родѣ, а въ женскомъ нѣтъ; и потому многіе у насъ погрѣшаютъ; пишутъ: книга, сочиненная Гёшемъ, и проч.

—

Какъ надобно писать: Турковъ, или Турокъ? то и другое правильно. Турокъ и Турка равно употребительны.

—

Вотъ уже 16-ть лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ пять грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправ-

лялъ замѣченное мѣсто. Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишешь Г***.

Многіе пишутъ: *юпка, сватьба.* Никогда въ производныхъ словахъ *т* не перемѣняется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говоримъ *юбочница, свадебныя.*

Двенадцать, а не *двьнадцать;* сокращено изъ *двое,* какъ *три* изъ *трое.*

Пишутъ: *тьлега, телъга.* Не правильнѣе ли: *телега* (отъ слова *телецъ;* телеги запряжены волами)?

Разговорный языкъ простаго народа (не чипающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ), достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Альфіери изучалъ Итальянскій языкъ на Флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ Московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

—

Московскій выговоръ чрезвычайно изнѣженъ и прихотливъ. Звучныя буквы *щ* и *ч* передъ другими согласными въ немъ измѣнены. (См. Богдановича).

—

Г-нъ Б. Ѳедоровъ, въ журналѣ, который началъ было издавать, разбирая довольно благосклонно IV и V главу Онѣгина, замѣтилъ однако жъ мнѣ, что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сряду начинаются у меня частицею *ужъ*, что и называлъ онъ *ужасми;* а что въ риторикѣ зовется *единоначатіемъ*. Осудилъ онъ также слово *корова*, и выговорилъ мнѣ за то, что я барышень благородныхъ, и вѣроятно чиновныхъ, назвалъ *дѣвчонками* (что конечно не учтиво), между-тѣмъ, какъ простую деревенскую дѣвку назвалъ *дѣвою:*

Въ избушкѣ распѣвая, дѣва прядетъ.

—

Шестой пѣсни Онѣгина не разбирали, даже не замѣтили въ Вѣстникѣ Европы Латинской опечатки. Вспанн: съ пѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ Лицея, я не раскрывалъ Латинской книги и совершенно забылъ Латинской языкъ. Жизнь коротка; перечитывать некогда. Замѣчательныя книги пѣснятся одна за другой, а никто нынче по-Латинѣ ихъ не пишетъ. Въ XIV столѣтіи, на оборотъ, Латинскій языкъ былъ необходимъ, и справедливо почитался первымъ признакомъ образованнаго человѣка.

Г-нъ Ап. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, поправлять ихъ по-своему и описывать въ Альманахъ Г. Б. вмѣстѣ съ собственными произведеніями. Стихи, преданные мною забвенію, или написанные не для печати (напримѣръ: *Она мила, скажу межь нами*), простительно мнѣ было написать на 19-мъ году, но непростительно признать публично въ возрастѣ болѣе зрѣломъ и степенномъ (напримѣръ, посланіе къ Ю); однако жъ я видѣлъ, что самое глупое ругательство и неосновательное сужденіе получаетъ вѣсъ отъ волшебнаго вліянія типографіи. Намъ все еще *печат-*

ный листъ кажется святынѣ. Мы все думаемъ: какъ можетъ это быть глупо, или несправедливо? вѣдь это печатно!

Habent sua fata libelli. Полтава не имѣла успѣха. Можетъ быть, она его и не стоила, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ. Журналы взялись объяснить мнѣ причину тому. Они во-первыхъ объявили мнѣ, что отъ-роду не видано, чтобъ женщина влюбилась въ старика, и что, слѣдственно, любовь Маріи (Мазепины) Кочубеевой къ старому гетману (впрочемъ исторически доказанная) не могла существовать.

«Такъ что жъ, что ты Честонъ? Хоть знаю, да не вѣрю.»

Этимъ я не могъ удовольствоваться: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю ужъ о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ; я вспомнилъ преданія миѳологическія, превращенія Овидіевы, Леду, Пазиѳаю, Олимпію, Пигмаліона, и принужденъ былъ признаться, что

всѣ сіи вымыслы не чужды поэзіи, или справедливѣе ей принадлежапъ. А Опелло, спарый Негръ, плѣнившій Дездемону разсказами о своихъ спранспвіяхъ и бипвахъ? ... Далѣе говорили мнѣ, чпо мой Мазепа *злой и глупой спаричишка* (Спаричишка, вмѣспо спарикъ — ради запѣйливоспи). Чпо я изобразилъ Мазепу *злымъ*, въ помъ я каюсь. Добрымъ я его не нахожу, особенно въ минупу, какъ онъ хлопочепъ о казни опца дѣвушки, имъ обольщенной. *Глупость* человѣка оказываепся или изъ его дѣйспвій, или изъ его словъ. Мазепа дѣйспвуепъ въ моей поэмѣ почьвъ-почь какъ и въ испоріи. Рѣчи объясняюпъ его исторической характеръ. Не довольно, если крипикъ и рѣшипъ, чпо пакое-по лицо въ поэмѣ глупо; не худо, если онъ чѣмъ-нибудь эпо и докажепъ. Попомъ замѣпили мнѣ, чпо Мазепа слишкомъ у меня злопамяпенъ; чпо Малоросспйскій гепманъ не спуденпъ и за поцечину или за дерганіе усовъ мспипь не захочепъ; опяпь испорія, опроверженная липерапурною крипикою, опяпь: *хопъ знаю, да не вѣрю.*

Мазепа, воспипанный въ Европѣ, въ по время, какъ поняпія о дворянской чеспи были въ высшей спепени силы, Мазепа могъ помнипь долго обиду. Въ эпой черпѣ весь его харакперъ,

скрытный, жестокій, постоянный. Дернуть Поляка или казака за усы, все равно было, что хватить Россіянина за бороду. Хмѣльницкій, за всѣ обиды, претерпѣнныя, помнится, отъ Черницкаго, получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (см. Конисскаго).

Потомъ слѣдовала критика мелочная, критика буквъ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть; слова: *усы, визжать, вставай, разсвѣтаетъ, ого, пора,* показались критикамъ *низкими, бурлацкими.* Никогда не пожертвую краткостію и точностію выраженія провинціальной торопливости, боясь казаться простонародным для Славянофиловъ, или т. п.

—

Говоря о Полтавѣ, критики упомянули однако жъ о Байроновомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его, или справедливѣе, какъ не понимали!

Старый гетманъ, предвидя неудачу, въ моей поэмѣ, бранитъ молодаго Карла и называетъ его мальчикомъ и сумасшедшимъ. Критики важно

укоряли меня въ неосновательномъ мнѣніи о Шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ чему не былъ привязанъ; критики ссылались на *собственныя* слова гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ любитъ её

Больше славы, больше власти.

Такъ понимали они драматическое искусство!

Въ Вѣстникѣ Европы замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, вѣроятно, не назвалъ я её Мазепой, чтобъ не напомнить о Байронѣ. Справедливо. Но была тутъ и другая причина: эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій фонтанъ въ рукописи названъ былъ Гаремомъ; но меланхолическій эпиграфъ (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнилъ меня.

—

Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиной человѣка, связаннаго на дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина, конечно, поэтическая. И за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Какое пламенное созданіе! какая широкая кисть!

Но не ищите путъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго, мучительнаго характера, который проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона; но котораго (на бѣду моихъ критиковъ) въ Мазепѣ именно и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ; онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе. Вотъ и всё. Если же бы подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то вѣроятно, ни кто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего предмета.

—

Прочитавъ въ первый разъ стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную ихъ дочь,

я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры — и не мудрено и не великодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было не простительно. Однако жъ какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни

одной упѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость.... Сильные характеры и глубокая трагическая пѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы—вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, далѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы всё.

—

Графъ Нулинъ надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его безнравственнымъ, разумѣется, въ журналахъ; въ свѣтѣ приняли его благосклонно, и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Молодой человѣкъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получилъ отъ нея пощечину. Какой ужасъ! какъ смѣть писать такія отвратительныя гадости? Авторъ спрашивалъ, что бы на мѣстѣ Натальи Павловны сдѣлали Петербургскія дамы? Какая дерзость!

Кстати о моей бѣдной сказкѣ (писанной, будь сказано мимоходомъ, самымъ презвымъ и благопристойнымъ образомъ) подняли пропивъ меня всю классическую древность и всю Европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ крити-

ковъ, вѣрю, что графъ Нулинъ точно кажется имъ предосудительнымъ. Но какъ же упоминать о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности? И уже ли творцы шутливыхъ повѣстей: Аріостъ, Бокачьо, Лафонтенъ, Касти, Спенсеръ, Чаусеръ, Виландъ, Байронъ, извѣстны имъ по однимъ лишь именамъ? Уже ли, по крайней мѣрѣ, не читали они Богдановича и Дмитріева? Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить Душеньку въ безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать *модную жену*, сей прелестный образецъ легкаго и шутливаго разсказа. А эротическія стихотворенія Державина, невиннаго, великаго Державина? Но устранимъ неравенство поэтическаго достоинства. Графъ Нулинъ долженъ имъ уступить и въ вольности и въ живости шуток.

Эти Гг. критики нашли странный способъ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть 15-ти-лѣтняя племянница, у другаго 15-ти-лѣтняя знакомая, и все, что, по благоусмотрѣнію родителей, еще не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! какъ будто литература и существуетъ

полько для 16-ти-лѣтнихъ дѣвушекъ? Благоразумный наспавникъ вѣроятно не дастъ въ руки ни имъ, ни даже ихъ брапцамъ, ни единаго изъ полныхъ сочиненій классическаго поэпа, особенно древняго; на по издаюпся хрестоматіи, выбранныя мѣспа и пп. п.; но публика не 15-пилѣтняя дѣвица и не 13-пи-лѣтній мальчикъ. Она, слава Богу, можетъ себѣ прочесть безъ опасенія сказки добраго Лафонтена и эклогу добраго Виргилія, и все, что про-себя чипаюпъ сами Гг. крипики, если крипики наши что-нибудь чипаюпъ, кромѣ корректурныхъ листовъ своихъ журналовъ.

Всѣ эти господа, споль щекопливые на счепъ благопристойносши, напоминаюпъ спыдливоспь Тарпюфа, накидывающаго плапокъ на опкрупую грудь Дорины и заслуживающаго забавное возражепіе горничной.

Въ Вѣспникѣ Европы съ негодованіемъ говорили о сравненіи Нулина съ копомъ, цапцарапспвующимъ кошку (забавный глаголъ: цапцарапспвую, цапцарапспвуешь, цапцарапспвуепъ). Правда, во всемъ Графѣ Нулинѣ этого сравненія

не находится, такъ же, какъ и глагола цапцарапсивую; но хоть бы и было, что за бѣда?

—

Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлію или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастіе или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любострастными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ нравоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе.

—

Кстати! началъ я писать съ 13-ти лѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое желалъ бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣетъ, какъ упрекъ на

совѣспи моей. По крайней мѣрѣ, не долженъ я опвѣчапь за перепечапаніе грѣховъ моего опрочества, а пѣмъ паче за чужія проказы. Въ альманахѣ, изданномъ г-мъ Б. Ѳедоровымъ, между найденными, Богъ знаепъ гдѣ, спихами моими, напечапана идиллія, писанная слогомъ переписчика спиховъ г-на П-ва. Г-нъ Марлинскій, въ предисловіи какого-по альманаха, благодарипъ какого-по г-на А. П. за доспавленіе спихопвореній, объявляя, чпо не всѣ удосполились напечапанія.

—

Руслана и Людмиллу вообще приняли благосклонно. Кромѣ одной спапьи въ Вѣспникѣ Европы, въ копорой ее побранили весьма неосновапельно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабоспь созданія поэмы, кажепся, не было объ ней сказано худова слова. Никпо не замѣпилъ даже, чпо она холодна. Обвиняли ее въ безнравспвенноспи за нѣкопорыя, слегка сладоспрасппыя описанія, за спихи, мною выпущенные во впоромъ изданіи:

О страшный видъ! волшебникъ хилой
Ласкаетъ сморщенной рукой &c.

за вспупленіе, не помню, копорой пѣсни:

Напрасно вы въ тѣни таились &c.

и за пародію *Двенадцати спящихъ дѣвъ;* за послѣднее можно было меня пожурить поряд-комъ, какъ за недостаткъ эстетическаго чувства. Не простительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе. Были прочіе упреки, довольно пустые. Есть ли въ Русланѣ хоть одно мѣсто, которое въ вольности шуткъ могло быть сравнено съ шалостями, хоть напримѣръ, Аріоста, о которомъ поминутно пверди-ли мнѣ? Да и выпущенное мною мѣсто было очень, очень смягченное подражаніе Аріосту.

Кавказскій плѣнникъ. Первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни написалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но за то Н. и А. Р. и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись.

Бахчисарайскій фонтанъ слабѣе *Плѣнника,* и, какъ онъ, опзываепся чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ

Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. А. Р. хохопалъ надъ слѣдующими стихами:

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю — и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безумiемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ &c.

Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрагаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама.

—

Не помню, кто замѣтилъ мнѣ, что не вѣроятно, чтобъ скованные вмѣстѣ разбойники могли переплыть рѣку. Все это происшествiе справедливо и случилось въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославлѣ.

—

Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ. Это дѣлаетъ имъ честь: я былъ далеко и въ обстоятельствахъ неблагопрiятныхъ. По привычкѣ, полагали меня все еще очень моло-

дымъ человѣкомъ. Первыя непріязненныя стапьи, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой и пятой пѣсни Евгенія Онѣгина. Разборъ сихъ главъ, напечатанный въ Аѳенеѣ, удивилъ меня хорошимъ тономъ, хорошимъ слогомъ и странностію привязокъ. Самыя обыкновенныя риторическія фигуры и тропы останавливали критика, напр. можно ли сказать: *стаканъ шипитъ* вмѣсто *вино шипитъ въ стаканѣ? каминъ дышитъ*, вмѣсто *паръ идетъ изъ камина?* не слишкомъ ли смѣшно *ревнивое подозрѣніе? невѣрный ледъ!* Какъ думаете, что̀ бы такое значило:

Мальчишки
Конькалми звучно рѣжутъ ледъ?

Критикъ догадывался однако жъ, что это значитъ: мальчишки бѣгаютъ по льду на конькахъ.

Вмѣсто:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
(Задумалъ плыть по лону водъ)
Ступаетъ бережно на ледъ.

Критикъ чипалъ:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
Задумавъ плыть —

и справедливо замѣчалъ, что не далеко уплывешь на красныхъ лапкахъ.

—

Нѣкоторыя стихотворческія вольности: послѣ отрицательной частицы *не* винительный, а не родительный падежъ; времянъ, вмѣсто времень, какъ, напримѣръ, у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владиміра времянъ. . . .

приводили критика моего въ великое недоумѣніе; но болѣе всего раздражалъ его стихъ:

Людскую молвь и конскій топъ.

«Такъ ли изъясняемся мы, учившіеся по старымъ граммапикамъ? можно ли такъ коверкать Русскій языкъ?» Надъ этимъ стихомъ жестоко потомъ посмѣялись и въ Вѣстникѣ Европы. *Молвь* (рѣчь) слово коренное Русское. *Топъ* вмѣсто *топотъ* (слѣдственно и *хлопъ* вмѣсто *хлопаніе*) вовсе непротивно духу Русскаго языка, какъ и *шипъ* вмѣсто *шипѣніе:*

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному.
(*Древ. Русскія стихотвор.*)

(сколь же употребительно). На ту бѣду и стихъ-то весь не мой, а взятъ цѣликомъ изъ Русской сказки:

«И вышелъ онъ за ворота градскія, и услышалъ конскій топъ и людскую молвь.»

Бова Королевичъ.

Изученіе старинныхъ пѣсень, сказокъ и пр. п.

необходимо для совершеннаго знанія свойствъ Русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ.

Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію. Что есть строфы въ Онѣгинѣ, которыя я не могъ, или не хотѣлъ напечатать — этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, онѣ прерываютъ связь разсказа и поэтому означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало. Лучше было бы замѣнять эти строфы другими, или переправлять и сплавливать мною сохраненныя.

Но, виноватъ, на это я слишкомъ лѣнивъ. Смиренно сознаюсь также, что въ Донъ-Жуанѣ есть двѣ выпущенныя строфы.

Критику VII пѣсни въ Сѣверной Пчелѣ пробѣжалъ я въ-гостяхъ и въ такую минуту, когда было мнѣ не до Онѣгина.... Я замѣтилъ только очень хорошо написанные стихи, и довольно смѣшную шутку *объ жукѣ*—у меня сказано:

Былъ вечеръ. Небо мрачно. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Критикъ радовался появленію сего новаго лица и ожидалъ опъ него характера, лучше выдержаннаго прочихъ. Кажется, впрочемъ, ни одного дѣльнаго замѣчанія, или мысли критической, не было. Другихъ критикъ я не читалъ, ибо, право, мнѣ было не до нихъ.

Шутки нашихъ критиковъ приводятъ иногда въ изумленіе своею невинностію. Вотъ истинный анекдотъ: «Въ Лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и не тѣмъ будь помянутъ, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему Лицею:

Ха ха ха, хи хи хи,
Д — пишетъ стихи.

Каково же было намъ Д. и мнѣ, въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго Вѣстника Европы, найти слѣдующую шутку: Альманахъ Сѣверные Цвѣты раздѣляется на прозу и стихи — хи хи! Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ! Сего не довольно. Это хи хи, показалось видно столь запѣйливымъ, что его перепечатали съ большой похвалою въ Сѣверной Пчелѣ:

«*Хи хи*, какъ весьма остроумно сказано было въ Вѣстникѣ Европы, etc.»

—

Молодой Кирѣевскій, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: древняя муза его покрывается иногда душегрѣйкою новѣйшаго унынія. Выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Кирѣевскій отозвался довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки, и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику. Но какая имъ отъ того прибыль? Публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы, а малое число любителей вѣритъ наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнѣніямъ и безпристрастію критики.

—

У насъ довольно трудно самому автору узнать впечатлѣніе, произведенное въ публикѣ сочиненіемъ его. Отъ журналовъ узнаетъ онъ только мнѣніе издателей, на которое положиться не возможно по многимъ причинамъ. Мнѣніе друзей, разумѣется, пристрастно, а незнакомые ко-

нечно не спанупъ ему въ глаза бранипъ его произведеніе, хотя бы оно того и споило.

При появленіи VII пѣсни Онѣгина журналы вообще опозвались объ ней весьма неблагосклонно. Я бы охотно имъ повѣрилъ, если бы ихъ приговоръ не слишкомъ ужъ пропиворѣчилъ тому, что говорили они о прежнихъ главахъ моего романа. Послѣ неумѣренныхъ и незаслуженныхъ похвалъ, коими осыпали шестъ частей одного и того же сочиненія, странно было мнѣ читать неумѣренную брань и личности, которыми такъ называемые судіи наши вспрѣпили седьмую.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сказано было, что VII Глава не могла имѣть никакого успѣху, ибо нашъ вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе несправедливое (т. е. въ его заключеніи). Вѣкъ можетъ идти себѣ впередъ, и науки, философія и гражданственность, могутъ усовершенствоваться и измѣняться — но поэзія остается на одномъ мѣстѣ — цѣль ея одна, средства тѣ же. Поэтическое произведеніе можетъ быть слабо, неудачно, ошибочно — виновато ужъ вѣрно дарованіе стихотворца, а не вѣкъ, ушедшій опъ него впередъ.

Произведенія истинныхъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчноюны — и между тѣмъ, какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и одинъ другому уступаетъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ неподвижно и никогда не теряетъ своей младости.

Вѣроятно критикъ хотѣлъ сказать, что Евгеній Онѣгинъ и весь его причетъ уже не новость для публики, и что онъ надоѣлъ и ей, какъ журналистамъ.

Какъ бы то ни было, рѣшусь еще искусить терпѣніе. Вотъ еще двѣ * Главы Евгенія Онѣгина — послѣднія, по крайней мѣрѣ для печати. Тѣ, которые стали бы въ нихъ искать занимательности происшествій, могутъ быть увѣрены, что въ нихъ еще менѣе дѣйствія, нежели во всѣхъ предшествовавшихъ. Осьмую Главу я хотѣлъ - было вовсе уничтожить и замѣнить одной Римскою цифрою, но побоялся критики; къ тому же многіе отрывки изъ нея были уже напечатаны.

---

* Видно, что это писано по одному предположенію. Послѣ дѣйствительно VIII Глава уничтожена была авторомъ. П. П.

Пора занять Баратынскому на Русскомъ Парнасѣ мѣсто, давно ему принадлежащее. Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики — напротивъ. Едва замѣтили въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже поспѣшатъ привѣтствовать его типомъ генія, за сладкіе стишки; нѣжно благодаряТъ его въ журналахъ отъ имени человѣчества.

Невѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравниваемъ безъ церемоніи съ безсмертными произведеніями Гёте и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное! Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ. Зачѣмъ лишать злую посредственность невинныхъ удовольствій — журнальнымъ торжествомъ?

Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользуется обычной благосклонностію журналовъ — отъ того ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность дѣйствуютъ на толпу, нежели преувеличеніе (exageration) модной поэзіи, или потому, что нашъ поэтъ нѣкоторыми эпи-

граммами заслужилъ негодованіе братіи, не всегда смиренной. Какъ бы то ни было, критики изъявляли въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріязненное расположеніе. Не упоминая уже объ извѣстныхъ шуткахъ покойнаго Благонамѣреннаго, извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе Эды, произведенія, столь замѣчательнаго оригинальной своею простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ, появленіе Эды подало только поводъ къ неприличной сшапейкѣ въ Сѣверной Пчелѣ и слабому возраженію на нее въ Московскомъ Телеграфѣ.

Какъ отозвался Московскій Вѣстникъ о собраніи стихотвореній нашего перваго элегическаго поэта (упоминаю обо всемъ этомъ для назиданія молодыхъ писателей)? Между тѣмъ Баратынскій спокойно совершенствовался. Послѣднія его произведенія являются плодами зрѣлаго таланта. Послѣдняя поэма, Балъ, напечатанная съ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, подтверждаетъ наше мнѣніе. Сіе блестящее произведеніе исполнено оригинальныхъ красотъ и прелести необыкновенной. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ разсказѣ тонъ шут-

ливый и спрастный, метафизику и поэзію (два лица являются передъ нами, одно исключительно занимаетъ *интересъ*). Характеръ поэмы совершенно новый, развитый con amore и съ удивительнымъ искусствомъ; для нея поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики — для нея распочилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи.

Напрасно поэтъ беретъ иногда строгій тонъ укоризны; напрасно онъ съ принужденной холодностью говоритъ о ея смерти, сатирически описываетъ намъ ея похороны, и шуткою кончитъ поэму свою: мы чувствуемъ, что онъ любитъ свою бѣдную страстную героиню — онъ заставляетъ и насъ принимать болѣзненное сочастіе въ судьбѣ падшаго, но еще очаровательнаго созданія.

Арсеній есть попъ самый, кого должна была полюбить бѣдная Нина. Онъ сильно овладѣлъ ея воображеніемъ, и — никогда вполнѣ не удовлетворяя ни ея страсти, ни любопытству — долженъ былъ до конца сохранить надъ нею роковое свое *вліяніе*.

Никогда не пацился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья; онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенаповъ и Тавриды.

Перечтите его Эду (которую критики наши нашли ничтожной; ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они происшествій), перечтите сію краткую восхитительную повѣсть: съ какою глубиною чувствъ развита въ ней женская любовь.

Баратынскій принадлежитъ къ числу оригинальныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ— ибо мыслитъ. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть, слогъ, живость и точность выраженія, должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ. Кромѣ прелестныхъ элегій и мелкихъ стихотвореній, знаемыхъ всѣми наизусть и столь неудачно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили бы ему славу, а у насъ были

замѣчены одними знапоками. Первыя, юнопіескія произведенія Барапынскаго были нѣкогда приняты съ воспоргомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенспву, въ публикѣ имѣли малый успѣхъ. Поспараемся объяснипь пому причины. Первою должно почесспь самое сіе совершенспвованіе, зрѣлоспь его произведеній. Поняпія, чувспва 18-пи лѣпняго поэпа еще близки и сродны всякому; молодые чипапели понимаюпъ его и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаюпъ собспвенныя чувспва и мысли, выраженныя ясно, живо и гармонически. Но лѣпа идупъ — юный поэпъ мужаепъ, паланпъ его расшепъ, поняпія спановяпся выше, чувспва измѣняюпся — пѣсни его уже не пѣ, а чипапели пѣ же, и развѣ полько сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэпъ опдѣляепся опъ нихъ, и мало-по-малу уединяепся совершенно. Онъ пворипъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываепъ свои произведенія, по вспрѣчаепъ холодноспь, невниманіе и находипъ опголосокъ своимъ звукамъ полько въ сердцахъ нѣкопорыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣпѣ. Вторая причина еспь опсупспвіе крипики и общаго мнѣнія. У насъ липерапура не еспь попребноспь народная. Писапели получаюпъ из-

вѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ писателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ, какъ о политической экономіи, какъ о музыкѣ, т. е. наобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частію по личнымъ расчетамъ. Будучи предметъ ихъ неблагосклонности, Баратынскій никогда за себя не вступался, не отвѣчалъ ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненія, и что съ другой стороны довольно легко презирать ребяческую злость и площадныя насмѣшки — тѣмъ не менѣе ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе.

Третьею причиной — эпиграммы Баратынскаго; сіи мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадили правителей Русскаго Парнаса — хотя поэтъ нашъ никогда не находилъ ума въ полемикѣ и не любилъ состязаться съ нашими аристархами, не смотря на необыкновенную силу своей діалектики, но и не могъ удержаться, чтобъ сильно не выразить иногда своего мнѣнія въ этихъ маленькихъ сатирахъ, столь забавныхъ и чувствительныхъ. Не смѣемъ упрекать его за нихъ.

Слишкомъ было бы жаль, если бъ онѣ не существовали.

Сія безпечность о судьбѣ своихъ произведеній, сіе неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похваламъ, не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и въ отношеніи къ публикѣ, очень, очень замѣчательны. Никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіямъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exageration) для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости.

—

Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея? Человѣкъ и народъ — судьба человѣческая, судьба народная. Вотъ почему Расинъ великъ, не смотря на узкую форму своей трагедіи. Вотъ почему Шекспиръ великъ, не смотря на неравенство, небрежность, уродливость отдѣлки.

—

Что нужно драматическому писателю? Философія, безпристрастіе, государственныя мысли

испорика, догадливоспь, живоспь воображенія, опсупспвіе предразсудковъ и всякой любимой мысли.

Между пѣмъ какъ правила эспепики со временемъ Канпа и Лессинга развипы съ пакой ясностію и обширноспію, мы все еще оспаемся при поняпіяхъ пяжелаго неданпа Гопшпеда; мы все еще повпоряемъ, чпо *прекрасное* еспь подражаніе изящной природѣ, и чпо главное досполнспво искусспва еспь *польза*. Почему же спапуи раскрашенныя нравяпся намъ менѣе чисто мраморныхъ и мѣдныхъ? Почему поэпъ предпочипаепъ выражапь мысли свои спихами? и какая польза въ Тиціановой Венерѣ или въ Аполлонѣ Бельведерскомъ?

Правдоподобіе все еще полагаепся главнымъ условіемъ и основаніемъ драмапическаго искусспва. Чпо, если докажупъ намъ, чпо и самая сущноспь драмапическаго *искусства* еспь именно эпо правдоподобіе?

Если мы будемъ полагапь правдоподобіе въ спрогомъ соблюденіи коспюма, красокъ времени и мѣспа, по увидимъ, чпо величайшіе драмапи-

ческіе писатели часто не повиновались сему правилу. У Кальдерона храбрый Коріоланъ вызываетъ противника на дуэль и бросаетъ ему перчатку. У Расина полу-Скиѳъ Ипполитъ её подымаетъ и говоритъ языкомъ молодаго благовоспитаннаго маркиза. Римляне Корнеля суть если не Испанскіе рыцари, то Испанскіе бароны. Со-всѣмъ тѣмъ Кальдеронъ, Шекспиръ, Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосягаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ истинныхъ изученій и восторговъ.

Какого же правдоподобія требовать должны мы отъ драматическаго писателя? Для разрѣшенія сего вопроса разсмотримъ сначала, что̀ такое драма и какая ея цѣль?

Драма родилась на площади и составляла увеселеніе народное. Народъ, какъ дѣти, требуетъ занимательности, дѣйствія. Драма представляетъ ему необыкновенное, истинное происшествіе; народъ требуетъ сильныхъ ощущеній (для него и казни—зрѣлище); трагедія преимущественно выводитъ предъ нимъ тяжкія злодѣянія, страданія сверхъестественныя, даже физическія (напр. Филоктетъ, Эдипъ, Лиръ). Но привычка притупляетъ ощущенія; воображе-

ніе привыкаетъ къ убійствамъ и казнямъ, смотритъ на нихъ ужъ равнодушно; изображеніе же страстей и души человѣческой для него всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала завѣдывать страстями и душею человѣческой.

Смѣхъ, жалость и ужасъ суть три струны нашего воображенія, потрясаемыя волшебствомъ драмы; но смѣхъ скоро ослабѣваетъ и на немъ одномъ невозможно основать полнаго драматическаго дѣйствія. Древніе трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладѣла ею исключительно, и приняла форму драмы. Такимъ образомъ родилась комедія, со-временемъ столь усовершенствованная. Замѣтили, что высокая комедія не основана единственно на смѣхѣ, но на развитіи характеровъ, и что нерѣдко близко подходитъ къ трагедіи.

Истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предполагаемыхъ обстоятельствахъ — вотъ чего требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя.

Драма, оставивъ площадь, перенеслась въ чертоги образованнаго, избраннаго общества и

оспается вѣрною первоначальному своему назначенію — дѣйспвовапь на полпу, занимапь ея любопыпспво. Творецъ прагедіи народной былъ образованнѣе своихъ зрипелей; онъ эпо зналъ и давалъ имъ свои свободныя произведенія съ увѣренноспію своей возвышенноспи—и публика безпрекосновенно эпо признавала. При Дворѣ, на-оборопъ, поэпъ чувспвовалъ себя ниже своей публики — зрипели были образованнѣе его, по крайней мѣрѣ пакъ думали и онъ и они; онъ не предавался вольно и смѣло своимъ вымысламъ; онъ спарался угадывапь пребованія упонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по соспоянію; онъ боялся унизипь пакое-по высокое званіе, оскорбипь пакихъ-по спѣсивыхъ своихъ папроновъ; опъ сего и робкая чопорноспь и опселѣ смѣшная надупоспь, вошедшая въ пословицу (un héros, un roi de comedie) и привычка влагапь въ успа людямъ высшаго соспоянія съ какимъ-по подобоспраспіемъ спранный, нечеловѣческій образъ изъясненія.

Драма никогда не была у насъ попребноспію народною. Первыя пруппы, появившіяся въ Россіи, не привлекали народа, непонимавшаго драмапизма и непривыкшаго къ его условіямъ. Явился Сумароковъ, несчаспнѣйшій изъ подражапе-

лей. Трагедіи его, исполненныя пропивосмыслія, писанныя варварскимъ изнѣженнымъ языкомъ, нравились Двору Елисавепы, какъ новоспь, какъ подражаніе Парижскимъ увеселеніямъ. Сіи вялыя, холодныя произведенія не могли имѣпь никакого вліянія на народное пристрастіе. Озеровъ эпо чувспвовалъ. Онъ попытался дапь намъ прагедію народную и вообразилъ, чпо для сего довольно будепъ, если выберепъ предмепъ изъ народной исторіи, забывъ, чпо поэпы Франціи брали всѣ предметы для своихъ прагедій изъ Греческой, Римской и Европейской исторіи, и чпо самыя народныя прагедіи Шекспировы заимспвованы имъ изъ Италіянскихъ *Новеллъ*.

Послѣ Дмипрія Донскаго, послѣ Пожарскаго, произведенія незрѣлаго паланпа, мы все не имѣли прагедіи. Андромаха Капенина (можепъ быпь, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ испинныхъ чувспвъ, по духу испинно прагическому), не разбудила однако жъ нашу сцену, опуспѣлую послѣ Семеновой.

Ермакъ, идеализированный, лирическое произведеніе въ формѣ драмы. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровапельная прелесспь поэзіи.

Комедія была счастливѣе. Мы имѣемъ двѣ драматическія сатиры.

Опъ чего жъ нѣтъ у насъ трагедіи? Не худо было бы рѣшить: можетъ ли она и быть? Мы видѣли, что народная трагедія родилась на площади, образовалась, и потомъ уже была призвана въ аристократическое общество. У насъ было бы напротивъ. Мы захотѣли бы придворную Сумароковскую трагедію низвести на площадь, но есть препятствія...

Трагедія наша, образованная по примѣру трагедіи Расина, можетъ ли отказаться отъ аристократическихъ своихъ привычекъ (отъ своего разговора размѣреннаго и напыщенно благопристойнаго)? какъ ей перейти къ грубой откровенности народныхъ страстей, къ вольности сужденій площади? какъ ей вдругъ отстать отъ подобострастія? какъ ей обойтись безъ правилъ, къ которымъ она привыкла? и у кого ей выучиться нарѣчію, понятному народу? Какія суть страсти сего народа, какія струны его сердца, гдѣ найдетъ она себѣ созвучія — словомъ: гдѣ зрители, гдѣ публика?

XVI.

ЗАПИСКИ БРИГАДИРА

МОРО-ДЕ-БРАЗЕ

О ПОХОДѢ 1711 ГОДА,

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

ПУШКИНА.

ЗАПИСКИ БРИГАДИРА МОРО-ДЕ-БРАЗЕ

О ПОХОДѢ 1711 ГОДА.

—

Въ числѣ иноземцевъ, писавшихъ о Россіи, Моро-де-Бразе заслуживаетъ особенное вниманіе. Онъ принадлежалъ къ толпѣ тѣхъ наемныхъ храбрецовъ, которыми Европа была наводнена еще въ началѣ XVIII столѣтія и которыхъ Вальтеръ-Скоттъ такъ геніально изобразилъ въ лицѣ своего капитана: Dalgetty.

Моро былъ родомъ Французскій дворянинъ. Въ слѣдствіе какой-то ссоры принужденъ онъ былъ оставить полкъ, въ которомъ служилъ офицеромъ, и искать фортуны въ чужихъ государствахъ. Въ началѣ 1711 года, услыша о выгодахъ,

доставляемыхъ Петромъ I иностраннымъ офицерамъ, пріѣхалъ онъ въ Россію и принялъ былъ въ службу полковникомъ. Онъ былъ свидѣтелемъ несчастнаго похода въ Молдавію, и послѣ Прутскаго мира былъ опять поставленъ опъ службы съ чиномъ бригадира. Онъ скитался потомъ по Европѣ, предлагалъ свои услуги по Австріи, по Саксоніи, по Венеціанской республикѣ, получалъ отказы и вспоможенія; сидѣлъ въ тюрьмѣ, и проч.

Онъ былъ женатъ на вдовѣ, женщинѣ хорошей, дворянской фамиліи, и которая для него перемѣнила свое вѣроисповѣданіе. Она, какъ кажется, была то, что Французы называютъ une aventurière. Въ 1714 году, г-жа Моро-де-Бразе была при Дворѣ Государыни Великой Княгини, супруги несчастнаго Царевича, но не ужилась съ молодымъ графомъ Левенвольдомъ и была выслана изъ Пепербурга.

Въ 1735 году, Моро издалъ свои записки подъ заглавіемъ: Mémoires politiques, amusans et satiriques de messire J. N. D. B. C. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne, a Venitopolis chez Jean Disant-vrai. 3 volumes.

Въ сихъ запискахъ слишкомъ часто принуждень онъ оправдывать по себя, по свою жену. Онѣ не имѣютъ ни прелести Гамильтона, ни оригинальности Казановы; слогъ ихъ столь же тяжелъ, какъ и неправиленъ. Впрочемъ Моро писалъ свои сочиненія съ небрежной увѣренностію дворянина, а смотрѣлъ на ихъ успѣхъ съ философіей человѣка, знающаго цѣну славѣ и деньгамъ. «Qui que vous soyez, ami lecteur» говоритъ онъ въ своемъ предисловіи: « quelque élevé que soit votre genie, quelques superieures que soient vos lumières, quelque délicate enfin que soit votre manière de parler et d'ecrire, je ne vous demande point de grace et vous pouvez-vous égayer en critiquant ces amusements, que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes depens et aux votres, car il vous en coutera votre argent pour lire mes ouvrages, souvenez-vous qu'un gallant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue seroit bien à plaindre, s'il ne savoit pas se servir d'une plume pour se desennuier en ecrivant tout ce qui se passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'ecrire finement. Sur ce pied vous

m'excuserez, s'il vous plait, s'entend, par la raison qu'il y auroit bien des gens inutiles, s'il n'y avoit que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût rafiné qui s'en mêlessent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus, que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas famillières. Adieu, lecteur mon ami, critiquez ; plus il y aura de censeurs, mieux mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il dèbitera mon livre et qu'il retirera les fruits de son travaile.

Sunt sanis omnia sana.»

Записки Моро перемѣшаны съ разными спихотворенiями, иногда чрезвычайно вольными, большею частiю собранными имъ; ибо онъ, вѣроятно, по своей драгунской привычкѣ, располагалъ иногда чужою литературной собственностiю, какъ непрiятельскою.

Впрочемъ онъ и самъ написалъ множество спиховъ. Выпишемъ нѣсколько строфъ изъ его оды къ королю Августу, какъ образецъ его поэтическаго таланта.

En quittant le Brabant j'epousai la querelle
Du Czar votre allié, je cru le bien servir,
J'ai même cru longtems pouvoir lui convenir.
Et quoiqu'il agréa mon zèle,
Je fus contraint de revenir.

* *

Le sang que j'ai versé, les pertes que j'ai faites
D'un équipage entier que je n'ai point gagné;
Qui fut par le Turban dans le combat pillé
Furent les tristes interprètes
Qui m'anoncèrent mon congé.

* *

Renvoyé sans argent du fond de la Russie;
Etranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un prince généreux
A qui je viens offrir ma vie
Egalement comme mes voeux.

* *

Ne croyez pas, grand Roi, qu'ardent en espérance,
J'ose vous demander plus que mon entretien,
Dans mon état present, que je ne me sai rien,
Un peu d'honneur pour ma naissance,
Un peu de bien pour mon soutien.

Эти стихи доказываютъ, что финансы отставнаго бригадира находились не въ цвѣтущемъ состояніи. Впрочемъ Августъ велѣлъ выдать ему триста гульденовъ, и Моро былъ очень дово-

лень; должно признаться, что ода и того не стоила.

Разсказъ Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года, лучшее мѣсто изо всей книги, отличается умомъ и веселостію беззаботнаго бродяги; онъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей и неожиданныхъ откровеній, которыя можно подмѣтить только въ пристрастныхъ и вмѣстѣ искреннихъ сказаніяхъ современника и свидѣтеля.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie.

Моро не любитъ Русскихъ и недоволенъ Петромъ; тѣмъ замѣчательнѣе свидѣтельства, которыя вырываются у него по-неволѣ. Съ какой просподушной досадою жалуется онъ на Петра, предпочитающаго своихъ полудикихъ подданныхъ храбрымъ и образованнымъ иноземцамъ! Какъ живо описанъ Петръ во время сраженія при Прутѣ! Съ какой забавной вѣтренностію говоритъ Моро о нашихъ гренадерахъ, qui, quoique Russes, c'est â dire peu pitoyables, vouloient monter á cheval pour secourir ces braves Hongrois *, на что чувствительные Нѣмцы, ихъ начальники, не хотѣли однако согласиться. Мы

* Тринадцать Венгерцевъ, кинувшихся въ средину Турецкой конницы.

не хотѣли скрыть или ослабить и порицанія, и вольныя сужденія нашего автора, будучи увѣрены, что таковыя нападенія не могутъ повредить ни славѣ Петра Великаго, ни чести Русскаго народа. Предлагаемъ «Записки бригадира Моро», какъ важный историческій документъ, который не должно смѣшивать съ нелѣпыми повѣствованіями иностранцевъ о нашемъ отечествѣ.

Начинаю съ замѣчательнѣйшаго и самаго блестящаго изъ событій, коимъ былъ я свидѣтель въ этой глухой сторонѣ: именно съ войны, объявленной султаномъ Петру Алексѣевичу, Императору Великой и Малой Россіи. Но, дабы представить ее въ истинномъ видѣ, мнѣ должно будетъ описать предшествовавшія обстоятельства. Позвольте мнѣ * обратиться къ тому времени, какъ Шведскій король Карлъ XII, восторжествовавъ надъ Фридерикомъ-Августомъ (королемъ Польскимъ и курфирстомъ Саксонскимъ)

* Моро-де-Бразе относится въ своихъ запискахъ къ неизвѣстной дамѣ. Прим. А. С. Пушкина.

и надъ Его Царскимъ Величествомъ **, бросился въ Саксонію, возвелъ на Польскій престолъ Станислава, и принудилъ Августа отказаться отъ короны съ сохраненіемъ единаго королевскаго титула. Въ это время Шведскій король могъ заключить честный и выгодный миръ, предлагаемый ему Царемъ. Положеніе его было самое счастливое: у него было до 40,000 прекраснаго войска, обыкшаго къ боямъ и цѣлыя десять лѣтъ избалованнаго побѣдами; у войска всего было вдоволь: оно обогатилось въ Саксоніи, не безъ обиды и притѣсненій обывателямъ. Главная цѣль Шведскаго короля была имъ достигнута. Фридерикъ-Августъ былъ низверженъ. Онъ могъ отдѣлаться отъ прочихъ своихъ непріятелей миромъ, котораго они сами домогались. Вспомнимъ, что Карлъ XII былъ главнымъ посредникомъ при заключеніи Ризвицкаго мира. Онъ могъ обезоружить Европу, воюющую за Испанское наслѣдство, если бы только объявилъ себя противникомъ сторонѣ несогласной на общій миръ. Даже было о томъ и предположеніе, устроенное г-мъ де Бонакомъ, Французскимъ чрезвычайнымъ посломъ при его дворѣ; но герцогъ Марибругъ

** Должно было прибавить: и надъ Датскимъ королемъ Фридерикомъ IV, который началъ сѣверную войну и первый почувствовалъ когти Шведскаго льва. Прим. А. С. П.

отвратилъ ударъ, прибывъ въ Саксонію и успѣвъ задарить г-на Пипера Англійскимъ и Голландскимъ золотомъ *. Сей министръ изъ благодарности разрушилъ мѣры, уже принятыя для утвержденія общаго мира, и завлекъ Карла XII въ преслѣдованіе Петра въ предѣлы областей Его Царскаго Величества — роковое предпріятіе, дорого ему споившее!

Шведскій король вышелъ изъ Саксоніи со всѣми своими полками. Онъ оставилъ въ Польшѣ, для поддержанія Станислава, имъ коронованнаго, 20,000 войска (въ томъ числѣ 9,000 новоприбывшаго изъ Швеціи) подъ начальствомъ генерала графа Крассау; а самъ пошелъ къ Днѣпру, переправился чрезъ него, не смотря на всѣ препятствія, и приблизился къ самой Полтавѣ, гдѣ Его Царское Величество остановился и укрѣплялся, предавъ огню и разоренію собственную землю, дабы отнять у непріятеля способы къ пропитанію.

* Такъ вообще думали въ Европѣ. Вольтеръ съ этимъ несогласенъ: Il est certain que Charles étoit inflexible dans le dessein d'aller détroner l'Empereur des Russes, qu'il ne recevoit alors conseil de personne et qu'il n'avoit pas besoin des avis du comte Piper pour prendre de Pierre Alexiowitz une vengeance qu'il cherchoit depuis longtems. Histoire de Charles VII. Прим. А. С. П.

Вся Европа видѣла конецъ несчастнаго похода и паденіе короля, дотолѣ непобѣдимаго. Войско его было уничтожено или захвачено въ плѣнъ. Его совѣтъ, чиновники, за нимъ послѣдовавшіе, имѣли ту же участь; самъ король, дабы не попасться въ руки своимъ врагамъ, пробился, съ тремя спами конныхъ, въ Турецкую землю, за Днѣстръ, въ сосѣдство Буджицкихъ Татаръ и искалъ убѣжища въ Бендерахъ.

Это удивительное пораженіе измѣнило всѣ его дѣла не только въ Польшѣ, но и въ собственномъ его государствѣ. Крассау, получивъ о томъ извѣстіе и не будучи въ состояніи держаться долѣе въ Польшѣ, поспѣшно удалился въ Померанію. Станиславъ за нимъ послѣдовалъ, спрашась попасться въ руки приверженцамъ Августовымъ.

Польскій король обнародовалъ манифестъ, въ которомъ отказывался отъ мира, имъ заключеннаго съ Карломъ XII, объявляя, что принужденъ былъ на оный согласиться, дабы избавить свои наслѣдственныя области отъ насилія Шведскихъ войскъ, разорявшихъ Саксонію, и что министры, имъ употребленные для переговоровъ, некстати обязали его и преступили его предписанія. По-

помъ явился онъ въ Польшѣ, и, поддерживаемый великимъ гетманомъ Синявскимъ, имѣя въ своей власти коронное войско и множество приверженцевъ, онъ снова вступилъ на престолъ и по прежнему признанъ королемъ.

Съ другой стороны король Датскій, видя, что Карлъ въ Турціи, а что войско его уничтожено, и полагая, что ему легко будетъ завоевать Сканію * и далѣе вступить въ Швецію, обратилъ туда свои войска. Генералы его вторгнулись въ сію сосѣдственную область, предметъ всегдашней его зависти. Но Шведы, большею частію кое-какъ и кой-гдѣ набранные люди, разбили ихъ на-голову. Датское войско бѣжало, подрѣзавъ жилы ногъ у лошадей, дабы не могли онѣ служить непріятелю, и бросивъ казну, обозъ и артиллерію.

Его Царское Величество, пользуясь разбитіемъ непріятеля, двинулъ поспѣшно полки свои въ Лифляндію. Между-тѣмъ короли, Датскій и Польскій, должны были въ одно время войти въ Померанію, дабы произвести диверсію и облегчить Царю завоеваніе провинціи, которой онъ давно добивался и опъ которой онъ уже успѣлъ

* Шоны.

отлупить * Нарву, дабы защищапь Пепербургъ—новый, укрѣпленный городокъ, выспроенный имъ на рѣкѣ *Нервѣ* (Nerva) въ началѣ войны.

Сего недовольно; новое бѣдспвіе поразило Швецію, гдѣ, въ опсупспвіи короля, учрежденъ былъ совѣпъ изъ лучшихъ и благоразумнѣйшихъ головъ всего государспва: явилась чума въ Спокгольмѣ, въ Сканіи, въ Помераніи и во всей Лифляндіи, гдѣ свирѣпспвовала во всей своей силѣ. Въ сіе-по время Его Царское Величеспво вознамѣрился овладѣпь Лифляндіей и началъ свои завоеванія осадою Риги. Городъ принужденъ былъ къ сдачѣ болѣе чумою, нежели силою оружія и бомбами, копорыя, безъ сего Божьяго наказанія, не принесли бы Царю великой пользы.

Около сего времени прибылъ я въ Ригу просипься въ службу къ Его Царскому Величеспву, пвердо рѣшившись скорѣе умерепь съ голоду, нежели воевапь пропиву опечеспва моего и вредипь его пользѣ.

Царь, послѣ взяпія Риги, поручилъ князю

* Dont il avoit déjà écorné Narva. Прим. А. С. II.

Меньшикову взять Ревель и Пернау, города укрѣпленные, имѣющіе гавани на Балтійскомъ морѣ.

Князь Меньшиковъ завоевалъ ихъ тѣмъ же средствомъ, какимъ взята была Рига: чума предала ихъ въ его руки и увѣнчала его лаврами, межъ-тѣмъ какъ осыпала кипарисомъ несчастную Лифляндію, Курляндію, Липву и Пруссію.

Послѣ Ревеля и Пернау князь Меньшиковъ, не нашедъ Выборга достойнымъ своего личнаго присутствія, отрядилъ къ оному генералъ-лейтенанта Брекольса (Brecols) * съ достаточнымъ числомъ войска, а самъ отправился въ Петербургъ отдать во всемъ отчетъ Его Царскому Величеству **. Онъ принятъ былъ какъ побѣдитель; его пожаловали губернаторомъ Лифляндіи. (Онъ уже былъ герцогомъ Ингерманландскимъ).

Порта испугалась быстроты сихъ завоеваній.

* Беркгольцъ, генералъ-маіоръ. *Прим. А. С. П.*

** Все это писано наобумъ. Выборгъ взятъ былъ не Брекгольцемъ, но сдался генералъ-адмиралу графу Апраксину, въ присутствіи самого Царя, 11 іюля 1710 года. Пернау взятъ 14 августа того же года не княземъ Меньшиковымъ, а генераломъ Боуромъ, отряженнымъ изъ-подъ осажденной Риги. Ревель взятъ имъ же, Боуромъ, 29 сентября, и проч. *Прим. А. С. П.*

Сулпанъ и его сановники предвидѣли, что сосѣдъ ихъ, если усилится, то нанесетъ имъ современемъ большія огорченія. Завоеваніе Азова * лежало у нихъ на сердцѣ, тѣмъ болѣе, что Царь въ укрѣпленіи онаго сдѣлалъ значительныя улучшенія, и содержалъ въ немъ морское войско, притѣсняя тѣмъ Турецкую торговлю на Черномъ морѣ, если ужъ не вовсе ее уничтожая. Сверхъ того, для защиты Азова и окрестностей онаго, Петръ выстроилъ новыя крѣпости. Все это, при помощи происковъ Шведскаго короля, понудило Порту объявить войну Его Царскому Величеству. Царь получилъ о томъ извѣстіе по прибытіи князя Меньшикова и по распредѣленіи войскъ по квартирамъ послѣ столь многотрудной компаніи. Онъ сталъ не на-шутку заботиться о приготовленіяхъ къ будущему походу, дабы предупредить, буде возможно, опаснаго непріятеля, который на него навязывался.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ взялъ Выборгъ, но не безъ потери и не безъ труда. Царь однакожь, въ знакъ благоволенія, прислалъ ему свой портретъ, осыпанный алмазами, и повелѣлъ войска, осаждавшія Выборгъ, Ревель и Перновъ

* Asof, sur la Mer-Noir, пишетъ Моро. *Прим. А. С. П.*

(кромѣ конницы), распредѣлить по симъ городамъ. Всей же конницѣ, кромѣ нѣсколькихъ драгунъ, приказано идти въ Верхнюю-Польшу и въ Польскую-Россію (dans la Haute Pologne et dans la Russie Polonaise), гдѣ легче было ее продовольствовать, нежели въ Лифляндіи, коей всѣ почти селенія опустошены были чумою *.

Около ноября мѣсяца курьеръ отъ князя Меньшикова привезъ уполномоченному генералъ-коммиссару Лифляндскому барону Левенвольду приказаніе собрать Рижскихъ дворянъ и объявить имъ, что князь черезъ мѣсяцъ прибудетъ въ Ригу для принятія отъ нихъ присяги въ вѣрности и подданствѣ Его Царскому Величеству. Между разными новостями, князь прислалъ Левенвольду и условія, недавно предложенныя Портою Царю, во избѣжаніи войны, неминуемой въ случаѣ несогласія съ его стороны. Я жилъ у Левенвольда. Мы провожали вмѣстѣ часы веселія на-досугѣ. Онъ показалъ мнѣ эти условія; они состояли изъ семи статей:

I. Возвратить Азовъ, а укрѣпленія, вновь приложенныя къ прежнимъ, также и новыя крѣпости и подданствѣ Его Царскому Величеству. Между разными новостями, князь прислалъ Левенвольду и условія, недавно предложенныя Портою Царю, во избѣжаніи войны, неминуемой въ случаѣ несогласія съ его стороны. Я жилъ у Левенвольда. Мы провожали вмѣстѣ часы веселія на-досугѣ. Онъ показалъ мнѣ эти условія; они состояли изъ семи статей:

I. Возвратить Азовъ, а укрѣпленія, вновь приложенныя къ прежнимъ, также и новыя крѣпости, выстроенныя по берегамъ Чернаго моря, разорить.

* Отсель разсказъ Моро становится достовѣрнымъ. *Прим. А. С. П.*

II. Распоргнуть совершенно союзъ, заключенный съ Фридрикомъ-Августомъ, курфирстомъ Саксонскимъ, и принять Станислава королемъ Польскимъ.

III. Возвратить всю Лифляндію и вообще все завоеванное Русскими Шведскому королю, а Петербургъ разорить и срыть до основанія.

IV. Заключить наступательный союзъ съ королями Карломъ XII и Станиславомъ противу Фридерика-Августа, курфиста Саксонскаго, если курфирстъ возобновитъ притязанія свои на Польскій престолъ, имъ уступленный Станиславу.

V. Казакамъ возвратить прежнюю вольность и преимущества.

VI. Возвратить *натурой или иначе* все, что король Шведскій поперялъ черезъ Полтавское сраженіе.

VII. Морское войско и флотъ отвести къ Воронежу и съ нимъ къ Черному морю не приближаться.

Еслибъ Его Царское Величество находился въ положеніи Шведскаго короля, то и шупъ Порта не могла бы предложить ему условія болѣе притѣснительныя. Зато ихъ и не приняли. Стали сильно готовиться къ войнѣ, дабы доказать Порть, что Его Величество не дошелъ еще до того, чтобы могъ выслушивать таковыя предложенія.

Между-тѣмъ какъ Царь созывалъ совѣтъ за совѣтомъ для опредѣленія мѣръ, нужныхъ противу столь опаснаго непріятеля, повсюду приготовляли войско къ выступленію въ походъ, по первому приказанію. Посреди сихъ пріуготовленій, и въ самое то время, какъ Государь болѣе всего казался озабоченнымъ, Курляндскій герцогъ женился въ Петербургѣ на племянницѣ Государя. Бракъ сей праздновалъ князь Меньшиковъ, и праздновалъ по-царски. Но молодой герцогъ такъ былъ невоздержанъ на пирахъ, данныхъ по тому случаю, и такъ много пилъ Венгерскаго (къ чему Русскіе привыкли), что черезъ шесть дней послѣ свадьбы онъ занемогъ на обратномъ пути въ свои владѣнія, на первомъ ночлегѣ, и умеръ чрезъ пять дней. Объ немъ очень жалѣли его подданные и всѣ тѣ, которые имѣли честь быть съ нимъ знакомы. Герцогъ былъ любезный молодой человѣкъ и много обѣщалъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ погребальнаго его шествія чрезъ Ригу въ Митаву, столицу Курляндскаго герцогства, гдѣ долженъ былъ онъ быть похороненъ между гробами герцоговъ, своихъ предковъ, князь Меньшиковъ изъ Ревеля и Пернова, гдѣ принималъ онъ присягу дворянства, прибылъ въ Ригу для той же церемоніи. Въ три дня князь привелъ къ концу порученіе, на него возложенное, и возвратился въ Петербургъ.

Его Царское Величество отправилъ изъ Петербурга своихъ генераловъ, каждаго къ своей дивизіи, и повелѣлъ генералъ-фельдмаршалу графу Шереметеву вывести въ поле полки, назначенные къ походу, и самому слѣдовать за ними къ Днѣпру, гдѣ вся армія должна была собраться.

Съ другой стороны повелѣлъ онъ адмиралу и вицъ-адмиралу, находившимся при его особѣ, ѣхать въ Азовъ, а самъ отправился въ Москву. Тамъ осмотрѣлъ онъ рекруповъ, набранныхъ по его повелѣнію, и отправилъ ихъ къ Смоленску, гдѣ ихъ ожидалъ отрядъ, дабы препроводить въ Подолію для распредѣленія по полкамъ. Царь потомъ занялся послѣдними приготовленіями, отправилъ казну, и самъ наконецъ поѣхалъ въ Польшу, поручивъ

князю Меньшикову надзоръ надъ непріятелемъ въ Лифляндіи.

24 февраля 1711 года дивизія князя Рѣпнина, стоявшая около Ревеля и Пернова, выступила въ походъ къ Подоліи, назначенной сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ войскъ. Баронъ Алларпъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ генераловъ Его Царскаго Величества, выступилъ изъ Липвы со своею дивизіей; то же сдѣлали генералы Вейде и баронъ д'Энгобергъ.

Имѣвъ честь быть приняту полковникомъ Казанскаго драгунскаго полка и бригадиромъ войска Его Царскаго Величества, получилъ я приказаніе ѣхать въ свой полкъ и къ своей бригадѣ, находившейся въ Польской Россіи на зимнихъ квартирахъ. Я имѣлъ дозволеніе взять изъ Курляндіи драгуновъ, сколько мнѣ ихъ понадобится, для доставленія всего нужнаго мнѣ и людямъ моимъ во все время столь долгаго пути: отъ Риги до Сороки, что на Днѣстрѣ, къ сторонѣ Молдавіи, гдѣ соединилась армія, считается 266 Нѣмецкихъ миль, или 532 Французскихъ льё. Я повиновался данному мнѣ приказанію и отправился въ эту дальнюю дорогу съ двадцатью только драгунами. Я ѣхалъ на Митаву, Вильну,

Новогрудскъ, Слуцкъ, Давидоградскъ (опъ коего въ шестпи Французскихъ льё переправился черезъ Днѣпръ, рѣку опасную, неимѣющую береговъ, и разливающуюся направо и налѣво, на разспояніе нѣсколькихъ льё), потомъ на Полосъ, Оспрогъ, Мазибушь, Леополь, Замосцъ, Тарнополь, Сапанопъ и Шарградъ (Разградъ?), гдѣ наспигъ я армію. Сей послѣдній городъ былъ нѣкогда весьма обширенъ и имѣлъ знатную порговлю. Но во время войнъ Польши съ Порпою Турки его опустошили; теперь однѣ развалины свидѣтельствуютъ о томъ, чѣмъ былъ онъ прежде.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, вслѣдствіе своихъ повелѣній, нашелъ въ Бродахъ всю свою кавалерію, собранную начальникомъ оной генераломъ Янусомъ. Фельдмаршалъ пошелъ къ Могилеву съ нею и съ пѣхотными полками Ингерманландскимъ и Астраханскимъ, сопровождавшими его опъ самой Риги. Тутъ и переправился онъ чрезъ Днѣстръ въ трехъ разныхъ мѣстахъ, и занялъ Молдавію. Господарь отложился опъ Порпы, передался фельдмаршалу и привелъ къ нему до шестпи тысячъ плохой Молдавской конницы; ихъ всадники большею-частію вооружены стрѣлами или полупиками, подобно казакамъ; всѣ они ужасные воры.

Дивизія генерала Аллярпа достигла Днѣстра, первая изо всей пѣхоты. Вслѣдъ за нимъ прибыли въ тотъ же день генералы Брюсъ и Гинперъ со всею артиллеріей и своими полками. Баронъ Аллярпъ переправился черезъ Днѣстръ на понтонахъ и поспѣшилъ занять укрѣпленіе въ Сорокѣ, чему никто и не думалъ воспротивиться.

Сорокъ пять лѣтъ передъ тѣмъ, крѣпость эта выдержала славную осаду. 40,000 Турокъ и 40,000 Татаръ, подъ предводительствомъ сераскира, принуждены были, послѣ шестимѣсячныхъ тщетныхъ усилій, со стыдомъ отступить, покинувъ лагерь и всю артиллерію, за что сераскиръ заплатилъ своею головою.

Генералъ Аллярпъ нашелъ хорошіе подземельные погреба, нѣсколько сабель, нѣсколько бочонковъ пороху, но мало съѣстныхъ припасовъ.

Il y ordonna des ouvrages extérieurs, qu'il traça lui-même, et un pont sur le Niester qui eut pour tête le chateau fort bon pour le pays, et deux doubles tenailles en queue.

Генералъ Аллярпъ, сверхъ многихъ другихъ достоинствъ, есть одинъ изъ лучшихъ инжене-

ровъ своего времени. Онъ умѣетъ искусно развѣдать мѣстныя обстоятельства, расположиться лагеремъ, воспользоваться выгодами и начертать вѣрную карту театру войны.

Покамѣстъ, по его приказанію, войско занималось работами, генералъ-лейтенантъ Брюсъ переправилъ артиллерію подъ прикрытіемъ неразлучныхъ съ нею полковъ канонерскихъ и бомбардирскихъ; онъ расположилъ свой паркъ влѣво отъ укрѣпленія, на полуостровѣ, образуемомъ рѣкою.

30 мая дивизія генерала Адама Вейде заняла Днѣстровскія высоты въ получасѣ отъ Сороки, въ прекрасной долинѣ, куда прибылъ въ тотъ же день генералъ баронъ Денсбергъ. На другой день, 31 мая, генералъ князь Рѣпнинъ сталъ тамъ же, на лѣвой сторонѣ линіи.

Его Царское Величество изъ Москвы отправился въ Польскій Ярославъ, гдѣ, по просьбѣ его, собраны были королемъ Польскіе сенаторы, съ тѣмъ, чтобы принудить, если возможно, республику соединиться съ Россіею противу невѣрныхъ. Но сенаторы рѣшили иначе: положено было республикѣ, держась условій Карло-

вицкаго мира, никакимъ образомъ не мѣшаться въ эпу новую войну, ибо довольно было ей и своихъ междоусобій.

Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, Государь отправился въ армію въ сопровожденіи генерала Рене, оставшагося въ окрестностяхъ Ярослава съ частію конницы для охраненія особы Его Величества.

12-го іюня * (ст. ст.) Государь прибылъ на берегъ Днѣспра съ Императрицею, съ своими министрами, съ казною, съ Преображенцами и Семеновцами (les Breobrasenski et Simonovski), своею гвардіею; полки сіи, хотя пѣхотные, но въ походѣ садятся на конь и идутъ съ липаврами, штандартами и трубами (пожъ и Ингерманландскій и Астраханскій). Въ лагерѣ или въ городѣ имъ возвращаютъ барабаны.

13-го іюня, поутру, Его Величество дѣлалъ смотръ пѣхотѣ; послѣ обѣда посѣтилъ онъ мостъ, уже оконченный попеченіями генерала

* У Моро поставлено здѣсь 2-го іюня: ошибка или опечатка. Въ журналѣ Петра Великаго сказано: «во 12 день (іюня) прибыли (Ихъ Величества) съ гвардіей къ рѣкѣ Днѣстру, гдѣ случились съ пѣхотными дивизіями генерала Вейде и Алларта; отселѣ и отъ того же числа Петръ написалъ нѣсколько писемъ. *Прим. А. С. П.*

Алларпа, также и новыя укрѣпленія Сороки. Государь былъ очень доволенъ. Попомъ осмотрѣлъ онъ артиллерію и возвратился въ свой лагерь.

14-го былъ у Его Величества большой военный совѣтъ; на немъ присутствовали всѣ генералы, которые могли только пріѣхать. И на семъ-то совѣтѣ предприняты были Государемъ, по внушенію его министровъ и Русскихъ генераловъ, мѣры, произведшія бѣдствія, которыя можно было избѣжать, если бъ обратили порядочное вниманіе на положеніе, въ коемъ находилось войско, на мѣстныя обстоятельства и на состояніе земли, въ которую готовились вступить; однимъ словомъ, если бы Его Величество согласился съ мнѣніемъ своихъ *Нѣмецкихъ* генераловъ *, которые, кромѣ его славы и пользы, ничего въ виду не имѣли.

Прежде нежели опишу то, что произошло на знаменитомъ этомъ совѣтѣ, я долженъ дать вамъ понятіе о состояніи арміи. Войско не имѣло съѣстныхъ запасовъ и на восемь дней, и могло, если оныхъ не находилось въ Молдавіи, быть

* Иностранныхъ. См. далѣе объясненіе самого Моро. Какъ замѣтно, что здѣсь говоритъ иностранецъ, приверженный къ своей партіи. *Прим. А. С. П.*

уничтожено не непріятелемъ, а голодомъ. Это запруднительное положеніе извѣстно было всѣмъ; генералы, министры, самъ Государь это зналъ: коммиссары посланы были имъ въ Венгрію для закупки быковъ, а въ Украйну для забранія барановъ и муки.

Совѣтъ, собранный Его Величествомъ на берегу Днѣстра, и который рѣшилъ судьбу всей кампаніи, составляли: великій канцлеръ графъ Головкинъ, баронъ Шафировъ и господинъ Сава (Рагузинскій) — всѣ прое тайные совѣтники (по же, что во Франціи министры); генералъ Рене, князь Рѣпнинъ, Адамъ Вейде, князь Долгорукій и Брюсъ (все генералы, или лейтенантъ-генералы). Они составляли партію Русскихъ. Партію Нѣмцевъ составляли генералы: баронъ Алларитъ и баронъ Денсбергъ и лейтенантъ-генералы баронъ Остенъ и Беркгольцъ. Это раздѣленіе на двѣ партіи въ Россіи признано всѣми.

Стали разсуждать о томъ, что̀ надобно было дѣлать? Войско было собрано, а о Туркахъ было не слыхать, какъ будто бы въ мирное время. Правда, нѣсколько тысячь Буджацкихъ Татаръ нѣсколько времени предъ симъ учинили набѣгъ на Русскую Украйну и на Землю Казаковъ (en Co-

zaquie), гдѣ они пожгли и ограбили селенія, отогнали скотъ и захватили людей; но при приближеніи нашихъ полковъ, они уже не смѣли показываться, и лагерь нашъ былъ въ совершенномъ спокойствіи. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, споявшій близъ Яссъ, въ самой Молдавіи, былъ почно въ томъ же положеніи.

Совѣтъ начался. Нѣмецкіе генералы первые имѣли честь предложить свое мнѣніе. Они полагали нужнымъ оставаться на берегахъ Днѣстра, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, для узнанія непріятельскихъ намѣреній; во-вторыхъ, дать арміи отдохнуть послѣ долгаго похода. Они представили, что съѣстные запасы, безъ которыхъ никакая армія не можетъ существовать, могутъ быть безъ большихъ расходовъ доставляемы по Днѣстру; что можно будетъ устроить магазины въ Польшѣ; что, занимая берега Днѣстра, не должно однако оставаться въ бездѣйствіи, но что, напротивъ того, надобно идти къ Бендерамъ, которыя взять можно въ скоромъ времени, укрѣпить и сдѣлать изъ нихъ и крѣпость и военный магазинъ en y etablissant un pont (?) de communication; что Сорока, находясь уже во власти Его Величества и будучи укрѣплена, есть также крѣпость и магазинъ;

что по же самое можно сдѣлать и въ Могилевѣ (на Днѣстрѣ), и что такимъ образомъ Его Величество будетъ имѣть три входа въ Молдавію, при всѣхъ трехъ переправахъ черезъ Днѣстръ, и три магазина для своихъ войскъ; что Турки, будучи принуждены проходить степью, потеряютъ лошадей, прежде нежели до насъ доспигнутъ; что имъ почти невозможно будетъ взять наши крѣпости, защищаемыя многочисленнымъ и исправнымъ войскомъ; что вѣроятно не рѣшатся они ихъ осадить, и того менѣе переправляться черезъ Днѣстръ и строить мосты въ присутствіи войскъ Его Величества; что если Его Величество въ настоящихъ обстоятельствахъ захочетъ ввести армію свою въ Молдавію, то онъ можетъ ея лишиться и помрачить славу свою; что, по показанію Сорокинскихъ жителей, должно по крайней мѣрѣ пять дней проходить необитаемую степь, гдѣ нельзя найти ни воды, ни хлѣба; что сторона, находящаяся за степью, не изобилуетъ хлѣбомъ, ибо онаго недостаточно даже на продовольствіе жителей, хотя на часть Молдавіи мало заселена; что если въ Яссахъ, и по ту сторону сего города, и было чѣмъ продовольствоваться, то наша конница, стоящая тамъ, въ три недѣли, вѣроятно, все уже попребила; что примѣръ Шведска-

го короля слишкомъ еще свѣжъ, и что не должно опважиться сдѣлать ошибку еще важнѣйшую, углубляясь въ незнакомую землю, о коей всѣ доселѣ получаемыя свѣдѣнія ничего благопріятнаго не предвѣщаютъ.

Въ заключеніе, Нѣмцы просили Его Величество быть увѣрену, что, предспавляя ему дѣло каково оно есть, они не имѣли ничего въ виду, кромѣ его собспвенной славы; что когда займемъ мы берега Днѣспра и успроимъ магазины, Турки, покусясь, на что бы то ни было, употребятъ свои силы всѣ, или опчасти, междупѣмъ какъ Его Величество, имѣя пылъ свой свободнымъ, усилитъ свои войска, будетъ въ состояніи съ пользою употребить полки, оспавленные въ Польшѣ, и послѣ кампаніи уже безо всякаго препятствія проводитъ непріятеля въ его собспвенную землю, и тамъ расположится по своей волѣ и приготовится къ завоеваніямъ, прежде нежели Турки успѣютъ выдти изъ зимнихъ своихъ кварпиръ.

Мнѣніе сіе было самое здравое; но Русскіе ему воспротивились. Генералъ Рене, хотя родомъ и Курляндецъ, но по положенію своему придерживающійся стороны министровъ, возразилъ, что

неприлично было бы Его Величеспву защищать рѣку съ такими прекрасными войсками; что, въ случаѣ испощенія запасовъ, должно будетъ ихъ достать въ самой непріятельской землѣ; что области Греческія, по примѣру Молдавскаго господаря, готовы были возмутиться при первомъ вступленіи нашихъ полковъ въ Турецкія границы; что, по донесеніямъ генералъ-фельдмаршала графа Шереметева, за степью до Дуная армію можно будетъ продовольствовать; что стыдно было бы тратить деньги на построеніе магазиновъ, когда можно дѣлать это на счетъ непріятеля; что надобно войти и углубиться въ Турецкія земли; что Турки будутъ полу-уничтожены уже и тѣмъ, что увидятъ сильное войско Его Величества посреди ихъ областей, готовое предписывать имъ законы; что примѣръ Шведскаго короля здѣсь вовсе нейдетъ; что полки наши тѣ же самые, которые разбили его и готовы разбить Турковъ; что таково его мнѣніе, и что славнѣйшаго и полезнѣйшаго способа Его Царскому Величеспву избѣгать невозможно.

Съ симъ мнѣніемъ согласились Русскіе министры и генералы, охотно ему послѣдовали, и, вопреки благоразумному мнѣнію Нѣмцевъ, поло-

жено было переправиться черезъ Днѣпръ и войти въ степи.

Разсуждая о семъ движеніи, всѣ мы сильно обвиняли пѣхъ, которые его присовѣтовали Его Величеству. Ясно было, что Государь принужденъ будетъ отступиться отъ своихъ намѣреній. Но зная, что Русскій народъ склоненъ къ спокойствію, лѣнивъ и не любитъ военныхъ трудовъ, мы увѣрены были, что Царскіе министры, опасаясь слишкомъ продолжительной войны, нарочно завлекали Государя въ неудачу, дабы уменьшить въ немъ пылъ воинскій и принудить его къ покою *. Таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе почти всѣхъ иностранцевъ.

16-го іюня, рано утромъ, дивизіи генераловъ Аларпа и Денсберга выступили въ походъ. 17-го, Его Величество съ Преображенцами, Семеновцами, своими министрами и всею свитою пошелъ въ авангардъ и вступилъ въ степи. За нимъ слѣдовалъ генералъ-поручикъ Брюсъ съ ар-

* Напоминаемъ читателямъ сказанное въ предисловіи: переводчикъ не хотѣлъ ни скрыть, ни ослабить порицанія и вольныя сужденія автора, будучи увѣренъ, что они не могутъ вредить ни Петру Великому, ни Русскому народу: Моро не любилъ Русскихъ и былъ недоволенъ Петромъ.

пиллеріей. Аррьергардъ сосшавляли дивизія генерала Вейде и конница, приведенная изъ Ярославa генераломъ Рене и которую Его Величество поручилъ въ мое начальство, приказавъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Дивизія князя Рѣпнина осшалась въ Сорокѣ для окончанія работъ и для принятія запасовъ, которые, по приказанію Его Величесшва, должны были быть туда досшавлены *.

Генералы Аллартъ и Денсбергъ, вышедъ изъ сшепей, прибыли въ лагерь генералъ-фельдмаршала, который находился въ трехъ миляхъ отъ Яссъ на выгодномъ мѣсшоположеніи.

Его Величесшво недолго шомился въ пусшыняхъ: маршируя днемъ и ночью, досшигнулъ онъ прекрасной долины, орошаемой Прушомъ, гдѣ и расположилъ свой лагерь пыломъ къ рѣкѣ. Онъ шошчасъ ошправилъ бочки съ водою на собсшвенныхъ подводахъ и на лошадяхъ свиты своей полкамъ, идущимъ по сшепямъ. Но сіе посо-біе принесло имъ болѣе вреда, нежели пользы. Солдаты бросились пить съ такою жадносшію,

* Въ журналѣ Петра Великаго сказано: «и стояли тутъ (при городкѣ Сорокѣ) Аллартова дивизія до 20-го (іюня), а Вейдева и князя Рѣпнина до 22-го.» *Прим. А. С. П.*

что многіе перемерли. Мы лишились множества людей отъ безводицы. Жары несперпимы въ сихъ мѣстахъ, гдѣ видно только небо да горы раскаленнаго песку, безъ деревьевъ, безъ жилелей и безъ воды *.

Дивизія Вейдова и артиллерія, послѣ шестидневнаго перехода чрезъ ужасныя сіи пустыни, соединилась съ лагеремъ Его Величества. 23-го іюня Государь ѣздилъ осматривать лагерь генералъ-фельдмаршала, и принялъ въ подданство Молдавскаго господаря. Съ нимъ было только триста рейтаровъ. Онъ пожаловалъ господарю свой портретъ, осыпанный алмазами (что впослѣдствіи времени пригодилось сему Турецкому даннику). Въ тотъ же вечеръ Его Величество возвратился въ свой лагерь, а на другой день приказалъ наводить два моста на Прутѣ.

Здѣсь спокойно оставались мы отъ 22 до 29 іюня, какъ-будто въ самое мирное время, ожидая запасовъ, которые князь Рѣпнинъ долженъ былъ доставить и привезти. 26-го, фельдмар-

* Степи Буджацкія не песчаныя: онѣ стелются злачной, зеленой равниною, усѣянною курганами. Моро здѣсь пользуется правомъ разскащика. Правда, что въ 1711 году эти степи были голы: трава съѣдена была саранчею. *Прим. А. С. П.*

шалъ и господарь посѣтили Его Императорское Величество. Войско стояло въ строю. Имъ отдали честь по всему фронту, и самъ Государь салютовалъ саблею, стоя передъ Преображенскимъ полкомъ, какъ генералъ-поручикъ своей арміи.

Они приглашены были на торжество, праздноуемое ежегодно Его Величествомъ въ память Полтавскаго сраженія, случившагося 27-го іюня, по старому стилю.

Всѣ генералы съ утра явились къ Его Величеству, дабы вслѣдъ за нимъ отправиться въ артиллерійскую церковь, гдѣ отслушалъ онъ обѣдню, и гдѣ придворный священникъ * цѣлыхъ полтора часа говорилъ проповѣдь, имъ сочиненную на случай сего счастливаго дня.

Полки выстроены были въ боевомъ порядкѣ и составляли три фаса одного каррея; артиллерія занимала четвертый. Послѣ обѣдни стрѣльба началась съ правой стороны артиллеріи и продолжалась по всѣмъ фасамъ; полки стрѣляли по мѣрѣ приближенія къ нимъ огня. Послѣ того всѣ генералы слѣдовали за Его Величествомъ къ его палаткамъ, гдѣ, въ землѣ, былъ утвержденъ

* Ѳеофанъ Прокоповичъ. *Прим. А. С. П.*

сполъ необыкновенной длины, и за которымъ, насчипалъ я, до сна-десяти куверповъ съ каждой стороны.

Его Величество находился въ центрѣ спола. По правую руку сидѣлъ Молдавскій господарь, по лѣвую графъ Головкинъ, министры, баронъ Шафировъ и Сава (Сава Владиславъ Рагузинскій); на углахъ спола генералы, генералъ-поручики, генералъ-маіоры, бригадиры и полковники, и прочіе, каждый по своему чину, помѣспились за эшимъ же споломъ. Кромѣ Венгерскаго вина, ничто мнѣ не понравилось. Оно было опличное, по есть по, которое доходило до меня, ибо полковники, сидѣвшіе ниже, пили другое, а подполковникамъ подносили особливое, капитанамъ еще хуже, и такъ далѣе. Капитаны Преображенскіе и Семеновскіе разносили вина: каждый прислуживалъ шести персонамъ, имѣя въ своемъ распоряженіи трехъ слугъ для перемѣны спакановъ и бупылокъ. Тупъ-по, милостива́я государыня, вино льется какъ вода; шупъ-по заспавляютъ бѣднаго человѣка, за грѣхи его, напиваться до чрезмѣрности *.

* Встарину пили не по-нашему. Предки наши говаривали: пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ. Впрочемъ пьянство никогда достоинствомъ не почиталось. Петръ I, указавъ содержать при монастыряхъ офицеровъ, отставленныхъ за болѣзнями, именно исключаетъ больныхъ отъ пьянства и распутства. *Прим. А. С. П.*

Императрица съ своей стороны угощала армейскихъ дамъ. Почти всѣ иностранные генералы имѣли съ собою своихъ женъ и дѣтей, по той причинѣ, что въ случаѣ разлуки срокъ свиданія неизвѣстенъ, и что, по недостатку почты, никто отъ своихъ не получаетъ извѣстія. Если же и придутъ письма, то генералы и министры имѣютъ похвальную привычку никогда ихъ не отдавать. Можно переписываться, только чрезъ министровъ иностранныхъ, но не всегда можно быть съ ними въ сношеніи. Я говорю по собственному опыту: въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ я только могъ однажды писать къ моей милой графинѣ (которая оставалась въ Данцигѣ), и то черезъ барона Лоца, посланника короля Польскаго при дворѣ Его Царскаго Величества.

Мало дамъ явилось къ Императрицѣ. Генеральша Аллартъ и генералъ-маіорша Гинперъ однѣ представились къ Ея Величеству и были милостиво приняты.

Обѣдъ Государя продолжался цѣлый день, и никому не позволено было выдти изъ-за стола прежде одиннадцатаго часу вечера. Пили, такъ ужъ пили (on y but ce qui s'appelle boire). Вся-

кое другое вино навѣрно меня убило бы, но я пилъ наспоящее Токайское, по же самое, какое подавали и Государю, и оно дало мнѣ жизнь.

Около пяти часовъ вечера одинъ изъ адъютантовъ князя Рѣпнина привезъ письма къ Его Величеспву. Генералъ давалъ знапь, чпо 4000 быковъ, 8000 барановъ и 300 маленькихъ Польскихъ пележекъ съ рожью, мукою (et de grit) опправлены были къ намъ. Государь шупъ же распредѣлилъ, чпо̀ куда доспавипь, и приказалъ попъ же часъ опправипь часпь въ лагерь генералъ-фельдмаршалу.

28-го іюня моспы были гоповы. Арпиллерія попянулась черезъ Прупъ по моспу, назначенному для Двора. Вейдова дивизія переправилась по другому, назначенному для войскъ, и расположилась лагеремъ въ Ясской долинѣ, въ двухъ миляхъ опъ прежняго лагеря.

29-го іюня (по нашему приходипся 10-го іюля, ибо Русскіе держапся еще спараго спиля) въ день свяпаго Пепра, въ имянины Его Царскаго Величеспва, я, слѣдуя обычаю, со всѣми генералами, пришелъ поздравипь Государя. Онъ принялъ милоспиво наши привѣпспвія и всѣхъ

насъ оспавилъ у себя обѣдать. Государь праздноватъ и этотъ день и обѣдаетъ съ своими министрами и офицерами, когда находится въ своей арміи.

Около пяти часовъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ приказалъ мнѣ, чтобъ я послалъ моего адъютанта, споявшаго за мною, посадить кавалерію мою на-конь, и велѣлъ ей идти впередъ къ своему лагерю съ моимъ экипажемъ. Фельдмаршалъ сказалъ мнѣ, что мнѣ нужны будутъ только мои лошади, что я останусь при немъ, и что онъ беретъ быть моимъ вожатымъ. Я отдалъ приказъ адъютанту. Кавалерія была въ порядкѣ, а экипажъ мой заложенъ. У Русскихъ обыкновенно употребляются телеги, ибо вьючныя лошади и лошаки не могли бы выдержать обыкновенные походы ихъ войскъ (5 à 600 lieux).

Наканунѣ знали, что близъ лагеря фельдмаршальскаго произошло маленькое сраженіе. 20,000 Татаръ показались на упренней зарѣ и ударили (въ разсыпную, по своему обычаю) на передовой пикетъ, составленный изъ 600 человѣкъ конницы, подъ начальствомъ полковника Ропа (de Roop) конно-гренадерскаго полка моей бригады.

Непріятель пробился сквозь отрядъ, не смотря на всѣ спаранія командира. Число превозмогло, отрядъ былъ окруженъ отовсюду. Одинъ капитанъ, родомъ изъ Лотарингіи, надѣлалъ тупъ чудеса и былъ убитъ, къ сожалѣнію всѣхъ офицеровъ, знавшихъ его. Подполковникъ взятъ былъ въ плѣнъ, и убито 250 рядовыхъ. Все это произошло въ виду бригадира Шенсова * (Chensof), родомъ Русскаго, который былъ отряженъ съ 2,500 человѣкъ конницы на подкрѣпленіе Ропа, и не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

Генералъ Янусъ, начальствующій въ отсутствіе фельдмаршала, при семъ случаѣ сдѣлалъ все, что только было возможно, чтобъ исправить сію неудачу и предупредить бо́льшее несчастіе. Онъ велѣлъ выѣхать четыремъ конно-гренадерскимъ полкамъ и всячески старался уговорить бригадира Шенсова, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ хоть показался непріятелю. Но офицеръ сей отвѣчалъ, что онъ получилъ приказаніе охранять лагерь, а не искать непріятелей. Наши конно-гренадеры разсѣяли эту сволочь и освободили лагерь (le front du camp.)

* Таковой фамиліи нѣтъ ни въ книгахъ нашего дворянства (старинаго), ни въ спискахъ офицеровъ того времени. Кажется, дѣло идетъ о Шпевищевѣ, одномъ изъ начальниковъ драгунскихъ полковъ, набранныхъ въ 1699 году. *Прим. А. С. П.*

Никогда генералъ Янусъ не говорилъ мнѣ безъ бѣшенства объ этомъ происшествіи и о маневрѣ бригарида Шенсова. А еще должно глотать такія пилюли не морщась и не жалуясь, потому-что Его Величество и фельдмаршалъ неохотно выслушиваютъ жалобы и не любятъ видѣть ясныя доказательства, чтобы у кого-нибудь изъ Русскихъ не доставало ума или храбрости *.

Какъ войска скоро соединятся; то позвольте, милостивая государыня, исчислить вамъ ихъ силы и познакомить васъ съ генералами, которые начальствовали полками.

Главнокомандующій — генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ (Его Величество во время дѣла занимаетъ мѣсто генералъ-лейтенанта).

Дивизія Вейдова состояла изъ 8 пѣхотныхъ полковъ, каждый изъ 1,400 человѣкъ состоящій. Всего 11,200 человѣкъ; начальниками оной были: генералъ Вейде, генералъ-лейтенантъ Берктольцъ

* Благодаримъ нашего автора за драгоцѣнное показаніе. Намъ пріятно видѣть удостовѣреніе даже отъ иностранца, что и Петръ Великій и фельдмаршалъ Шереметевъ принадлежали партіи *Русской*. *Прим. А. С. П.*

(Brecols), генералъ-маіоры Голосинъ (Goloccin) и де-Бушъ, и бригадиры графъ Ламберти и Боэ.

Дивизія Рѣпнина, состоящая изъ такого же числа полковъ и людей. Начальники оной: генералъ князь Рѣпнинъ, генералъ-лейтенантъ князь Долгорукой, генералъ-маіоры Альфендель и Бомъ и бригадиры Бушъ и Голицынъ.

Дивизія барона Аллартa, во всемъ равная двумъ первымъ, была подъ начальствомъ генерала Аллартa, генералъ-лейтенанта барона Остена и бригадировъ Спафа и Лессе.

Дивизія барона Денсберга, также равная другимъ, находилась въ командѣ генерала барона Денсберга и бригадира барона Ремкимга (Remquimgue), его зятя.

Не худо замѣтить, что Русскіе дивизіонные начальники имѣли комплектное число подчиненныхъ имъ генераловъ; Нѣмцы же онаго не имѣли, особенно баронъ Денсбергъ, у котораго не было ни генералъ-лейтенанта, ни генералъ-маіоровъ, а только одинъ бригадиръ, зять его. Это происходило отъ генералъ-фельдмаршала, нелюбив-

шаго иностранцевъ, какой бы націи ни были, и неподававшаго имъ никакой помощи, нарочно для того, чтобъ вводить ихъ въ ошибки *. Однакожъ баронъ Денсбергъ есть тотъ самый, который съ такимъ великодушіемъ и храбростію защищалъ Кельскую крѣпость, осаждаемую герцогомъ Виллеромъ въ началѣ прошедшей войны. Онъ доказалъ, что былъ достоинъ начальствовать не только двенадцатитысячнымъ отрядомъ, но и цѣлыми арміями.

Полки Преображенскій, Семеновскій, Ингерманландскій и Астраханскій составляли 15 баталіоновъ, всего 15,000 человѣкъ, и были подъ начальствомъ самого Его Царскаго Величества, генералъ-лейтенанта князя Голицына и бригадира графа Шереметева (сына фельдмаршала); сюда же принадлежали полки канонерскій и бомбардирскій, каждый изъ 1500 человѣкъ состоявшій.

Дивизія генерала Януса, состоявшая изъ 8 полковъ, каждый изъ 1000 человѣкъ, была подъ начальствомъ помянутаго генерала, генералъ-маіоровъ Волконскаго и Вейсбака и бригадировъ Моро-де-Бразе, графа Ліонскаго и Шенсова.

* См. выше прим. редакт.

Дивизіей Рене, равной по числу полковъ и людей, начальствовали генералъ Рене, генералъ-маіоры Випманъ и Шариковъ (Cherikof), самый образованный и любезный изо всѣхъ мнѣ знакомыхъ Русскихъ, и два бригадира.

Еще одинъ драгунскій полкъ, составлявшій гвардію князя Меньшикова, не соединился съ арміей и оспался въ Яссахъ съ 2,000 избранныхъ фузиляровъ, между-тѣмъ какъ войско двинулось въ Молдавію.

Гвардейскій эскадронъ Его Царскаго Величества, состоящій изъ 300 рейтаровъ (maitres reitres?), сопровождалъ Государя въ его поѣздкахъ и другой службы не несъ.

Всѣ сіи отряды составляли на Днѣстрѣ 79,800 наличнаго войска. Каждый полкъ былъ укомплектованъ призванными рекрутами.

Артиллерія состояла изъ 60 пушекъ разнаго калибра, отъ двадцати до четырехъ-фунтовыхъ, изъ 16-ти понтоновъ на телегахъ и изъ 200 подводъ съ ящиками пороховыми, не считая телегъ, нагруженныхъ бомбами и ядрами.

Кромѣ сей артиллеріи, въ каждомъ полку пѣхотномъ и конномъ находились четыре малыя орудія двухъ и трехъ-фунтовыя. Они всегда слѣдуютъ за полкомъ, съ малыми своими ящиками и съ нужными офицерами. Ихъ зовутъ корпусными дѣтьми (ce qu'ils apellent les enfants des corps (кадеты?).

При каждомъ полку находятся также малыя телеги съ аммуниціей, которая, въ случаѣ нужды, всегда подъ рукою, что̀ очень хорошо придумано и достойно похвалы.

Таковы были силы Его Царскаго Величества. Здѣсь не считаю 10,000 Молдаванъ, годныхъ только для опустошенія земли какъ и Татары. Сей арміи было бы весьма достаточно, чтобы управиться съ Турками, еслибъ вовремя ввели ее въ непріятельскія земли и еслибъ ее не раздѣлили, какъ вы въ послѣдствіи увидите.

29 іюня Его Царское Величество сидѣлъ за столомъ до семи часовъ вечера. Встав изъ-за стола, держалъ онъ совѣтъ. Генералъ Рене предложилъ отрядить 15,000 человѣкъ въ Валахію, хорошую сторону, въ которой всего было много и которая могла продовольствовать армію. Онъ

упверждалъ, что Валахскій воевода, будучи одной націи и одного исповѣданія съ Молдавскимъ господаремъ, не замедлитъ покориться, соединитъ войско свое съ войсками Его Величества и доставитъ намъ жизненные запасы.

Генералъ-поручикъ Беркгольцъ былъ единственный Нѣмецъ на семъ совѣтѣ. Онъ сильно воспротивился предложенію генерала Рене, по причинѣ той, что Турки побѣждали всякій разъ, какъ противъ нихъ войска дѣйствовали отдѣльно. Онъ привелъ въ примѣръ принца Карла V (Лотарингскаго), который во второй походъ, послѣ снятія Вѣнской осады, раздѣлилъ на четыре отряда свое войско, дабы удобнѣе оное продовольствовать, и видѣлъ, какъ Турки разбили всѣ четыре отряда одинъ за другимъ, не могши подать имъ никакой помощи. Но всѣ его разсужденія пропали втунѣ. Было положено отрядить войско, а начальство поручено генералу Рене, какъ подавшему первый на то совѣтъ. Кромѣ сихъ 15,000 отряженныхъ въ Валахію *, 4,000 должны были оставаться въ Сорокѣ, дабы сберегать намъ отступленія и для сопро-

* У Рене было восемь драгунскихъ полковъ (5,056 ч.), баталіонъ Ингерманландцевъ, да 5,000 Молдаванъ. *Прим. А. С. П.*

вожденія провіанта, въ случаѣ, еслибъ мы оспа-лись въ Молдавіи; 2,000 въ Могилевѣ, черезъ который можно было бы воротиться въ случаѣ неудачи, да 3,000 въ Яссахъ, для охраненія Молдавіи и для удержанія жителей въ повиновеніи.

Фельдмаршалъ съ 9-ти часовъ вечера сѣлъ верхомъ, и я, вслѣдъ за нимъ, прибылъ въ его лагерь. Господарь оспался съ Его Царскимъ Величествомъ. Онъ былъ средняго роста, сложенъ удивительно стройно, прекрасенъ собою, важенъ, и съ самой счастливой физіономіей. Онъ былъ учтивъ и ласковъ; разговоръ его былъ вѣжливъ и свободенъ. Онъ очень хорошо изъяснялся на Латинскомъ языкѣ, что было весьма пріятно для тѣхъ, которые его разумѣли.

Мы догнали мою конницу въ верстѣ отъ фельдмаршальскаго лагеря, куда и прибыли въ 4 часа утра. Тутъ увидѣлъ я въ первый разъ летучихъ кузнечиковъ (саранчу). Воздухъ былъ ими омраченъ: такъ густо летали они. Не удивляюсь, что они разоряютъ земли, черезъ которыя проходятъ, ибо въ Молдавіи видѣлъ я изсохшее болото, покрытое высокимъ тростникомъ, который съѣденъ былъ ими на два вершка отъ земли.

Оспальной лагерь Его Величесшва перешелъ черезъ Прупъ 30 іюня. Мосшъ, черезъ копорый переправился Государь съ своею свипою, былъ попчасъ разобранъ; другой осшавленъ подъ охраненіемъ 500 гренадеровъ для дивизіи князя Рѣпнина, копорую ожидали.

Фельдмаршалъ, возвращясь въ свой лагерь, велѣлъ призвапь бригадира Шенсова и высказалъ ему все, чпò заслуживало его гнусное поведеніе, о копюромъ донесено ему было при его пріѣздѣ однимъ драгунскимъ полковникомъ моей бригады. Онъ приказалъ бригаднымъ маіорамъ опрядипь по 20 человѣкъ съ каждой бригады для успросенія двухъ мосшовъ, находившихся въ пылу нашего лагеря, дабы ему безпрепяпспвенно можно было, въ случаѣ нужды, идпи соединишься съ Его Величесшвомъ. Это споило шруда, пошому-чпо моспы наведены были на малыхъ челнахъ, изъ выдолбленныхъ пней, кос-какъ собранныхъ по берегамъ Прупа. Мѣдные пошпоны оспавались при Его Величесшвѣ для надобносшей его собсшвенныхъ. Того же самаго числа (30 іюня) генералъ Рене прибылъ къ фельдмарпальскому лагерю и собралъ полки, долженсшвовавшіе идпи въ Валахію подъ его начальсшвомъ. Онъ высшупилъ на другой день поупру и уже въ армію

не возвращался. Онъ соединился съ кавалеріей уже въ Польской Россіи, послѣ кампаніи, когда армія нашъ отдыхала.

Въ лагерѣ Его Царскаго Величества и въ фельдмаршальскомъ оставались въ бездѣйствіи до самаго 7-го іюля. Въ сей день фельдмаршалъ получилъ отъ Государя приказаніе оставлять постепенно лагерь и перевести свою малочисленную армію за рѣку, находившуюся у него въ тылу. Фельдмаршалъ ѣздилъ осматривать долину, назначенную имъ для новаго лагеря, и возвратясь, въ тотъ же день отдалъ въ приказѣ, что полки станутъ переправляться одинъ послѣ другаго во избѣжаніе смятенія, могущаго произойти на мостахъ въ случаѣ, если войска выступятъ всѣ въ одно время.

Генералъ Янусъ, на котораго возложено было исполненіе сего, взялъ съ собою бригадира Шенсова, дабы, въ случаѣ нападенія отъ непріятеля во время переправы, имѣть достаточную причину не употреблять офицера столь ненадежнаго. Онъ оставилъ его у моста, съ двумя маіорами и двадцатью драгунами, для надзиранія за исправностію въ исполненіи приказовъ.

8-го іюля, на упренней зарѣ, экипажи барона Денсберга, съ нѣсколькими полками, переправились по мосту, назначенному для пѣхоты. Между-тѣмъ экипажи генерала Януса потянулись было по мосту, назначенному для кавалеріи. Но фельдмаршалъ, самъ заблагоразсудивъ оставить лагерь, приказалъ переправить прежде свои, а остальнымъ экипажамъ генерала Януса не позволилъ переправиться прежде полковъ Астраханскаго и Ингерманландскаго съ ихъ обозами. Фельдмаршалъ во всякомъ случаѣ радъ былъ дѣлать непріятность иностраннымъ генераламъ.

9-го іюля съ утра войско и обозы потянулись, и только малая часть успѣла переправиться, какъ болѣе 30,000 Татаръ явились передъ лагеремъ. Войско остановили и потчасъ выстроили въ боевомъ порядкѣ подъ прикрытіемъ рогатокъ. Пикетъ отозвали; по приказанію генерала Януса два баталіона гренадеръ поставлены были на оба фланга, и въ семъ расположеніи стали ожидать приближенія Татаръ, дабы угостить ихъ картечью изъ тридцати орудій. Фельдмаршалъ, генералъ баронъ Денсбергъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ и бригадиръ баронъ Ремкингъ пріѣхали изъ новаго лагеря, гдѣ они находились съ прошедшаго дня. Фельдмаршалъ

былъ очень доволенъ мѣрами, приняпыми генераломъ Янусомъ для защищенія спараго лагеря въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Онъ опослалъ генерала Денсберга съ его бригадиромъ къ новому лагерю, для охраненія онаго, а въ спаромъ оспавилъ полько генералъ-лейпенанпа Оспена подъ начальспвомъ генерала Януса, съ полками, неуспѣвшими еще переправиться. Ихъ было довольно пропивъ и вдвое большаго числа Тапаръ.

Но какъ они часъ-опъ-часу умножались, по фельдмаршалъ приказалъ казакамъ и Молдаванамъ (находившимся въ новомъ лагерѣ) прогнапь и преслѣдовапь непріяпеля. Они пустились съ быспропою неимовѣрною, но копорая часъ-опъ-часу болѣе и болѣе ослабѣвала. Съ обѣихъ споронъ все кончилось скаканіемъ да кружніемъ.

Одинъ капипанъ, родомъ Венгерецъ, вспупившій въ службу Его Царскаго Величеспва, пакъ же, какъ и многіе изъ его соопечеспвенниковъ, послѣ паденія его свѣплоспи принца Рогоци, находился въ лагерѣ съ нѣсколькими Венгерцами, въ надеждѣ быпь упопребленнымъ въ дѣло. Онъ уговорилъ опрядъ казачій поддержапь его, обѣщаясь доказапь, что не пакъ-по мудрено управипься съ Тапарами. Казаки обѣщались опъ не-

го не опспавапь. Онъ бросился съ своими двенадцапью Венгерцами въ полпу Тапаръ и множеспво ихъ перерубилъ, пробиваясь сквозь ихъ кучи и разсѣвая кругомъ ужасъ и смерпь. Но казаки ихъ не поддержали, и они успупили множеспву. Тапары ихъ окружили, и всѣ принадцапь пали пупъ же, дорого продавъ свою жизнь; около ихъ легло 65 Тапаръ, изъ коихъ 14 были обезглавлены. Всѣхъ менѣе раненый изъ сихъ храбрыхъ Венгерцевъ имѣлъ 14 ранъ. Всѣ бывшіе, какъ и я, свидѣпелями ихъ неумѣспной храброспи, сожалѣли о нихъ. Даже наши конные гренадеры, хотя и Русскіе, пп. е., хопь и неочень жалоспливыя сердца, однако жъ просились на коней, дабы ихъ выручипь; но генералъ Янусъ не хопѣлъ взяпь на себя опвѣпспвенноспь и завязапь дѣло съ непріяпелемъ.

Пока Тапары привлекали на себя наше вниманіе, генералъ Янусъ, предвидя, чпо наше опспупленіе могло бынь обезпокоено еще бо́льшимъ числомъ Тапаръ и даже самими Турками, приказалъ переправинь всѣ корпусные экипажи, всѣхъ лопадей драгунскихъ и прочей кавалеріи и оспальные экипажи офицеровъ, дабы пѣмъ удобнѣе опспупинь до новаго лагеря пѣснина-

ми, ведущими къ мостамъ, что и производилось во весь поотъ день и въ ночи.

Между-тѣмъ Татары, не видя никакого движенія въ лагерѣ, гдѣ полки наши стояли все еще въ боевомъ порядкѣ за рогатками, ожидая смѣло ихъ нападенія, около третьяго часа по полудни отступили, наскакавшись вдоволь, и такимъ образомъ дали генералу Янусу возможность безопасно переправиться въ новый лагерь, куда вступилъ онъ самый послѣдній (10 іюля).

Онъ приказалъ разобрать оба моста и карауливть лодки. По нашу сторону рѣки они могли пригодиться. Къ нимъ нарядили капитана съ двумя-стами гренадеръ.

Того же дня фельдмаршалъ отдалъ приказъ отрядить по 200 человѣкъ съ бригады для дѣланія фашинныхъ мостовъ черезъ большой и глубокій ручей, называемый Малымъ Прутомъ, и пропекавшимъ во ста шагахъ отъ нашего новаго лагеря, дабы, въ случаѣ нужды, можно было поотчасъ выступить.

Мосты поспѣли къ полудню 11 іюля. Въ пять часовъ вечера, одинъ изъ генералъ-адъютантовъ

Его Царскаго Величества привезъ фельдмаршалу приказъ, въ слѣдствіе коего мы, 12-го іюля, оставили лагерь, и въ одной мили отъ онаго нашли Его Царское Величество. Вся армія тамъ соединилась, и такимъ образомъ расположилась вся на одной линіи. Царь съ полками: Преображенскимъ, Семеновскимъ, Астраханскимъ и Ингерманландскимъ стоялъ по лѣвую сторону, и слѣдственно въ авангардѣ. Дивизіи: Аллартта, Денсберга, Януса со всею остальною кавалеріей, Брюсъ съ артиллеріей и Вейде стояли на правой рукѣ лицомъ къ горѣ и имѣя Прутъ у себя въ тылу.

13-го, армія пошла въ походъ, принимая влѣво. Экипажи составляли вдоль Прута вторую колонну. Мы прошли три мили до ночи, и расположились лагеремъ, принявъ вправо (en faisant à droite). Пространство между рѣкою и горами не позволяло намъ расшириться и составить двѣ линіи. Мы спали въ томъ порядкѣ, какъ стояли наканунѣ и какъ цѣлый день маршировали (т. е. въ одну линію).

14-го, мы подвинулись еще на три мили, не видавъ ни города, ни деревни, но кое-гдѣ близъ лѣсовъ разсѣянныя лачужки, которыя показались намъ жалкими обителями. Это насъ удиви-

ло, пѣмъ болѣе, что на нашихъ карпахъ по берегамъ Пруна назначено было множество городовъ и деревень. Мы спали лагеремъ такъ же, какъ и въ предъидущіе два дни.

15-го, армія прошла еще три мили; но переходъ черезъ крутую гору, находящуюся на самомъ берегу рѣки, остановилъ войско. Мы доспигли мѣста, назначеннаго для лагеря, не прежде какъ въ три часа по полуночи. Мы въ потъ день видѣли за сей горою спаринную могилу одного Молдавскаго государя. Она имѣла видъ четвероугольной пирамиды, будучи гораздо шире въ основаніи, нежели въ высотѣ.

Молдаване, слѣдовавшіе за арміею, изъ коихъ многіе хорошо говорили по-Латини, разсказали намъ о ней слѣдующее преданіе:

Государь, покоящійся въ сей могилѣ, былъ великій воинъ, но несчастный во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Учинивъ нападеніе на земли одного изъ своихъ сосѣдей, онъ привлекъ его въ свои собственныя владѣнія. Оба войска сошлись и сразились въ той долинѣ. Кровопролитная битва длилась два дня. Молдавскій государь остался побѣдителемъ; непріятельское войско бы-

ло имъ испреблено или захвачено въ плѣнъ, а пропивникъ его найденъ былъ между мертвыхъ пѣлъ, пронзенный одиннадцатью спрѣлами. Но побѣдитель, въ то самое время, какъ приносилъ Богу благодареніе, умеръ отъ раны, полученной имъ въ томъ сраженіи, и которой онъ сгоряча не почувствовалъ. Онъ не имѣлъ дѣтей, и войско избрало себѣ въ государи одного изъ своихъ начальниковъ. Первымъ повелѣніемъ новаго государя было каждому воину, каждому Молдавскому жителю и каждому рабу принести на три фунта земли на сіе мѣсто. Онъ послѣ того воздвигнулъ эту земляную пирамиду, въ срединѣ коей находится комната со сводомъ. Тамъ похоронено тѣло его предшественника, а комната наполнена сокровищами, принадлежавшими его врагу. Потомъ входъ въ комнату былъ задѣланъ и пирамида окончена. На вершинѣ ея находилась площадка, сохранившаяся донынѣ; на ней возвышался трофей изъ оружія убитыхъ, нынѣ уже несуществующій. Повѣствователь присовокупилъ, что всѣ изъ государей, властвовавшихъ потомъ, которые хотѣли проникнуть въ сокровенную комнату, умерли прежде, нежели могли вынуть хоть одинъ камень загораждавшаго входа. Курганъ показался намъ тщательно покрытымъ дерномъ. Мы спросили у нашего Молдаванина:

кто смотритъ за могилою? Онъ отвѣчалъ, что жители, поселенные кругомъ въ трехъ миляхъ отселѣ, ежегодно въ мартѣ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ приходятъ стричь могилу ножницами, подобными тѣмъ, кои употребляются нашими садовниками. Онъ прибавилъ, что когда того не дѣлаютъ, тогда бываетъ неурожай. Въ заключеніе онъ насъ увѣрялъ, что съ тѣхъ поръ, какъ саранча напала на ихъ землю, все было ею разорено, кромѣ пространства, заключеннаго въ этихъ трехъ миляхъ окружности, куда она не залетала, хотя была вездѣ, и съ боковъ и сзади.

Этой исторіи и ея послѣдствіямъ мы повѣрили только отчасти, хотя повѣствователь и хвалился быть дворяниномъ и военнымъ человѣкомъ.

16-го, Его Царское Величество приказалъ выслать 1000 человѣкъ конныхъ гренадеръ, подъ начальствомъ г. полковника Ропа, съ двумя вожатыми, данными Царю самимъ господаремъ, слѣдовавшимъ за Его Величествомъ со всѣмъ своимъ Молдавскимъ дворомъ. Полковникъ Ропъ имѣлъ повелѣніе изъѣздить всю сторону, находившуюся влѣво отъ арміи вдоль Прута, дабы удостовѣриться, возможно ли непріятелю на-

пасть на насъ съ-тыла? Онъ возвратился вскорѣ и объявилъ намъ, что капитанъ, наряженный съ двумя спами гренадерами для охраненія лодокъ, сосплавлявшихъ моспы фельдмаршальскаго лагеря, и который подвигался вмѣспѣ съ арміей, былъ убитъ, а съ нимъ и всѣ его люди. Жители, бывшіе при полковникѣ, видѣли его за двѣ мили опъ лагеря и показали ему побоище. Они сказывали, что Татаре, въ числѣ 20,000, переправились чрезъ рѣку, каждый держась за хвоспъ своей лошади, и неожиданно напали на капитана въ одной пѣснинѣ, гдѣ онъ и погибъ съ своимъ опрядомъ.

Это заспавило Его Царское Величество расположить вдоль рѣки гренадерскіе взводы въ нѣкоторомъ разспояніи одинъ опъ другаго, имѣвшіе между собою коммуникацію и начальспвуемые однимъ подполковникомъ, двумя капитанами и четырьмя поручиками.

Въ попъ же день генералъ князь Рѣпнинъ, сдѣлавъ усиленный переходъ, спалъ на той же линіи и занялъ правую руку или аррьергардъ.

Армія наша, вся вмѣспѣ соспоявшая изъ 79,800 человѣкъ, не счипая казаковъ и Молда-

ванъ, и, по отпряженіи войскъ въ Валахію и на охраненіе Сороки, Могилева и Яссъ, все еще составлявшая 55,000, уже не составляла и 47,000, какъ по оказалось на смотру, сдѣланномъ 17 іюля по приказанію Государя: слѣдствіе безпрестанныхъ прудовъ, перенесенныхъ полками, изъ коихъ пѣхотные шли безъ отдыха отъ самаго 24 февраля (нов. ст.). По счастію, смертность пала по большой части на однихъ рекрутъ, которые видимо шалили. Это могу я доказать моими табелями, которыя я сохранилъ. Изъ всѣхъ четырехъ полковъ моей бригады, составлявшихъ 4000 человѣкъ, на семъ смотру 724 оказались, убывшими изъ коихъ только 56 убиты въ помянутомъ сраженіи при пикетѣ.

17-го, генералу Янусу повелѣно быть готову выступить рано утромъ со всею нашею конницею и съ генералами, ею начальствовавшими, и явиться за часъ передъ свѣтомъ въ палатки Его Царскаго Величества, дабы получить отъ него приказанія касательно того похода. Какъ я имѣлъ честь приносить ему приказы и всякій день приходить узнавать отъ него, не было ли чего прибавить для бригады, то я явился къ нему. Онъ просилъ меня пріѣхать за нимъ на

другой день за полпора часа до свѣту и сопроводилъ его къ Царю, къ чему я съ охотою и приготовился. И такъ 18-го передъ свѣтомъ явились мы къ Его Царскому Величеспву.

Государь отдалъ генералу свои повелѣнія, и какъ ни онъ, ни я по-Русски не разумѣли, то Его Величество повелѣлъ ихъ объяснить на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкѣ, и вручилъ намъ тотъ же приказъ, писанный по-Русски съ Латинскимъ переводомъ на оборотѣ.

Приказъ состоялъ въ томъ, чтобы намъ идти по рѣкѣ Пруту восемь миль (или 16 льё) до того мѣста, гдѣ Турки, по донесеніямъ скороходовъ или шпіоновъ (coureurs ou espions), должны были наводить свои мосты. Еслибы генералъ ихъ нашелъ, то долженъ онъ былъ на нихъ ударить и уничтожить ихъ работу, коли только мосты не могли намъ пригодиться и которые въ нашихъ рукахъ. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ извѣстить обо всемъ Государя черезъ четырехъ драгуновъ, посланныхъ черезъ полчаса одинъ послѣ другаго. Въ случаѣ же если Турковъ не вспрѣпимъ, то идти къ Дунаю и тамъ остановиться, о чемъ также донести.

Выслушавъ приказъ и хорошо его понявъ, мы приступили къ исполненію онаго: выступили изъ лагеря въ пять часовъ и пошли по одной линіи эскадронъ за эскадрономъ. Экипажи наши тянулись въ другую линію вдоль берега Прута, въ избѣжаніе нечаяннаго нападенія. Мы опрядили впередъ на довольно большое разстояніе двухъ конныхъ гренадеръ съ обнаженными палашами; за ними шесперо другихъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ, и подкрѣпили ихъ двумя-спами рейтаровъ (maitres?), дабы могли они выдержать первые выстрѣлы и дать намъ время съ выгодою аппаковать непріятеля. Въ такомъ порядкѣ, какъ мы, такъ и нашъ обозъ, шли безъ помѣшательства и довольно скоро. Около 11 часовъ утра, прошедъ не болѣе какъ двѣ мили (или 4 Французскихъ льё), вдругъ очутились мы, совсѣмъ неожиданно, въ тѣснинѣ весьма узкой, ибо рѣка протекала ближе къ горѣ, около которой мы все еще тянулись. Генералъ Янусъ, г. Видманъ (генералъ-маіоръ) и я поѣхали къ передовому отряду гренадеръ, которые остановились и дали намъ знать, что чѣмъ далѣе они ѣхали, тѣмъ у́же спановилась дорога.

Генералъ Янусъ приказалъ войску остановиться для отдыха, и мы отправились высматривать мѣстоположеніе. Земля, непримѣтно воз-

вышаясь, закрывала опъ насъ спорону, находившуюся передъ нами. Когда доспигли мы послѣдней почки сего возвышенія, увидѣли передъ собою широкую долину и, казалось, весьма гладкую, а вдали множеспво бѣлыхъ головъ, скачущихъ по долинѣ съ большою ловкоспію и быспропою Мы попчасъ съѣхали влѣво въ гуспопу деревъ, распущихъ на берегу Прупа. Мы подъѣхали, какъ можно, ближе къ непріяпелю и наконецъ усмопрѣли два укрѣпленія (deux têtes-de-ponts traisées et palissadées en forme de demi-lune), защищаемыя множеспвомъ пѣхопы, копорую признали мы въ послѣдспвіи, по ся колпакамъ, за Янычаровъ. За ними увидѣли мы два гоповые моспа, черезъ копорые крупной рысью переправлялась конница и соединялась съ пою, копорая находилась уже въ долинѣ.

Высмопрѣвъ все добрымъ порядкомъ, всѣ вмѣспѣ и каждый особо: генералъ Янусъ, Видманъ и я, возвранились рысью по той же дорогѣ, и соединились съ нашими полками. Тупъ мы держали совѣпъ всѣ прое между собою, ибо генералъ не имѣлъ никакой довѣренноспи къ князю Волконскому и къ Вейсбаху (генералъ-маіорамъ), а пого менѣе къ бригадиру Шенсову.

Нечего было теряпь времени. Мы рѣшились спѣшипь нашу конницу и выспроипь ее въ

карре, поставя экипажи въ срединѣ. Генералъ написалъ письмо къ Государю. Мы перенесли нашу маленькую артиллерію въ аррьергардъ и на оба фланга, между третьимъ и четвертымъ рядомъ (войско выстроено было въ 4 шеренги). Мы приказали артиллерійскимъ офицерамъ зарядить пушки картечью, а коннымъ гренадерамъ, составлявшимъ нашъ аррьергардъ (или фронтъ каррея со стороны Турокъ), не стрѣлять безъ приказанія, что̀ бы ни случилось, и лечь на брюхо при первой командѣ. Когда наши 32 орудія были уставлены, тогда мы вывели изъ рядовъ слабыхъ и больныхъ солдатъ, большею частію рекрутъ, и приказали имъ держать лошадей, находившихся, какъ и экипажи, въ центрѣ карре. Мы препоручили авангардъ князю Волконскому, правый флангъ авангарда Вейсбаху, величайшему трусу во всей Германіи, а лѣвый бригадиру Шенсову. Видманъ и я, по волѣ генерала, остались при его особѣ.

Опъ роду мы не видывали офицеровъ столь смущенныхъ, какъ нашихъ трехъ авангардныхъ генераловъ. Безпокойство ихъ очень забавляло насъ въ аррьергардѣ и вселяло въ насъ истинную къ нимъ жалость.

Въ семъ порядкѣ мы двинулись, дабы возвратиться туда, откол̀ѣ мы пришли (?). Генералъ

Янусъ, Видманъ и я дивились исправности свѣдѣній, доставляемыхъ Его Царскому Величеству его шпіонами: въ двухъ миляхъ отъ лагеря находили мы два моста, наведенные и укрѣпленные, когда предполагали найти ихъ еще только начатыми въ 8-ми миляхъ, и то ненавѣрное. Вдругъ драгунъ, оставленный нами въ тылу, выстрѣлилъ вмѣсто сигнала и прискакалъ къ намъ. Мы скомандовали полу-оборотъ направо арьергарду, полу-оборотъ вправо и влѣво флангамъ, и такимъ образомъ составили фронтъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Только-что успѣли выстроиться, какъ увидѣли мы двѣ толпы въ чалмахъ, скачущія треугольникомъ и ревущія во все горло, какъ бѣшеныя, думая насъ уничтожить. Но какъ скоро они приблизились, первый рядъ нашихъ гренадеровъ легъ наземь, и мы встрѣтили ихъ залпомъ изъ 12 орудій миніатюрной нашей артиллеріи, что удержало ихъ стремленіе, охладило ихъ пылкость и лишило ихъ очень многихъ товарищей. Однако жъ это не помѣшало имъ насъ окружить. Но встрѣтя со всѣхъ сторонъ отпоръ и видя, что нападать на насъ опасно, они довольствовались тѣмъ, что издали досаждали намъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ и своими стрѣлами.

Здѣсь, милостивая государыня, долженъ я вамъ чистосердечно признаться, что, будучи пріученъ къ огню шестью генеральными сраженіями и четырнадцатью осадами, при коихъ присутствовалъ я съ пѣхъ поръ, какъ служу, между прочими при осадѣ Монмеліяна въ 1691 и Намура въ 1692, я столько опасаюсь огня, сколько по надлежитъ человѣку доброму и твердому; но мысль о стрѣлахъ была для меня столь ужасна, что я внутренне боялся ихъ, того не показывая. Однако жъ, когда я увидѣлъ ихъ малое дѣйствіе, я къ нимъ привыкъ и сталъ смотрѣть на нихъ какъ на чучела, стыдясь моего паническаго страха.

Было два часа пополудни на нашихъ часахъ, какъ Турки къ намъ приблизились и съ нами поздравствовались. Съ той поры до десяти часовъ вечера болѣе пятидесяти тысячъ ихъ сидѣли у насъ на шеѣ, не смѣя ни ударить на насъ, ни разстроить насъ. Единственный ихъ успѣхъ состоялъ въ замедленіи нашего марша. Они такъ часто насъ останавливали, что опъ двухъ часовъ до десяти прошли мы не болѣе какъ четверть мили. Ночью, однако, сдѣлали они важную ошибку, которою мы и воспользовались, не имѣя никакой охоты пропустить случай соеди-

нипься съ нашимъ центромъ, т. е. со всею арміей: они всѣ, безъ изъятія, при наступленіи ночи, репировались въ ту сторону, опкуда явились. Замѣтивъ сіе, генералъ отправилъ адъютанта на лучшей своей лошади съ донесеніемъ Государю обо всемъ, что̀ произошло съ пѣхъ поръ, какъ имѣлъ онъ честь писать Его Величеству. Онъ рѣшился идти ночью, какъ можно поспѣшнѣе, и мы прошли болѣе мили довольно скоро и безъ всякаго препятствія. Теперь признайтесь, что если бы господа бѣлые колпаки отрѣзали намъ дорогу, выставя предъ нами толпу своей конницы и оставя таковую же у насъ въ тылу, то мы бъ принуждены были ночью стоять и, можетъ быть, не успѣли бы на другой день соединиться съ нашей арміей, и были бы принуждены уступить усталости, если ужъ не силѣ.

Турки догнали насъ на разсвѣтѣ въ бо̀льшей силѣ, нежели наканунѣ; но все безъ пѣхоты и безъ артиллеріи. Они безпокоили насъ стрѣльбою безпрерывно. Около пяти часовъ упра увидѣли мы пѣхоту, приближающуюся къ намъ на помощь, и которая гордымъ и медленнымъ своимъ движеніемъ вселила робость въ скакуновъ и наѣздниковъ. Генералъ баронъ Денсбергъ со всею

дивизіей шелъ на обезпеченіе нашего отступленія. Корпусъ его соединился съ нашимъ; онъ смѣнилъ нашихъ конныхъ гренадеръ, находившихся безпрестанно въ арріергардѣ двумя своими гренадерскими баталіонами и далъ почувствовать непріятелю безпрерывнымъ и сильнѣйшимъ огнемъ, что не такъ-то легко было насъ смять и помѣшать намъ соединиться съ арміею *.

Армія Его Царскаго Величества не ожидала, когда мы выступали, чтобы мы къ ней возвратились съ такимъ прекраснымъ и многочисленнымъ обществомъ. Однако такъ случилось къ величайшему нашему сожалѣнію, и едва вступили мы въ лагерь, какъ увидѣли противоположную гору, покрытую непріятельскими полками.

Генералъ-фельдмаршалъ тремя пушечными выстрѣлами далъ сигналъ всей линіи выстроиться въ боевомъ порядкѣ, что̀ и было тотчасъ исполнено. Какъ Турки подступали съ лѣвой спо-

* Петръ негодовалъ на генерала Януса; въ журналѣ его сказано: «и конечно могъ оный Янусъ ихъ задержать (Турковъ), ежели бъ сдѣлалъ такъ, какъ доброму человѣку надлежитъ.» Но, какъ замѣчаетъ генералъ Бутурлинъ въ исторіи Русскихъ походовъ, ничто не могло помѣшать визирю перейти Прутъ повыше того мѣста и стать втылъ Русской арміи. *Прим. А. С. П.*

роны, по Преображенцы, Семеновцы и полки Ингерманландскій и Астраханскій выперпѣли по большей части огонь непріятельскій, и во весь поп'ъ день почти не имѣли покоя.

Я не говорилъ, милостивая государыня, о потерѣ, претерпѣнной нами во время отступленія, и, можетъ быть, полагаете вы, что мы никого не потеряли. Это было бы слишкомъ счастливо. Довольно ужъ и того, что мы не погибли подъ усиліями пятидесяти тысячъ человѣкъ, сражавшихся противу восьми и менѣе. Мы лишились одного подполковника, двухъ капитановъ, трехъ поручиковъ. Ранены были: подполковникъ моего полка, два поручика и присп'а съ чѣмъ-то драгуновъ и другихъ конныхъ рядовыхъ; раны большею частію были легкія. Генералъ баронъ Денсбергъ потерялъ одного пѣхотнаго полковника, о которомъ весьма сожалѣли, семь или восемь раненыхъ офицеровъ, 160 рядовыхъ убитыми и 246 ранеными; все это менѣе, нежели въ два часа съ половиною времени. Нѣтъ сомнѣнія, что весь нашъ отрядъ былъ бы истребленъ, если бы непріятель ранѣе могъ насъ замѣтить. Но онъ далъ намъ время выстроиться въ карре, что и способствовало намъ удержаться и спасло насъ отъ смерти или рабства.

Около пяти часовъ вечера, 19-го іюля, Его Царское Величество приказалъ призвать своихъ генераловъ, дабы совѣщоваться съ ними о томъ, на что надлежало рѣшиться. Генералы: Янусъ, Аллартъ, Денсбергъ, генералъ-поручики Остенъ и Беркгольцъ явились, но ни одинъ изъ генераловъ Русскихъ, ни изъ министровъ Его Величества не показался. Даже и генералъ-фельдмаршала тутъ не было. Генералъ Янусъ взялъ меня съ собою, и такимъ образомъ былъ я свидѣтелемъ всего, что ни происходило. На семъ-по совѣтѣ генералъ Янусъ представилъ Его Величеству о небреженіи, оказываемомъ иностранными его генералами, къ которымъ прибѣгали только тогда, какъ дѣла были уже въ опчаянномъ положеніи. Онъ сказалъ, что онъ, будучи начальникомъ всей кавалеріи и первымъ генераломъ арміи, не былъ заранѣе увѣдомленъ о предположеніяхъ всего похода. Онъ жаловался потомъ на неуваженіе министровъ и Русскихъ генераловъ, и въ заключеніе сказалъ Его Царскому Величеству, что тѣ же самые люди, которые завлекли армію въ лабиринтъ, должны были и вывести ее. Всѣ иностранные генералы съ большимъ удовольствіемъ слушали генерала Януса. Царь всячески обласкалъ его, и всѣ стали думать объ исправ-

леніи запутаннаго положенія, въ которомъ находилась армія.

Турокъ, слишкомъ приблизившійся къ нашему лѣвому флангу, во время нашего отступленія, схваченъ былъ шестью нашими конными гренадерами и приведенъ къ генералу Янусу, который приставилъ къ нему строгій караулъ и потчасъ по вступленіи въ лагерь отослалъ его къ Государю.

Плѣннаго допросили. Онъ показалъ, что Турецкая армія состояла изо ста-пятидесяти тысячь, т. е. изъ 100,000 конницы и 50,000 пѣхоты, что вся конница должна была къ вечеру соединиться, но что пѣхота, при которой находилось 160 артиллерійскихъ орудій, не могла прибыть прежде, какъ къ завтрашнему дню около полудня.

По симъ извѣстіямъ, послѣ оказавшимся достовѣрными, приняты были въ совѣтѣ слѣдующія мѣры:

Положено было арміи воротиться назадъ, устроясь въ карре и оградясь рогатками; экипажи, конница и артиллерія должны были оста-

ваться въ центрѣ, и въ такомъ порядкѣ надлежало спарапься по возможности совершить небезславное отступленіе. Недостатокъ конницы болѣе всего могъ намъ повредить. Наши лошади были совсѣмъ изнурены, а Турецкія свѣжи и сильны.

Отданъ былъ приказъ въ слѣдствіе сихъ положеній. Армія все еще находилась въ боевомъ порядкѣ, на одной линіи, съ своими рогатками передъ собою. Повелѣно было всѣмъ генераламъ и офицерамъ уменьшить по возможности свои экипажи и жечь все ими бросаемое.

При наступленіи ночи, Государь, Государыня Императрица, министры и весь дворъ перенеслись на правую сторону съ лѣвой, которая стала авангардомъ. Между-тѣмъ готовились устроить батальонъ-карре, что и сдѣлано было въ ночь. Гора, по которой разсѣяна была Турецкая конница, явилась намъ вся въ огняхъ, разложенныхъ непріятелемъ.

Ненужно сказывать вамъ, что ночь эта прошла въ смятеніи и безпорядкѣ. Мы видѣли, что Турки на горѣ то подвигались впередъ, то шли назадъ, и не могли судить о ихъ намѣреніи ина-

че, какъ на-угадъ. Генералъ баронъ Алларшъ, генералъ баронъ Оспенъ и я занимали попъ же поспъ и находились близко другъ опъ друга. И какъ главнымъ предметомъ была для насъ гора, занимаемая непріятелемъ, то мы только и спарались понять, что происходило тамъ, и къ чему клонились эти марши и контръ-марши, замѣченные нами передъ наступленіемъ ночи. Мы подумали, что намѣреніе непріятеля было окружить нашу армію и напасть на нее со всѣхъ сторонъ. Это казалось намъ очевидно по движенію полковъ, которые возвращались къ тому мѣсту, откуда пришли, дабы обойти лѣвый нашъ флангъ и растянуться вдоль берега Прута, съ коего имѣли предосторожность снять всѣ наши посты.

Непріятелю легче было судить о нашихъ движеніяхъ. Онъ стоялъ надъ нами на высотѣ и лагерь нашъ былъ освѣщенъ, какъ среди бѣлаго дня, безчисленнымъ множествомъ фуръ и телегъ, сожигаемыхъ въ слѣдствіе повелѣнія.

Въ эту ночь не прошли мы четверти мили. Мы осмотрѣлись уже на разсвѣтѣ, и тогда только увидѣли опасность, въ которой находились. Постарались исправиться, каждый на сво-

емъ посту. Одной только важной ошибки, сдѣланной княземъ Рѣпнинымъ, не могли исправить прежде цѣлыхъ шести часовъ.

Генералъ сей начальствовалъ правымъ флангомъ нашего карре и не разсудилъ, что, какъ ни медленно подвигалась голова отряда, хвостъ его непремѣнно долженъ слѣдовать за нею рысью и вскачь, дабы не отставать; онъ прошелъ усиленнымъ маршемъ, думая, что все дѣло состояло въ томъ, чтобъ уйти какъ можно далѣе Такимъ образомъ разрѣзалъ онъ флангъ, и чѣмъ далѣе подвигался, тѣмъ шире становился промежуткъ, имъ оставленный.

Экипажи, заключенные въ центрѣ, растянулись на просторѣ, полагая себя огражденными рогатками, и такъ-то растянулись, что большая часть отдѣлилась отъ батальона - карре и шла въ степи безъ всякаго прикрытія. Турки, замѣтивъ оплошность и видя, что экипажи составляли уголъ, незащищенный никакимъ отрядомъ, скользнули вдоль праваго фланга подъ нашимъ огнемъ, отрѣзали всѣ экипажи, вышедшіе изъ батальона, и захватили ихъ. Экипажей было тутъ довольно: болѣе двухъ тысячъ пятисотъ каретъ, колясокъ, телегъ малыхъ и боль-

шихъ попались въ руки непріятелю. Здѣсь-то, милостивая государыня, поперялъ я свою карету и весь свой обозъ. Я успѣлъ спасти только une petite paloube съ моимъ бѣльемъ и платьемъ, довольно порядочнымъ.

Нѣсколько дамъ были умерщвлены съ дѣтьми своими въ каретахъ. Жена подполковника Рона, взятаго въ плѣнъ въ сраженіи при никепѣ, погибла съ тремя своими дѣтьми. Почти всѣ слуги, управлявшіе экипажами, или тутъ же замѣшавшіеся, имѣли ту же участь.

Ошибка князя Рѣпнина была замѣчена, но слишкомъ поздно. Посланъ былъ къ нему одинъ изъ адъютантовъ Его Величества съ повелѣніемъ остановиться. Между тѣмъ выставили нѣсколько артиллерійскихъ орудій въ промежуткъ праваго фланга, дабы отогнать непріятеля и воспрепятствовать ему прорваться. Цѣлыхъ пять часовъ употреблено было на исправленіе ошибки, непростительной для генерала. Турки, окружавшіе насъ со всѣхъ сторонъ, съ утра самаго не оставляли насъ въ покоѣ, усиливая огонь.

Это было причиною тому, что Турецкая пѣхота и артиллерія въ теченіе дня успѣла насъ догнать.

Генералъ баронъ Аллардпъ былъ легко раненъ въ руку; зятпь его подполковникъ Лiенро (Lien-rot) раненъ былъ смертельно близъ него; генералъ-маiоръ Волконскiй также. Всѣ трое были на лѣвомъ флангѣ, на углу фронта арріергарда (près de l'angle du front de l'arrière-garde). Генералъ-лейтенантпъ баронъ Остенъ раненъ былъ въ правое плечо, чтò не помѣшало ему надзирать за безопасностiю своего поста, гдѣ чрезвычайно спало жарко, когда догнала насъ Турецкая пѣхота.

Около пяти часовъ вечера фронтъ нашего батальонъ-карре дошелъ до рѣки Прута. Его Величество приказалъ остановиться и выстроиться. Арріергардъ, сдѣлавъ полу-оборотъ направо, сталъ нашимъ правымъ флангомъ, а правый флангъ лѣвымъ. Едва успѣли мы произвести сiе нужное движенiе, какъ Турки уперлись своими обоими флангами къ рѣкѣ и заключили насъ съ трехъ сторонъ двойною линiей, расположенной полукружiемъ. Нѣсколько времени спустя, горы, находящiяся по той сторонѣ рѣки, заняты были Шведами, Поляками Кiевскаго Палатина и Буджацкими Татарами.

Выстроенные въ батальонъ-карре и со всѣхъ

сторонъ обращенные лицомъ къ непріятелю, мы завалили землею наши рогатки, и пока часть полковъ погребала насъ, остальная производила безпрестанный огонь на непріятеля, который съ своей стороны также укрѣплялся.

Около семи часовъ, какъ я возвращался къ генералу Янусу, начальствовавшему на правомъ флангѣ, гдѣ находился и мой постъ, исполнивъ данное имъ порученіе, я былъ раненъ пулею въ правую руку, но довольно легко, и могъ оспаться на своемъ мѣстѣ, гдѣ люди падали въ числѣ необыкновенномъ, ибо непріятельская артилерія почти не давала промаха. Въ восемь часовъ вечера при орудія были у меня сбиты. Его Величество, посѣтившій мой постъ, какъ и прочіе, приказалъ ихъ исправить въ ночь и присовокупить двенадцати-фунтовое орудіе.

Могу засвидѣтельствовать, что Царь не болѣе себя берегъ, какъ и храбрѣйшій изъ его воиновъ. Онъ переносился повсюду, говорилъ съ генералами, офицерами и рядовыми нѣжно и дружелюбно (avec tendresse et amitié), часто ихъ разспрашивая о томъ, что происходило на ихъ постахъ.

При наступленіи ночи роздали намъ, по 800 на каждый полкъ, новоизобрѣтенныхъ ножей, съ трехъ сторонъ острые какъ бритвы, которые, будучи сильно брошены, втыкались въ землю; намъ повелѣли ихъ бросать не прежде, какъ когда непріятель вздумаетъ насъ аттаковать. Въ эту ночь непріятель сдѣлалъ только два покушенія: одно, при свѣтѣ фейерверка, на постъ, занимаемый генералъ-поручикомъ Остенъ-Сакеномъ, а другое на постъ генералъ-маіора Буша. Ихъ отразили съ той и другой стороны. Они приблизились снова уже на разсвѣтѣ и дали знать о себѣ безпрерывнымъ огнемъ изъ ста-шестидесяти пушекъ, поддержанныхъ безпрестанной пальбою ихъ конницы и пѣхоты.

Будемъ справедливы. Генералы: Янусъ, Аллардтъ и Денсбергъ, генералъ-поручики Остенъ и Беркгольцъ, генералъ-маіоры Видманъ и Бушъ и бригадиръ Ремкингъ сдѣлали болѣе, нежели можно пересказать. Между-тѣмъ какъ Русскіе начальники показывались только ночью, а днемъ лежали подъ своими экипажами, генералы иностранные были въ безпрестанномъ движеніи, днемъ поддерживая полки въ ихъ постахъ, исправляя уронъ, нанесенный непріятелемъ, давая отдыхать солдатамъ наиболѣе усталымъ и смѣняя

ихъ другими, находившимися при поспахъ, менѣе подверженныхъ нападенію непріятеля.

Коли ночь показалась намъ коротка, потому что не были мы обезпокоены, то утро запо показалось намъ очень долгимъ, по причинѣ быстраго и безпрестаннаго непріятельскаго огня, отъ котораго много мы терпѣли, по крайней мѣрѣ на правомъ нашемъ флангѣ, со стороны фронта. Войско, приближенное къ рѣкѣ, было совсѣмъ безопасно.

Около девяти часовъ утра Его Величество, коему не безызвѣстно было, что иностранные генералы одни могли спасти его арміи, приказалъ позвать ихъ въ центръ экипажей, гдѣ находилась его палатка. Генералъ Янусъ, котораго Царь приглашалъ особенно вмѣстѣ съ барономъ Остеномъ, взялъ меня съ собою къ Его Величеству. Государь милостиво освѣдомился о моей ранѣ, которая очень меня безпокоила, потому что я только еще промывалъ ее виномъ, даннымъ мнѣ генералъ-маіоромъ Бутомъ. У меня не было ни капли. Телеги мои были въ числѣ тѣхъ, которыми овладѣли Турки.

Государь, генералъ Янусъ, генералъ-поручикъ

Оспенъ и фельдмаршалъ держали долгое тайное совѣщаніе. Потомъ они всѣ подошли къ генералу барону Аллардту, лежавшему въ каретѣ по причинѣ раны, имъ полученной, и тутъ, между каретою сего генерала и каретою баронессы Оспенъ, въ которой находилась г-жа Бушъ, положено было, что фельдмаршалъ будетъ писать къ великому визирю, прося отъ него перемирія, дабы безопасно приступить къ примиренію обоихъ Государей.

Трубачь генерала Януса отправился съ письмомъ, и мы ожидали отвѣта, каждый на своемъ посту, какъ объявили намъ о смерти генералъ-маіора Видмана.

Это было невозвратная потеря для Царя. Видманъ былъ человѣкъ достойный и честный, прямой, правдивый, добрый товарищъ и хорошій кавалерійскій офицеръ, основательно знавшій свое дѣло. Всѣ объ немъ сожалѣли, тѣмъ болѣе, что онъ находился не на своемъ посту: онъ служилъ въ дивизіи генерала Рене и долженъ былъ бы съ нимъ отправиться въ Валахію, если бъ Его Царское Величество не оставилъ его въ своей арміи, изъ уваженія къ нему.

Не прошло двухъ часовъ по опъѣздѣ трубача, какъ увидѣли мы, что онъ возвращается съ агою Янычаровъ. Турокъ прибылъ на постъ, гдѣ находился генералъ-поручикъ Беркгольцъ, и сказалъ ему на Арабскомъ языкѣ, на которомъ Беркгольцъ изъяснялся хорошо, что великій визирь соглашался на требуемое перемиріе, и давалъ намъ знать, чтобъ мы прекратили нашъ огонь (что̀ и съ ихъ стороны будетъ учинено), и чтобы мы присылали коммиссаровъ для переговоровъ о мирѣ.

Мы не дождались повелѣній генералъ-фельдмаршала и остановили огонь, каждый на своемъ посту, и въ минуту на той и другой сторонѣ водворилось спокойствіе.

Не прошло и двухъ часовъ со времени, что перемиріе было объявлено и что баронъ Шафировъ отправился въ лагерь великаго визиря въ качествѣ коммиссара съ препорученіемъ трактовать о мирѣ, какъ увидѣли мы всю Турецкую армію около нашихъ рогатокъ: Турки пріѣхали насъ навѣстить и полюбоваться нами въ нашей клѣткѣ. Наконецъ они такъ приблизились, что генералы наши возымѣли подозрѣніе, особенно генералъ Янусъ, который послалъ г-на Беркголь-

ца къ великому визирю, прося его приказать войску своему возвратиться въ окопы и учредить караулы для удержанія Турокъ въ повиновеніи, что̀, съ нашей стороны, должны были сдѣлать и мы.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ возвратился съ тѣмъ же Янычарскимъ агою, который однимъ словомъ погналъ всю Турецкую армію въ ея окопы. Онъ разставилъ потомъ караулы (vedettes) со стороны ихъ, а мы съ нашей.

Признаюсь, милостивая государыня, изо всѣхъ армій, которыя удалось мнѣ только видѣть, никогда не видывалъ я ни одной прекраснѣе, величественнѣе и великолѣпнѣе арміи Турецкой. Эти разноцвѣтныя одежды, ярко освѣщенныя солнцемъ, блескъ оружія, сверкающаго наподобіе безчисленныхъ алмазовъ, величавое однообразіе головнаго убора, эти легкіе, но завидные кони— все это на гладкой степи, окружая насъ полумѣсяцемъ, составляло картину невыразимую, о которой, не смотря на все мое желаніе, я могу вамъ дать только слабое понятіе.

Когда увидѣли, что дѣло клонилось къ миру не на шутку, мы отдохнули, перемѣнили бѣлье

и платье. Вся наша армія походила на трубочистовъ: попъ, пыль и порохъ такъ покрывали насъ, что мы другъ друга ужъ не узнавали. Менѣе нежели черезъ три часа всѣ явились въ зо-лотѣ, всякій одѣлся какъ можно великолѣпнѣе.

22-го вечеромъ узнали черезъ барона Шафирова, прибывшаго изъ Турецкаго лагеря для объясненій съ Его Величествомъ о нѣкоторыхъ спорныхъ пунктахъ и черезъ часъ уѣхавшаго обратно, что все шло хорошо и что конечно миръ будетъ заключенъ.

Не могу, милостивая государыня, здѣсь не упомянуть о благоразумномъ поступкѣ, который заставилъ насъ уважать Турецкій народъ. Какой-то спаги, или, что все равно, всадникъ, перешелъ за указную черту и явился близъ моего поста, гдѣ прогуливался я съ сыномъ барона Денсберга, подполковникомъ въ Бѣлозерскомъ полку, и съ генералъ-маіоромъ Вейсбахомъ.

Этотъ спаги говорилъ что-то нашимъ драгунамъ, находившимся за рогатками, размахивая своею саблею, и полагая, что мы понимали его нарѣчіе. Офицеръ, разъѣзжавшій около ихъ лагеря, замѣтилъ, что спаги перешелъ за поло-

женную черпу, и, давая знакъ возвращиться въ лагерь, съ твердостію выговаривалъ ему. Спаги его не послушался; офицеръ, послѣ двукратнаго требованія, приблизился къ нему молча, и махомъ своей сабли чисто опрубилъ руку, которая упала съ саблею къ нашимъ ногамъ; потомъ, продолжая путь свой съ тѣмъ же хладнокровіемъ, проспился съ нами, коснувшись рукою чалмы своей. Спаги не спалъ трапить времени и ускакалъ во весь опоръ, оставя руку и саблю у ногъ молодаго Денсберга. Сей поступокъ невѣрнаго служитъ урокомъ для Христіанъ, съ какою строгостію должно хранить свое слово, данное и непріятелямъ.

22-е и 23-е числа прошли въ нетерпѣливомъ ожиданіи столь нужнаго и столь желаемаго мира. Положеніе, въ которомъ мы недавно находились, того требовало. Оно было ужасно. Смерть или рабство — не было средины. Намъ должно было выбрать изъ двухъ одно, еслибъ великій визирь сдѣлалъ свое дѣло и служилъ съ усердіемъ государю своему. Надлежало ему только быть осторожнымъ, укрѣпляться въ окопахъ и оставаться въ бездѣйствіи. Армія наша не имѣла провіанта; пятый день большая часть офицеровъ не ѣли хлѣба; тѣмъ-паче солдаты,

копорые пользуюпся меньшими удобноспями. Лошади были изнурены (étoient depuis le même tems au filet); нѣкопорые генералы имѣли при себѣ нѣсколько кулей овса, и кое-какъ поддержи-вали своихъ лошадей; оспальные же кони лизали землю и были пакъ изнурены, чпо когда при-шлось упопребипь ихъ въ дѣло, по не знали, сѣд-лапь ли, запрягапь ли ихъ, или нѣпъ.

Вечеромъ 23 іюля (по спарому спилю) бри-гадиры получили приказъ опобрапь розданные ножи, по 800 на каждый полкъ, и побросапь ихъ ночью въ рѣку черезъ надежныхъ офице-ровъ. Узнали пакже, чпо въ арпиллерійскомъ паркѣ зарыпо было множеспво пороху, бомбъ, гранапъ и ядеръ, пакже и оружія, предвари-пельно сломаннаго, чпо̀ предвѣщало намъ ко-нецъ нашимъ бѣдспвіямъ.

Наконецъ, милоспивая государыня, 24-го уви-дѣли мы одну изъ придворныхъ повозокъ (pa!ou-be), въ копорой везли на 200,000 червонцевъ золопа и вещей, обѣщанныхъ барономъ Шафи-ровымъ въ подарокъ великому визирю. Въ пол-день, Его Царское Величеспво чрезъ своего ге-нералъ-адъюпанпа объявилъ всѣмъ генераламъ, чпо онъ заключилъ съ Порпою пвердый, неко-

лебимый и вѣчный миръ, и приказалъ дать знать о томъ всѣмъ офицерамъ и рядовымъ своей арміи.

Еслибы сказали намъ 22 іюля утромъ, что миръ заключенъ будетъ такимъ образомъ 24-го, по всякій почелъ бы конечно мечтателемъ и сумасшедшимъ того, кто бъ осмѣлился ласкать насъ надеждою на такое несбыточное счастіе. Я помню, что когда трубачь генерала Януса отправился съ письмомъ фельдмаршала, въ которомъ просилъ онъ перемирія, генералъ сказалъ намъ, возвращаясь къ нашимъ постамъ, что тотъ, кто завелъ Его Царское Величество въ это положеніе, долженъ былъ быть величайшимъ безумцемъ всего свѣта; но что если великій визирь приметъ наше предложеніе въ настоящихъ обстоятельствахъ, то это первенство принадлежитъ ему. Богу угодно было, чтобъ генералъ невѣрныхъ ослѣпленъ былъ блескомъ двухъ-сотъ-тысячь червонцевъ, для спасенія великаго множества честныхъ людей, которые, по-истинѣ, находились въ рукахъ Турковъ.

Въ часъ пополудни Отоманы обнародовали миръ, и почти въ то же время фельдмаршалъ отдалъ приказъ арміи выступить въ походъ въ

шесть часовъ вечера, въ новомъ боевомъ порядкѣ, коего планъ роздант былъ всѣмъ генераламъ, дабы каждый изъ нихъ занялъ свое мѣсто. Войско должно было выступить изъ лагеря съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и съ флейтами передъ каждымъ полкомъ.

Ненужно было приказывать офицерамъ, у коихъ оставались еще экипажи, ихъ облегчить: необходимость и такъ ужъ того требовала. Множество добра побросали въ лагерѣ, ибо лошади едва таскались, изнуренныя и чуть живыя.

Прежде нежели оставимъ лагерь, вы позволите, милостивыя государыня, исчислить вамъ потерю обѣихъ армій въ эти четыре дня. Достовѣрно, что Его Царское Величество лишился не болѣе какъ 8,800 человѣкъ убитыми. Изъ генераловъ убитъ одинъ г. Видманъ; два полковника, пять подковниковъ, 18 капитановъ и 26 нижнихъ чиновъ раздѣлили съ нимъ ту же участь. Турки чистосердечно признались намъ, что они потеряли убитыми 8,900 человѣкъ, между прочимъ, одного любимца ихъ султана и множество офицеровъ.

24-го, въ 6 часовъ вечера, армія выступила въ походъ центромъ праваго фланга. Четыре

батальона, въ немъ находившіеся, составляли фронтъ подъ командою генерала барона Денсберга, генералъ-маіора Альфенделя и бригадира Моро-де-Бразе (Moreau de Brasey, comte de Lion en Beance). Прочіе генералы слѣдовали по старшинству; Адамъ Вейде и князь Голицынъ составляли арьергардъ, а солдаты несли рогатки, какъ и во время сраженія. Армія, составляя батальонъ-карре, гордо прошла мимо Турковъ, выстроенныхъ въ одну линію въ долинѣ по лѣвую нашу руку. Мы шли до самой ночи по берегу Пруша, который былъ отъ насъ вправо, а горы влѣво.

Одинъ Французскій инженеръ, по имени Терсонъ, человѣкъ самый честный, уважаемый Царемъ и Русскими, пріятель всего свѣта, удостовѣрилъ меня, что есть люди, имѣющіе вѣрныя предчувствія о своей смерти. Сей Француз подружился со мною въ Ригѣ, гдѣ я узналъ его; и когда, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ, встрѣтились мы въ той же арміи, онъ часто дѣлалъ мнѣ честь навѣщать меня и довольствоваться моей хлѣбъ-солью. Въ тотъ день, какъ возвратились мы въ лагерь, въ сопровожденіи непріятелей, онъ ко мнѣ пришелъ поздравить меня съ достославнымъ нашимъ отступленіемъ и съ

пѣмъ, что генералъ Янусъ благосклонно отзывался ему обо мнѣ, радуясь, что въ семъ случаѣ имѣлъ меня при себѣ. Я отвѣчалъ, что генералъ Янусъ отдавалъ свои приказанія съ такою ясностію, что офицеру, какъ бы тупо ни было его понятіе, невозможно было ихъ не выполнить. Умирая съ голоду, я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ то, что могъ еще найти годнаго въ моихъ запасахъ, и Терсонъ послѣдовалъ моему примѣру. Тутъ открылъ онъ мнѣ за тайну, что ему изъ Молдавіи не выдти и что онъ оставитъ въ ней свои кости. Я всячески старался разсѣять его мрачное предчувствіе, но тщетно. Заключили миръ, армія выступила. Терсонъ былъ къ моему посту и довольно долго со мною разговаривалъ. Я сталъ смѣяться надъ его предчувствіемъ, доказывая его ложность, ибо миръ былъ заключенъ. Онъ отвѣчалъ, что генералъ Янусъ, которому также онъ открылся, дѣлалъ ему то же разсужденіе, но что онъ и мнѣ далъ тотъ же отвѣтъ какъ и генералу, именно, что онъ изъ Молдавіи еще не вышелъ и что мы успѣемъ надъ нимъ посмѣяться, когда войско перейдетъ за Днѣстръ. Нѣсколько времени спустя, онъ меня оставилъ и поѣхалъ къ генералу Янусу, который, страдая подагрой, ѣхалъ въ каретѣ вдоль праваго фланга во ста шаговъ

отъ фронта. Поговоривъ съ нимъ немного, онъ оставилъ его по нѣкоторой нуждѣ. Одинъ изъ Тапаръ, слѣдовавшихъ за нашей арміей, въ намѣреніи что-нибудь подцѣпить, проскакавъ мимо его, воткнулъ въ него копье и оставилъ его мертвымъ, не снявъ даже съ него шляпы. Генералъ Янусъ послалъ за мною своего адъютанта, и показалъ мнѣ его тѣло, принесенное къ батальону гренадерами, и которое было еще тепло. Мы жалѣли объ немъ отъ всего сердца и дивились между-тѣмъ предчувствіямъ, которыя оспаривалъ я съ упрямствомъ. Фельдмаршалъ послалъ трубача къ великому визирю съ жалобою на нарушеніе условій. Трубачь возвратился ночью съ предписаніемъ вѣшать всѣхъ Тапаръ, которые попадутся намъ въ руки, гоняясь за нашей арміей.

При совершенномъ наступленіи ночи, Его Царское Величество велѣлъ остановиться баталіону-карре. Мы выстроились какъ можно исправнѣе. Мы расположились на бивакахъ. Ночлегъ былъ крапокъ и ночь чрезвычайно дождлива.

Не правда ли, что вы находите меня нечувствительнымъ въ отношеніи къ вашему полу, ибо до сихъ поръ не говорилъ я вамъ о всемъ,

что препериѣли дамы, находившіяся въ нашей арміи? Вообразите ихъ себѣ, милостивая государыня, посреди ужасовъ четырех-дневнаго сраженія, подверженныхъ тѣмъ же опасностямъ, какъ и мы; карепы ихъ проспрѣлены были пулями, разбиты пушечными ядрами; и эти милыя дамы должны были попасться въ плѣнъ, если не погибнуть въ нечаянномъ нападеніи, котораго мы только и опасались. Не знаю, болѣе ли онѣ спрадали во время битвы, нежели радовались о своемъ избавленіи; но знаю, что генералъ-маіорша Бушъ, три недѣли послѣ, не могла еще оправиться отъ спраха, ею перепѣнаго въ тѣ четыре дня, какъ мы имѣли дѣло съ Турками.

Какъ объ условіяхъ мира хранили глубокое молчаніе, то мы (иноспранцы) никого и не разспрашивали, а разсуждали о нихъ между собою, не сомнѣваясь, чтобъ они не были весьма тяготны для Его Царскаго Величества. Однако мы узнали обо всемъ въ походѣ (25 іюля) и совсѣмъ неожиданнымъ для насъ образомъ.

Армія выступила въ походъ на разсвѣтѣ съ экипажемъ, уменьшеннымъ по крайней мѣрѣ двумя трепями. Въ полдень пришли мы въ тѣсни-

ну, гдѣ мы такъ долго простояли въ началѣ нашего похода. Я былъ одинъ изъ начальниковъ авангарда или фронта нашего батальонъ - карре, который, для большей удобности экипажей, раздѣлился при входѣ въ тѣснину. Мы первые прибыли въ долину, находящуюся за тѣсниною: мѣсто пріятное, окруженное густыми деревьями и огражденное слѣва высокими, лѣсистыми горами, а справа рѣкою Прутомъ, разливающимъ на свои берега прохладу, которой мы и воспользовались. Тамъ наспигли меня сначала генералъ-маіоръ Бушъ, а вслѣдъ за нимъ генералъ баронъ Остенъ. Всѣ трое мы проголодались. Карета госпожи Бушъ ѣхала невдалекѣ. Мужъ ея послалъ спросить: нѣтъ ли у нея, что̀ бы намъ пообѣдать. Эта милая дама прислала намъ бутылку Венгерскаго вина, четыре холодныхъ цыпленка, хлѣба довольно черстваго, но все жъ хлѣба, и мы, при приближеніи такого сильнаго сикурса, избрали мѣстоположеніе и стали работать съ одинаковою жадностію. Бутылка нашлась недостаточной для утоленія нашей жажды: мы послали за подкрѣпленіемъ, которое и было намъ доставлено съ тою же любезностію. Только-что мы кончили нашъ обѣдъ, фельдмаршалъ на насъ наѣхалъ и попросилъ насъ угостить трехъ пашей, присланныхъ отъ великаго визи-

ря къ Его Царскому Величеспву, покамѣспъ Государь не даспъ имъ опвѣпа. Мы къ нимъ опправились. Одинъ изъ нихъ говорилъ хорошо по-Нѣмецки и еще лучше по-Лапинѣ. Онъ доспался на мою долю; друзья мои довольспвовались оба однимъ изъ оспальныхъ, говорившимъ польско по-Нѣмецки. Въ минупы первыхъ привѣпспвій слуги фельдмаршальскіе разбили шаперъ, посплали на-земь коверъ Турецкій, на копорый усадили мы нашихъ прехъ пашей. Они сѣли сложивъ ноги крепіомъ и велѣли принеспи себѣ прубки, коихъ чубуки сполъ были длинны, чпо головки ихъ лежали на землѣ.

Сначала разговоръ нашъ былъ общій. Они сказали намъ, чпо великій визирь послалъ ихъ предложипь Его Царскому Величеспву 2,000 человѣкъ спаговъ для опогнанія Тапаръ, насъ преслѣдующихъ, и изъ коихъ шесперо ночью были пойманы, не счипая тридцапи убипыхъ нашими конными гренадерами. Наконецъ паша, говорившій по-Лапинѣ, коль скоро узналъ, чпо я Французъ, подозвалъ меня къ себѣ и громко объявилъ, чпо Французы были пріяпели Туркамъ. Тогда, вспупивъ въ частныя разсужденія, я спросилъ у него, по какой причинѣ и на какихъ условіяхъ заключили они миръ? Онъ опвѣчалъ,

что твердость наша ихъ изумила, что они не думали найти въ насъ столь ужасныхъ пропивников; что, судя по положенію, въ которомъ мы находились и по отступленію нами совершенному, они видѣли, что жизнь наша дорого будетъ имъ стоить, и рѣшились, не упуская времени, принять наше предложеніе о перемиріи, дабы насъ удалить. Онъ объявилъ, что въ первые три дня артиллерія наша истребила и изувѣчила множество изъ ихъ единоземцевъ, что у нихъ было 8,000 убитыхъ и 8,000 раненыхъ, и что они поступили благоразумно, заключивъ миръ на условіяхъ, почетныхъ для султана и выгодныхъ для его народа.

Вы чувствуете, милостивая государыня, что, увидя случай отозваться съ похвалою о нашей арміи, я не сталъ скромничать и, признаюсь, отъ-роду не хвастался я съ такимъ усердіемъ и не встрѣчалъ подобной довѣренности. Потомъ я сказалъ ему, что, будучи доволенъ изъясненіемъ причинъ, по которымъ заключили они миръ, я хотѣлъ бы знать и условія онаго; онъ охотно исполнилъ мое желаніе, выпивая кофе, который между-тѣмъ имъ подносили. И вотъ они, сіи условія, которыя тѣмъ болѣе изумили меня, что, основываясь на предложеніяхъ, показанныхъ

мнѣ въ Ригѣ Левенвольдомъ, я полагалъ короля Шведскаго истинною причиною войны.

1) Его Царское Величество возвратилъ Туркамъ Азовъ, срывъ новыя укрѣпленія онаго, также и крѣпости, выстроенныя имъ по берегу.

2) Флотъ свой и морское войско переведетъ онъ въ Воронежъ и не будетъ имѣть другой, ближайшей пристани къ Черному морю, кромѣ Воронежской.

3) Казакамъ возвратитъ ихъ старинную вольность, а Польшѣ Украйну Польскую, такъ же какъ и Эльбингъ и другіе города, имъ захваченные.

4) Выведетъ безъ изъятія всѣ полки, находящіеся въ разныхъ частяхъ Польши, и впредь, ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ случаѣ не введетъ ихъ обратно, самъ или черезъ своихъ генераловъ.

5) Наконецъ Его Царское Величество дастъ королю Шведскому свободный пропускъ въ его государство, даже, въ случаѣ нужды, и черезъ свои владѣнія, съ конвоемъ, который дать бу-

депъ отъ султана; также не станетъ никакимъ образомъ превожить короля во время проѣзда его черезъ Польскія владѣнія, обязуясь въ то же время удержать и Фридерика Августа, курфирста Саксонскаго, отъ всякаго непріязненнаго покушенія какъ на особу короля, такъ и на конвой, его сопровождающій.

Таковы были условія мира, столь полезнаго и столь нужнаго для славы Его Царскаго Величества. Прибавьте къ тому и 200,000 червонцевъ, подаренныхъ великому визирю (что подтверждено мнѣ было моимъ пашею).

Онъ сказалъ мнѣ, что, спустя часъ, по отступленіи арміи нашей, Шведскій король переѣхалъ черезъ Прутъ на челнокѣ, сдѣланномъ изъ выдолбленнаго пня, пустивъ лошадь свою вплавь, и самъ-шестъ прискакалъ въ лагерь великаго визиря; что король говорилъ ему съ удивительною гордостію и между прочимъ сказалъ, что «если одинъ изъ его генераловъ вздумалъ бы только заключить таковой миръ, то онъ отрубилъ бы ему голову, и что ему, визирю, должно того же ожидать отъ султана.» На всю эту брань великій визирь отвѣчалъ только то, что онъ имѣлъ отъ султана приказаніе, и что онъ ни-

чего не сдѣлалъ безъ согласія одного министра (de Sa Hauteesse), находящагося въ его лагерѣ, и своего военнаго совѣта.

Мы разговаривали обо всемъ этомъ, какъ фельдмаршалъ пришелъ имъ объявить, что Его Величество принимаетъ учтивое предложеніе великаго визиря. Паши откланялись, взявъ съ собою шесперыхъ Тапаръ, схваченныхъ нами ночью, и отослали ихъ связанныхъ къ великому визирю для примѣрнаго наказанія.

Я всегда воображалъ себѣ Турковъ людьми необыкновенными; но мое доброе о нихъ мнѣніе усилилось съ тѣхъ поръ, какъ я на нихъ насмотрѣлся. Они большею частію красивы, носятъ бороду, не столь длинную какъ у капуциновъ, но снизу четыреугольную и холятъ ее, какъ мы холимъ лошадей. Эти паши, хотя всѣ прое даного цвѣта, имѣли красивѣйшія лица. Тотъ, съ которымъ я разговаривалъ, признался мнѣ, что ему было 63 года, а на взглядъ нельзя было ему дашь и сорока пяти.

Армія наша, разстроившая баталіонъ-карре при входѣ въ пѣснину, раздѣлилась въ долинѣ, находящейся при выходѣ изъ оной. Его Царское

Величество съ Преображенцами, Семеновцами, Астраханцами и Ингерманландцами спалъ въ авангардѣ въ двухъ миляхъ отъ пѣсчины. Генералъ-лейтенантъ Брюсъ съ артиллеріей и дивизія князя Репнина слѣдовали за Его Величествомъ и расположились лагеремъ въ полупорѣ-мили; генералъ баронъ Денсбергъ въ одной мили; генералъ баронъ Аллартъ въ полу-мили, съ кавалеріей, которою командовалъ онъ по приказанію Его Величества, ибо г-нъ Янусъ страдалъ въ это время подагрою. Дивизія же Адама Вейде осталась при выходѣ изъ пѣсчины. Двухъ-тысячный Турецкій отрядъ раздѣлился на три части: одна осталась въ тылу арміи, а двѣ другія расположились по ея флангамъ. Въ такомъ расположеніи и наблюдая всѣ тѣ же диспанціи, мы пошли на Яссы, гдѣ надѣялись найти всѣ запасы, нужные для обратнаго нашего похода черезъ степи. Мы достигли сего города въ шесть переходовъ, каждый въ четырехъ миляхъ состоявшій. Тамъ оставались мы четыре дня и запаслись всѣмъ, что̀ могли только найти.

Много претерпѣлъ бы я во время сего перехода, еслибы генералъ баронъ Аллартъ, зная, что я потерялъ мой экипажъ, не снабдилъ меня великодушно повозкою, черезъ которую лоша-

дей и прекрасною палапкой съ ея маркизою. А какъ въ повозочкѣ моей (paloube) съ одеждой и бѣльемъ находилась и поспеля, по я въ своемъ несчастіи почипалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Давъ четырехъ-дневный отдыхъ своей арміи и собравъ запасы для перехода черезъ степи, Его Царское Величество повелъ насъ вдоль Пруша до (Stanope) Станопа, по дорогѣ не столь прудной и дальней, какъ Сороцкая. Въ Станопѣ мы стояли опять четыре дня по той причинѣ, что Его Величество приказалъ навести одинъ только мостъ для переправы всей арміи.

Здѣсь разспались мы съ премя пашами и съ ихъ опрядомъ. Дорогой имѣлъ я честь нѣсколько разъ съ ними разговаривать, а однажды и обѣдать вмѣстѣ у генералъ-лейтенанта барона Остена. Они попросили рису варенаго на молокѣ и наѣлись его, насыпавъ кучу сахару. Мы никакъ не могли заставить ихъ пить Венгерскаго вина, какъ ни просили; они предпочитали кофе, сваренный по ихъ обычаю, и который пили они цѣлый день.

Отъ Станопа армія въ четыре дня пришла

къ Могилеву на Днѣспръ, куда прибылъ ужъ Сороцкій гарнизонъ, испребивъ мосптъ и наружныя укрѣпленія города. Новый мосптъ, который должно было навеспи на Днѣспрѣ, задержалъ насъ шупъ еще восемь дней. Буджацкіе Тапаре вздумали-было насъ безпокоипь. Казачій полковникъ заманилъ ихъ по-своему въ засаду. 160 были убипы, шесперо взяпы въ плѣнъ, и фельдмаршалъ велѣлъ ихъ повѣсипь всѣхъ на одномъ деревѣ на самой высокой изъ сосѣднихъ горъ, дабы ускрашипь пѣхъ, которые вздумали бы опять насъ безпокоипь въ нашемъ лагерѣ или фуражировкѣ, чпо̀ не переспавали они чинипь съ нами опъ самаго Спанопа.

Мосптъ былъ гоповъ, и армія спокойно переправилась въ прое супокъ. Шеспь бапальоновъ гренадеръ оспались въ арріергардѣ лагеря, изъ опасенія, чпобъ Тапаре, крыющіеся въ горахъ, не попревожили переправы нашихъ послѣднихъ полковъ. Но они оказались болѣе благоразумными, нежели мы предполагали; прученные послѣднею своею неудачей, они уже не показывались, и опспупленіе наше совершилось со всевозможнымъ спокойспвіемъ.

Во время нашего пребыванія въ лагерь за Днѣ-

спромъ въ Подоліи, Его Царское Величество пожелалъ узнать въ точности потерю, имъ понесенную въ сей крапкій, но прудный походъ. Приказано было каждому бригадиру представить къ слѣдующему утру подробную опись своей бригадѣ, опредѣливъ состояніе оной въ первый день вступленія нашего въ Молдавію и то, въ которомъ находилась она въ день отданнаго приказа. Воля Его Царскаго Величества была исполнена: изъ 79,800 людей, состоявшихъ на лицѣ при вступленіи нашемъ въ Молдавію, если вычесть 15,000, находящихся въ Валахіи съ генераломъ Рене, оставаться надлежало 64,800; но оказалось только 37,315. Вотъ все, что вышло изъ Молдавіи. Прочіе остались на удобреніе сей безплодной земли, отчасти истребленные огнемъ непріятельскимъ, но еще болѣе поносомъ и голодомъ.

На третій день нашего пребыванія въ новомъ лагерѣ, куда припасы спекались изобильно изъ Каменца и другихъ городовъ Подольскихъ, Государь, Императрица, свита ихъ и министры (за исключеніемъ барона Шафирова и графа Шереметева, оставленныхъ въ лагерѣ Турецкомъ заложниками мира) отправились incognito въ 10 часовъ вечера, подъ прикрытіемъ одного поль-

ко гвардейскаго эскадрона, къ Ярославу. Тамъ, по приказанію Государя, пригоповлены были суда, на которыхъ онъ Вислою отправился въ Торнъ, гдѣ Императрица, въ то время беременная на седьмомъ мѣсяцѣ, располагалась родить. Это былъ первой ея ребенокъ съ того времени, какъ она признана была Императрицей: честь, коей она достойна болѣе многихъ принцессъ, которыя должны бы краснѣть отъ стыда, видя, что женщина ничтожнаго происхожденія (une femme de rien), безо всякаго образованія, не воспитанная въ чувствахъ величія и душевной возвышенности, свойственныхъ высокому рожденію, поддерживаетъ санъ Императорскій со всею честію, величіемъ и умомъ, какихъ можно было бы только ожидать отъ самой знатнѣйшей крови.

На другой день отъѣзда Его Величества, фельдмаршалъ со всею арміей выступилъ въ походъ и остановился лагеремъ въ Шарградѣ, куда, по его приказанію, съѣхались всѣ генералы изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ они находились; ибо армія была распредѣлена по разнымъ направленіямъ для удобства продовольствія и фуражировки.

Когда генералы собрались въ палапкахъ фельд-

маршала, онъ объявилъ имъ, что Его Царское Величество, заключивъ миръ съ Турками, не имѣлъ уже надобности въ столь великомъ числѣ генераловъ, что онъ имѣлъ повелѣніе Государя отпустить тѣхъ изъ нихъ, которые, по ихъ большому жалованью, наиболѣе были ему тягостны; что онъ именемъ Его Царскаго Величества благодаритъ ихъ за услуги, ими оказанныя, особенно въ сей послѣдній походъ; потомъ онъ роздалъ абшиды генераламъ, коимъ прилагаю здѣсь списокъ, включая въ томъ числѣ тѣхъ, которые оставили службу Его Величества съ 1-го января 1711 года.

СПИСОКЪ ГЕНЕРАЛАМЪ,

ОТПУЩЕННЫМЪ ЕГО ЦАРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ ИЛИ ОСТАВИВШИМЪ ЕГО СЛУЖБУ БЕЗЪ ОТПУСКА.

Фельдмаршалъ генералъ-лейтенантъ Гольцъ отошелъ безъ отпуска, не получивъ 60,000 экю и болѣе должнаго ему жалованья.

Генералъ Янусъ отошелъ безъ отпуска по той же причинѣ.

Генералъ баронъ Денсбергъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ-лейтенантъ баронъ Оспенъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ-лейтенантъ Носпицъ, Эльбингскій комендантъ, отошелъ безъ абшида, самовольно удовлетворивъ себя 50,000 экю, которые считалъ за Государемъ.

Бригадиръ графъ де-Фризъ отошелъ безъ отпуска.

Бригадиръ Моро-де-Бразе (comte de Lion en Beance) отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ Боэ отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ баронъ Ремкингъ отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ графъ Ламберти отпущенъ съ абшидомъ.

Баронъ Денсбергъ, кавалерійскій полковникъ, отпущенъ также съ абшидомъ.

Полковникъ отъ инфантеріи Миропсъ отпущенъ также съ абшидомъ.

На слѣдующій же 1712 годъ отпущены съ абшидомъ генералъ баронъ Аллартъ и генералъ-лейтенантъ Флюгель.

14-ть иностранныхъ полковниковъ отпущено съ абшидомъ; нѣкоторые же отошли сами.

22 полковника отпущены съ абшидомъ, отчасти отошли.

156 капитановъ отпущены или отошли сами.

Фельдмаршалъ не слишкомъ много истратилъ денегъ, отпуская всѣхъ сихъ офицеровъ; ибо никому ничего не заплатилъ; и до сихъ поръ за нимъ пропадаетъ жалованья моего за 13 мѣсяцевъ *, по 130 рублей на мѣсяцъ (рубль стоилъ 5 Фр. ливровъ): я получалъ 70 рублей какъ бригадиръ, 40 какъ полковникъ и 20 какъ капитанъ.

Генералъ баронъ Денсбергъ имѣлъ ужасную схватку съ фельдмаршаломъ, касательно денегъ; но это ни къ чему не послужило. Дѣлать было нечего; мы рѣшились терпѣть. Генералъ баронъ Денсбергъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ и я отправились вмѣстѣ черезъ Satanore (Тарнаполь, гдѣ мы встрѣтили полки генерала Рене, возвращающіеся изъ Валахіи, и которые тамъ обогатились въ той же мѣрѣ, какъ мы обнищали) и потомъ черезъ Замосцъ въ Леополь, гдѣ

* Кажется, слышишь храбраго капитана Dalgetty, жалующагося на недоимки и неисправность въ платежѣ жалованья. *Прим. А. С. П.*

цѣлый мѣсяцъ отдыхали отъ трудовъ нашего сумасброднаго похода. Въ семъ-то городѣ познакомился я съ госпожею коронною старостиной и ея сестрою, госпожею великой хорунжихою. Обѣ онѣ сестры великому коронному гетману Синявскому. Сіи дамы оказали мнѣ множество вѣжливостей; между прочимъ получилъ я отъ старостины прекраснаго Испанскаго табаку, который оживилъ мой носъ, совсѣмъ изнемогавшій безъ сей благодѣтельной помощи, для меня необходимой.

Изъ Леополя мы пріѣхали въ Варшаву, гдѣ отдыхали еще одинъ мѣсяцъ. Оттуда Вислою отправился я съ барономъ Остеномъ и его супругою въ Данцигъ, гдѣ нашелъ я свою жену и семейство свое, умноженное одною наслѣдницею, милымъ и прекраснымъ ребенкомъ.

КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Puškin, Aleksandr Sergeevič,

Sočinenija Alexandra Puškina

Bd.: 11

Sanktpeterburg 1841

Bamberg, Staatsbibliothek -- L.russ.o.60(11
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11731122-3